

84(2P-PH)6-5
Кр. К 94

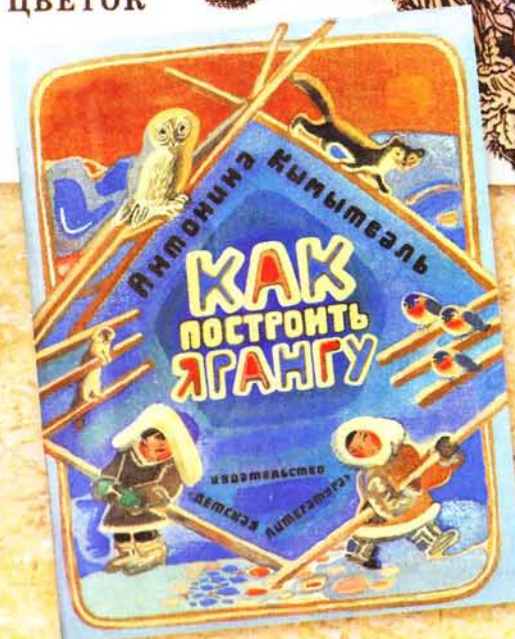
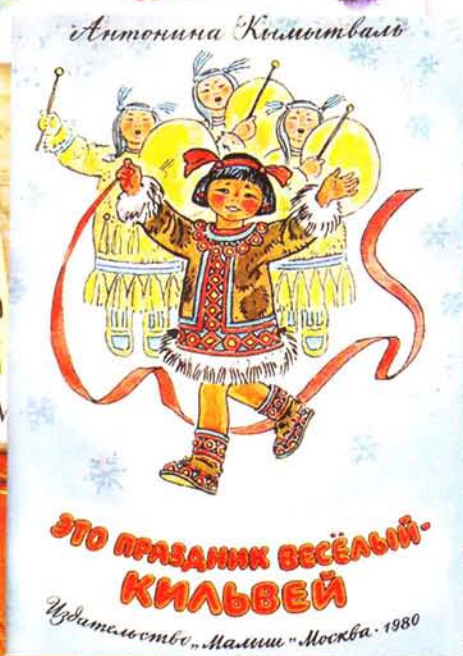
96

Антонина КЫМЫТВАЛЬ

Мои стихи

КОЛЫМСКИЕ
ПРОСТОРЫ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Антонина КЫМЫТВАЛЬ

Мои стихи

- 0251802

Магадан • 2008

Муниципальное учреждение
культуры
ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ
СИСТЕМА
г. Магадан, ул. Новая, 29а

Тексты печатаются по изданиям:

- «Песня сердца» (стихи: перевод с чукотского). Магадан, 1962.
«Кто это?» (стихи для детей, перевод с чукотского). Магадан, 1968.
«Тебе» (стихи: перевод с чукотского В. Сергеева). Магадан, 1969.
«Слушая музыку» (стихи: перевод с чукотского). Магадан, 1972.
«Непоседа» (стихи для детей: перевод с чукотского). Магадан, 1974.
«О чём поёт бубен» (стихи для детей: перевод с чукотского В. Першина). Магадан, 1977.
«Это праздник весёлый — кильвей» (стихи для детей: перевод с чукотского Ю. Кушака). М.: Малыш, 1980.
«Мой любимый цветок» (стихи и поэма: авторизованный перевод с чукотского А. Червченко). Магадан, 1982.
«Встреча с Умкой» (стихи: перевод с чукотского В. Першина). Магадан, 1983.
«Под крылом моей яранги» (стихи: перевод с чукотского М. Эдидовича). М.: Современник, 1985.
«Полярная муза» (перевод с чукотского). Магадан, 1987.
«Как построить ярангу» (сказки, рассказы, стихи: авторизованный перевод с чукотского Ю. Кушака). М.: Детская литература, 1987.

Издание осуществлено на средства, предусмотренные Законом Магаданской области от 17 декабря 2007 года «Об областной целевой программе «О финансовой поддержке общественных объединений в Магаданской области на 2008–2010 годы».

Кымытваль, А. А.

К 97 Мой стихи : пер. с чукот. / Антонина Кымытваль ; [предисл. В. И. Данилушкина]. — Магадан : Новая полиграфия, 2008. — 235 с.

Антонина Кымытваль — первая чукотская поэтесса. Широкий читательский интерес к ее творчеству, возросший в связи с юбилеем, заставил издать стихи и прозу писателя наиболее полно в одном томе. Сборник открывает серию книг, выпускаемых Магаданским региональным отделением Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» в качестве приложения к журналу «Колымские просторы».

ББК 84(2Рос=Чук)-5

- © Обложка, Валерий Прасков, 2008
© Магаданское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России», 2008
© ООО «Новая полиграфия», 2008

ЧУКОТСКОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

После многолюдного эмоционального вечера 27 мая 2008 года в областной библиотеке имени А. С. Пушкина мы «остывали» с Антониной Александровной у нее дома в обществе молодого парня из Анадыря, который был счастлив и горд возможностью близкого общения с «легендой Чукотки».

Ей вспоминались мгновения жизни, дорогие лица. Поток сознания вынесло в Канаду, где доводилось выступать в общинах имени Кымытваль. Благодаря стихам северянки у людей из-за океана появился интерес к Чукотке, чукотскому да и русскому языкам.

Вспоминала огромные букеты сирени от сокурсников и преподавателей ВЛК — Высших литературных курсов в Москве, от Михалкова до Задорнова, не того, что много лет выступает с эстрады, а его отца — романиста. Автор «Дяди Степы» и на этот «круглый» день рождения прислал трогательную телеграмму.

Поклонников было много, и все знали, что есть «каменная стена» — муж Виталий Задорин, уважали этот выбор. Он и собеседник, и литературный секретарь, и повар, и огородник. Ему посвящены стихи. «Жаль только, что ушел он к верхним людям, а сердечко мое в ладошке унес»...

Семейство Кымытваль-Задориных переехало в Магадан из Анадыря в 75-м, тогда-то мы и познакомились. В начале лета я холостяковал, отправив жену с сыном на «материк», и приглашение в семейный дом было приятным сюрпризом.

Соленая голова кеты порезана на ленточки: жуй хрящики, запивай пивом — предисловие к разговору. Рассказывая о Чукотке, Виталий варит свежую капусту с мясом. Кулинар он отменный. Несколько лет спустя я тоже сумел приготовить австралийскую баранину так, что ее приняли за оленину.

Он написал первую свою брошюру об оленеводстве, я уже запустил ее в производство, чрезвычайно довольный, что удалось закрыть позицию тематического плана серии «Герои пятилетки». Теперь сюрприз: оказывается, передовик имел четыре жены, все жили в одной яранге, не бросаясь в глаза начальству — больно уж старенькие для аморалки.

Анекдоты про чукчей появились позже, и Виталий Игнатьевич уже в рыночную эпоху написал большую работу про «эпоху Кымытваль», одна из глав которой посвящена анекдотам. По мнению автора, анекдоты, гуляющие по стране, свидетельствуют о пассионарности небольшого, творчески одаренного народа. То, что он публиковал из номера в номер областной газеты и предложил нашему журналу, было, по моему мнению, лишь черновым наброском «жития поэта».

Когда вышел первый номер «Колымских просторов» с экономическим очерком Задорина, мы договорились с автором о совместном редактировании его сочинения про поэтессу-жену (не поворачивается язык назвать ее бывшей).

А незадолго до этого, в начале мая, к нему на дачу собралась вся богема, горланили песни, перебывали друг друга анекдотами, дышали дымом идеально, до музыкального звона высушенных дровишек, напленных из остатков снесенных барачков. А под вечер вдруг изумились, что окружающий лес на

сопке подернулся зеленой акварелью. Все было, как и раньше, но без Антонины, она находилась, как я понял, на даче младшей дочери, по соседству.

Когда все разошлись, он сказал, что на этом огородном участке обреталось 13 воронов — черных, как бочка дегтя, и ведь все поулетали, когда расстался с женой, не дотянув до свадьбы высокой пробы. Пернатые долгожители являются хранителями астрального тела нашей героини, и с их исчезновением что-то роковым образом нарушилось в окружающем нематериальном мире. Тогда как-то не думалось, что встреча была в общем-то последней и задним числом придется отыскивать скрытый смысл в каждой так введливо запомнившейся фразе.

Есть у книжного редактора не ведомое представителям других профессий развлечение: возьмишь книжку, которую «вел» много лет назад, и вдруг во всех подробностях предстаёт время, когда она создавалась. И я будто вчера, 33 года назад, с изумлением осматриваю обстановку хрущёвки на Гагарина, резные бивни и шитьё бисером, завидую хорошим книгам. И вот явление хозяйки и традиционный не заданный «мужской» вопрос: ну-ка, что ОН в НЕЙ нашёл? Но это лишь в первые минуты. Потом-то понимаешь, что отныне тебе больше всего будут нравиться именно азиатские женщины.

Вообще-то я уже имел представление о Кымытваль. Одной из первых отредактированных мною книжек был сборник поэта Эдидовича. Наряду с оригинальными стихами публиковались в нём переводы с чукотского. Михаил ездил на Чукотку, поработал оленеводом, зверобоем: тогда было модно «делать биографию». Да и Анатолий Аграновский заразил все редакции страны рубрикой «Журналист меняет профессию», Михаил был журналистом почти до самого последнего своего часа. В жизни поэта много от артиста. Он представлял себя каюром, путешественником, а однажды даже китом, занесённым из льдов Чукотки к берегам Анголы. Название страны хорошо рифмовалось, и страна дружеская, боролась с колонизаторами. Представлял он себя и в образе женщины: написал несколько стихов «На мотивы Кымытваль».

Тогдашний главред Людмила Стебакова подняла свои ухоженные брови: «Какие такие мотивы? Не знаете, как это делается? Автор — Кымытваль, переводчик Эдидович».

Что ж, чего хочет женщина, особенно если она начальник, того хочет бог... «Война Чукотку обошла», — такая была первая строка. Потом он поправил (см. в данной книге). Стихотворение опубликовали многие издания Советского Союза, в том числе «Литературная газета»: канун 30-летия Победы как никак. Оригинальные стихи Эдидовича такой чести не удостоивались. Какой-то крупинки соли в них не доставало. А вот хрупкой восточной женщине дан такой дар индивидуальности, который зажигал и удивлял многих, которого хватало на многих собратьев по перу. Молодой в ту пору Станислав Бахвалов признавался: мол, она сделала меня поэтом.

«У чукчей нет Анакреона, к зырянам Пушкин не придет», — в позапрошлом веке заметил классик. Верно. Надеяться не на кого, надо действовать самой. Торить лыжню по целине в стране белого безмолвия.

«Стихи Антонины Кымытваль, чукотской поэтессы, имеют счастливую судьбу: будучи едва опубликованными в периодической печати, в газете «Советкэн Чукотка», они сразу же становятся известны далеко в тундре, распространяясь из уст в уста», — писал Юрий Рытхэу в предисловии к сборнику «Под крылом моей яранги», изданному в Москве в переводах Эдидовича.

В ту эпоху было мнение: перевод — это донорство. То есть переводчик вливает

автору собственную кровь. Не скоро до меня дошло, что и переводчик многое получает от автора. Уже в новом веке стараниями писательской организации вышла книга «Звездный бисер» эвенской сказительницы Чины Моторовой. Благодаря этой работе многое проясняется в мироустройстве Крайнего Севера. Хотя бы то, что в фольклоре чукчей и эвенов, коряков и эскимосов нет «щучьего веления» и работать надо круглый год, не покладая рук, чуть ли не с пеленок до последнего вздоха. Летний день год кормит, но и зимний тоже. Появись сказки эвенов раньше, возможно, иначе были бы написаны «суперменские», ставшие классическими книги Куваева, Мифтахутдинова, Рожкова, Христофорова.

...В тематическом плане издательства заявлена книжка Антонины Кымытваль «Мой любимый цветок» в переводе Эдидовича. Рукопись показалась мне слабой, просто беспомощной. С неделю ушло на то, чтобы сформулировать претензии к переводчику. Главред, тогда им был Александр Бирюков, неожиданно легко согласился с моими доводами, только вот книжку все равно нужно выпустить, ведь она стоит в плане.

А давай попросим сделать перевод Александра Черевченко! Неожиданно легко поэт отыскался в отпускную пору. Засел на даче под Ригой, а была уже осень, вдохновенная пора. Одним махом перевел всю книгу. Более двух тысяч строк! Меня всегда восхищала работоспособность Александра Ивановича, умение сочетать работу журналиста и поэта. Многократно пересек он по воздуху и морю, по суше Магаданскую область, тогда к ней относилась и Чукотка. Если доведется ехать из Магадана по Колымской трассе, то в районе Оротукана вспомните нынешнего рижанина по прозвищу Че. Это как раз протяженность Латвии. Всю страну, теперешнее его пристанище, можно пересечь в один прием на машине. Ему там тесно, в другой стране, а Север вспоминается со сложным чувством горечи и грусти. Он издал в Магадане несколько своих сборников, которые с годами обрели новую выразительность. Перевел первую книгу Зои Ненлюмкиной, за что был принят в «почетные эскимосы»; Магаданский обком комсомола удостоил обоих премии.

«Осенью минувшего года, будучи в командировке в Баренцевом море, я читал стихи поэтессы в собственных переводах рыбакам тралового флота. Стихи очень понравились. Многих слушателей заинтересовало, насколько русский текст соответствует чукотскому оригиналу. Возможно, подобные вопросы возникнут у читателей данной книги.

Лично я переводил стихи в тесном сотрудничестве с автором, а это достаточно строгий и требовательный судья. Если говорить о трудностях, то главная, во всяком случае для меня, — это вживание в женскую психологию, которая, как известно, зачастую лишена логики», — пишет он в предисловии к сборнику «Полярная муза», вышедшему в Магадане в 1987 году, пять лет спустя после «Цветка».

«Мой любимый цветок» единодушно признан этапной книгой поэтессы. Раненый русский летчик в яранге. Его выхаживает врач-чукчанка. Едва оклемавшись, парень пытается соблазнить спасительницу. И она дает ему урок: мол, нужно дожидаться, когда придет полярный день и весеннее солнце даст сил тундровому зверю, когда родятся олени и ступят копытами по талому снегу. Это самое лучшее время для любви. Тогда и человеческая любовь не зачахнет. Помню, читал эти стихи со странным чувством, будто написано обо мне. Умом-то понимаешь, что быть того не можешь, а сердце начинает биться быстрее...

Вот я дома, опять холостякую, солю икру. Звонок. Замедленный голос

Виталия, заклинающего бросить все и приходиться немедленно, иначе случится непоправимое. Сердце екает, лопается и растекается сладкой болью. У меня руки по локоть в рыбьей крови, кровь на очках, на майке, и тревожные мысли растекаются в голове. Мысленно я уже там, в соседнем доме. Он расположен перпендикулярно нашему, и восточный ветер не трогает его, в мороз можно распахнуть балкон и достать замороженную оленью ногу, снять с нее стружку, чтобы помакать в аджику и с утра до вечера пить водку, не пьянея.

Несколько лет потребовалось, чтобы разгадать эту загадку, пока своими глазами не увидел, как хозяин разбавляет водку. Я было завозмущался, но тут же понял: пора наконец изобрести безалкогольную водку — только для вкуса.

В их доме толкся весь Магадан, вся Чукотка, все залетные москвичи: журналисты, писатели, киношники, научные работники. Даже в качестве гостя в конце дня чувствуешь себя колодцем, из которого вычерпали воду до песка. Чтобы наполниться вновь, мне требовалось время и уединение. Виталий хотел, чтобы я подзаражался от их огня, исповедуя при этом чукотский принцип невмешательства в чужую жизнь: если от вечернего костра встанет и уйдет в ночь оленевод, никто даже не спросит, куда, зачем и когда вернется. На сей раз меня знакомят с настоящим оленеводом — для развития кругозора. Я ведь так и не побывал в тундре.

— Бригадир я, начальник, — гладит себя по груди ладонью невысокий с продубленной кожей человек. — Газетен, журнален. Много. Читать. Начальник. Я. Много читать. Газетен. Журналы. Бригадир.

При минимальном наборе слов богатство интонаций и жестов. Кажется, с каждым повтором приоткрывается новая частичка истины. Я видел чукотские танцы на магаданской сцене. Под бубен и горловой, совсем непохожий на певческий, голос. Потом я научился ему подражать, когда простудился от холодного пива. Рваные, будто пунктирные движения рук, головы, ног, имитирующие движения чайки и вороны. Меня будто оторвало от земли и перенесло на несколько тысяч лет назад. Тот концерт был, когда исполнилось две недели моему сыну. Я укачивал его, положив животиком себе на грудь. Привычно приласкал мальчишку, но он дернулся во сне всем тельцем. И я уловил нечто такое, что было в чукотском танце.

Мне рассказывала моя жена-телевизионщица: Виталий с Тоней исполняли танец «распиловка дров» — с полной звуковой и двигательной достоверностью. Ее так и подмывало спросить, сколько кубометров. Думаю, Тоня что-то переняла от шаманов. А как иначе? Про Рытхэу написали, когда умер, что он внук шамана. На шаманстве держится чукотское искусство, как на православии — русское. И это 자랑ительное: магаданский прозаик Олефир впустил в свои книги эвенские заморочки.

Виталий психологически считал себя чукчей и морщился, когда его называли русским. Мол, все мы азиаты. А что, разве не так? Я вон, в Европе собственно в России, как говорила моя бабушка, рязанская сибирячка, был всего несколько раз: видел реки, холмы, воспетые Буниным, Тургеневым, и все во мне сочилось сентиментальными нетрезвыми слезами от одних лишь географических названий.

Виталий рассказал мне, что сразу же по переезде в магаданскую квартиру на Гагарина украли из прихожей его пиджак с деньгами и партбилетом, что в то время было равносильно потере знамени воинской части. Рассказывал несколько раз, все более шлифуя эту миниатюру. Все меньше в ней было слов, все больше жестов, и

я подумал, что скоро, быть может, родится чукотский танец «Кража партбилета», есть ведь такой — «Петренко прилетел» — о полярном летчике. Виталий о нем написал в своей очерковой книжке, изданной в Анадыре. Как и о враче Вольфсоне, «Хозяйке Чукотки» Нытегегрыне, книжнице Тынель, эвене Бабцеве — предке нынешней сказительницы.

Возможно, он хотел, чтобы и я писал о его друзьях. Было такое. Об изобретателе устройства для автоматической фотосъемки круговых панорам Куклове я писал. А вот о членоре этнографе Гурвиче — пробакланил.

На сей раз он выдернул меня из-за своего приключения, которое, разумеется, не мог выложить без должной прелюдии! Театр начинается с вешалки, откуда украден пиджак с партбилетом. Они с Антониной вернулись с Марчеканской сопки, где гуляли весь день. Любовались морем, вдыхали аромат кедрового стланика, багульника и полыни, без которых не бывает полного таежного букета, развели костерок на камушках на берегу ручья, поджарили шашлычок из австралийской баранины, переложив мороженные мясные кубики пластиком свиного сала.

Приближался вечер, стали возвращаться, но поскольку забрались очень высоко, к осыпям, то не угадали свет: солнце подсело ниже, чем обычно, тени от каждой травинки стали такие низкие и длинные, что сопка приобрела пугающе неузнаваемый вид. Предметы потеряли свои очертания, приобрели новые, перегнулись в другую систему координат. Похожие задачи даются в учебниках психологии: смотришь на картинку, видишь выступ на стене дома, скосишь глаз — а это ниша. С ума спятить. Но это всего лишь книга, ее можно закрыть и отложить. А на местности все намного сложнее: начнешь приглядываться, куда поставить ногу, — замельтешит все, запрыгает, закружится, вот-вот сорвешься в осыпь, и, только глянув в небо или вдаль, на расстилающуюся внизу панораму зажатою двумя бухтами города, понимаешь, что ничего не произошло, мир не рухнул, солнце сделает еще шаг-другой, тени исчезнут, и глаза не будут вылезать из орбит.

У них от испуга до истерической смеховой разрядки, завершившей это приключение, прошло значительно больше времени, чем потрачено на рассказ. Ситуация осложнилась тем, что супруги потеряли друг друга в зарослях. Виталий стал звать жену, она ответила, он устремился вниз по руслу высохшего ручья, выбрался на место, которое высмотрел, находясь сверху. Но не нашел Тоню. Позвал, услышал ответ, помчался на голос по просеке — и вновь никого, позвал погромче и уловил ответный крик совсем не там, где ожидал, а позади. Прямо злой дух келе. Карабкаться вверх он не стал, это было бы явным перебором, выждал минуту-другую, вслушиваться в тишину ему мешало сердце и посвист ветра в волосах на виске. Позвал и стал ждать.

На этой довольно высокой ноте рассказа он закончил. То есть принял с безразличным видом наливать водку. Добился, что я спросил, чем же все дело закончилось.

— Да вот видишь, живые мы, перед тобой сидим. Но очень было мутно. Решили стресс снять. Тебя позвали. Гость у нас нарисовался. Перепугался я за Тоню. Как сквозь землю провалилась. Или пришельцы на тарелке унесли. На Чукотке несколько раз было, что люди в трех шагах от крыльца гибли, правда, в пургу.

Смысл рассказанного докатился до меня, как снежный обвал, и мороз медленно пошел по коже. У них с Тоней любовь, я редко вижу такую в быту, и никогда не видел, чтобы мужчина так трогательно нежно заботился о дочери, жене, работал на ее карьеру. Ведь это только надо представить: перекочевка с Чукотки в Хабаровск — всей семьей учатся в ВПИШ, в Москву — на

литкурсы, опять в Анадырь и вот в Магадан, девочки выросли, такие славные, дома атмосфера тепла и сотрудничества, о чем я мечтал всегда, чему завидовал.

...Прошло с десять лет. Я встретился с Виталием, когда он рассказывал, как победил рак. Шажок за шажком шел медленно и упорно по длинному, километровому коридору онкоцентра в Обнинске, не чуя ног, рук, плохо видя и слыша. Он шел и шел, чтобы оживить через сокращения мышц насквозь проболевшее тело. Он видел свет в конце тоннеля. Ему светила жена и дочки, нуждались в нем, без него они бы не пропали, но страдали бы, это уж точно. Они звали его, настойчиво, как галчата, раскрыв ненасытно клювы, он карабкался и победил вместе с ними.

Видимо, он надавал тогда множество зарок, и в первое полугодие, переболев застойной пневмонией, пожелтев и позеленев, оставался вынужденным праведником и трезвенником. Потом втянулся. За время искусственной трезвости завершил наконец-то диссертацию и защитил ее, потратив в общей сложности лет двенадцать, стал заведовать малопонятной лабораторией с тридцатью, кажется, подчиненными.

Он как-то проговорился, что тяготеет высокой зарплатой. Больше денег — больше соблазнов. Повышается зависимость от гостевой стихии. В конце концов он распрощался с постом, завел дачу и сердился, что я не последовал его примеру. Вот у него два участка, может продать полтонны картошки ниже рыночной стоимости близким людям. Вспоминая эпопею с диссертацией, осторожно вышучивал себя, приводил отзыв какого-то чиновника, который прочел сочинение магаданца целиком, хотя, как правило, осиливал другие диссертации до восьмой страницы. Но все это не стоило одной пеленки внучки — еще одна любовь Виталия. Внучка, внук. Теперь они уже большие.

Все на той же даче говорим о предстоящем юбилее Антонины. Надо издать ее сборник, наиболее полный. Для максимального впечатления. Пусть он и составит его. А деньги дадут, куда не денутся. За честь почтут...

Еще два года как королева языком слизала. Виталь к дочке в Испанию уехал. Она там живет после окончания Оксфорда, с мужем. Не было бы счастья, да несчастье помогло: лечит раковую опухоль в теплой сказочной стране. Но российскими лекарствами. У него уже было такое — 25 лет назад. Почему бы чуду не повториться?

Пролечился, на родину потянуло, побыл в Москве, заехал на Урал — в страну детства, вот опять в Магадане. Оклемается немного, встретимся. Он делал записи в теплой стране, возможно, даст очерк в журнал.

Осень прошла, зима снегу навалила полметра за неполную неделю. Декабрь, день, другой... Остановились его часики.

Когда надвигался юбилей Антонины Александровны, она сказала: мол, не хочу громких торжеств, тихо, по-домашнему посидеть среди «своих». В Магадане немало людей с Чукотки — друзей, земляков. Тихий, семейный? Был и такой. Но был и не тихий, с музыкой, артистами, подарками. Городской праздник. В областной библиотеке полный зал собрался. Сами удивлялись, сколько поклонников.

Книги чукотской поэтессы спрашивают, читают, заучивают наизусть. Есть у них, как и у автора, неведомое науке притяжение. И школьники, молодежь ее знает. Некоторые экземпляры зачитаны до дыр, и не так-то просто было найти экземпляры поновее для сканирования, Пушкинка помогла. Собранные под одной обложкой все, ну, почти все сочинения вдруг открываются читателю XXI века новой прелестью, новыми гранями, обретая вторую жизнь для новых поколений.

Владимир Данилушкин

Песни сердца

МАТЬ

Мне нежность перехватывает горло.
Я чувствую тревогу, радость, гордость,
когда к груди ребенка подношу.
И в этот миг сама едва дышу...

О, как бессильно слово человечье,
чтоб это чувство стало ясной речью!
Могла ли я со слов чужих понять,
как трепетно и чутко любит мать?

Я вспомнила, как тяжкую вину,
историю давнишнюю одну:
смешна была, на наш ребячий взгляд,
мамаша-утка с выводком утят.

Нас удивляли выходки ее:
она кидалась прямо на ружье,
чтоб увести от выводка скорей
огромных и гогочущих зверей...

Бедняга, каково же ей пришлось,
какая боль взяла ее в тиски,
как сердце птичье не разорвалось
от ужаса, тревоги и тоски?!

О, если бы все жители Земли
постичь тревогу матери могли,
всю радость, боль и страх ее понять
и так любить, как может только мать!

ВМЕСТО КОЛЫБЕЛЬНОЙ

Не шумите, люди, прошу вас, пожалуйста!
Погодите, молнии, в небе блистать,
да и ты, старый гром, оставь свои шалости,
помолчи, пока мои дочери спят!

Ах, как громко далекие хлопают выстрелы!
Прекратите стрелять в беззащитных людей!
Все равно они правы и, значит, — выстоят, —
так зачем же пугать моих спящих детей?!

Я бы вынесла беды любые не жалуясь,
но уймите же грохот своих батарей!
Не шумите, люди, прошу вас, пожалуйста,
не тревожьте сон моих дочерей!

ЛУЧИК СОЛНЦА

Вот беда какая —
простудился он снова,
как мне тяжело смотреть
на ребенка больного.
Ох, как сердце болит!
Чем такое несчастье,
лучше пусть на меня
перейдут все напасти.
Я согласна терпеть
неустанно и много,
только чтобы недуг
это тельце не трогал...
Но смотрите — прошел
жар у крошки моей!
Есть ли радость на свете
сильней и светлей!
Посветлили не только
сердце и разум —
оживился весь дом
и светлее стал сразу.
Вот от этих вот глазок,
и ножек, и ручек —
это самый прекрасный
и радостный лучик!

КОЛОКОЛЬЧИК

Колокольчик мой,
звоночек,
смехом ночь прогнавший прочь, —
залит каждый уголок
светом,
брызнувшим из почек,
из твоих веселых щечек,
лопотуся,

Будто в груди моей
 сердце нашарили,
 рвут его злобные
 руки шершавые.
 Смерть подступила,
 по комнате рысая,
 только — сильнее
 любовь материнская.
 Я сберегла мою дочку,
 не выдала.
 Утро меня
 с сединою увидело...
 Память ведет меня
 в прошлое за руку.
 Мы за дровами
 спешим с тобой за реку.
 (В печке забьется
 стихия живая,
 тело и душу
 отогревая.)
 Шла ты охотно
 и быстро сначала.
 Вдруг — закапризничала,
 заскучала.
 «Вот у подруг моих —
 Жизнь беззаботная,
 я ж —
     все с тобой,
 все кручусь, все работаю!»
 Снова печаль меня
 грызла бессовестно,
 снова меня
 доконала бессонница.
 Время грозило мне
 новою битвою:
 не проглядеть бы
 здоровья души твоей!
 ...Вспомни:
 морозы нагрянули лютые.
 Стужа!
 А ты у меня — необутая.
 Я не ждала
 от зимы этой каверзы.

Ночь провозилась,
 чтоб выделать камусы.
 Сшила торбасики
 теплые, ладные.
 В школу
 спокойно шагай, моя славная!
 Я не жалею
 усталых очей своих,
 я не жалею
 бессонных ночей своих.
 Каждым своим
 добрым делом и помыслом
 перед людьми
 ты искупишь их полностью.
 Добрая доля
 тогда мне достанется:
 вместе с тобою
 расти, а не стариться!

* * *

А. Тыньель

Птицей конверт мой — вот он —
 взмоет над сеткой широт.
 Как твои дети? Как Рольт?
 Здесь хорошо. Но чего-то
 главного недостает.
 Видятся мне ваши лица,
 долго смотрю в темноту.
 ...Ночью мне снова приснится,
 как выбирают кету...

Видятся — ведь не смешно вам? —
 ночи Чуковки вдали:
 тьма, словно в пологе новом,
 если там свет не зажгли.

Родина неповторима.
 Ночь, как века, глубока.
 И, как олени, незримы,
 ходят вверх облака.

В стаде такими ночами
и тишина, и покой.
Жизнь твоя — словно в начале.
Ветер струится рекой.

И обещанье удачи,
и — указание дорог,
издали яркий, горячий
в душу блеснет костерок...

Сколько поэзии в прозе
дней ваших и вечеров!
Швеи готовят к морозам
множество теплых обнов.

Быстрой упряжкой оленьей
грезит хороший ездок.
Снега он ждет в нетерпенье,
искристых белых дорог.

...Вот ведь как я разболталась, —
верно, наскучила вам?
Правда, и места осталось
лишь на поклоны друзьям.

Сопке, что смотрит на город,
окнам, роняющим свет,
тундре,
родному простору —
низкий поклон и привет!

ПЕЛИКЕН

М. А.

Вот пеликен. Вот наш чукотский бог.
Ему молились родичи мои.
А ты его —

не надо, не моли.
Но посреди невзгод или забот
возьми его в горячую ладонь,
не постесняйся, не забудь — возьми!
Когда-то с ним на празднике весны
мы добывали золотой огонь.

Костер-язычник, — в небо языки!
(Не знаю, искры, звезды ль в вышине?)
Коснулось ли сейчас твоей руки
вспоминание о том огне?

Вот пеликен. Тебя, твоих родных
и тех, что далеки и что близки,
пусть он хранит от хвори и тоски,
от неудач (и от удач иных!).

Когда тебя сомненье посетит,
спроси его совета:

как, мол, быть?

Когда продрогнешь посреди пути,
скажи ему: «Согреешь, может быть?»

Признаться, он не слишком-то силен
сам по себе, божок земли моей.
Ведь низведен он (или возведен?)
из божества —
в подарок от друзей.

Да, сознаюсь тебе, куда ни шло:
мы вдунули в него
свое тепло.

В нем будет наша тундра,
будем мы,
когда о нас ты вспомнишь вдалеке.
В нем — дружбу нашу
ты с собой возьми:
вот — пеликен.

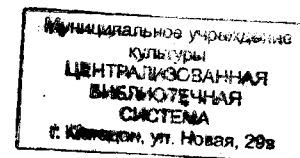
- 0251802

УЧИТЕЛЬНИЦЕ

К. И. Н.

Нынче мне снова приснилась ты,
будто опять об ответе
молишь, как будто о милости:
«Как на земле
мои дети?»

Там, под плакучей ракитой,
сон твой да будет спокойным.

Выросли ученики твои,
в детстве их — прочные корни.

Вот с Коляем стоите вы —
плачет малыш от мороза.
Слезы ты мальчику вытерла...
Ты бы сейчас его видела —
он председатель колхоза!

Помнишь две строчки от Тиныля?
Думала я — они жалят.
«Что ж вы нас, мама, покинули?»
Нас тут без вас обижают!»

Помню глаза твои влажные.
Тут же ты ехать решила.
Словно к детенышу важенька,
к детям своим заспешила.

Тинылем все не нахвалятся:
лучше врачей не бывало.
Видимо, не забывается,
как ты его врачевала...

Ринтын тебя б не порадовал:
пьет. Любит жить на готовом.
Что-то неладно и с Рагтывьем:
слишком уж ленится...

Словом, — если б предвиделись драмы те,
если б рассеялись тучи...
Счастью легко, точно грамоте,
разве любого научишь?
Но ведь ничто не теряется —
в тундре живет твоё имя,
как твои дети стараются,
вспомнив тебя, быть твоими!

Жить веселей и бесстрашнее,
в главном — высоко и свято.
Это задание домашнее
ты задала им когда-то...

ПРОДЛИСЬ, МОЙ СОН

М. Ротваль

Еще одну весну
вдали от дома,
от мест родных
я занесла в дневник.
Душа болит.
Мне эта боль знакома.
Она разлуки верный проводник.

И боль,
и грусть...
А день весенний светел,
и воробьями брызжет из-под ног!
Да, это счастье —
жить на белом свете!
Но человек без дома одинок.

Душа моя тиха,
как лист без ветра.
Я ночи жду,
когда крылатый сон
умчит за десять тысяч километров
меня к тому,
кто был в меня влюблен...

...Простор полян,
прозрачный пар проталин
и хорханье пугливых оленят —
мы на дежурство
раньше солнца встали,
к поляне снежной стадо перегнали,
и песни над палатками звенят

о солнце над родной землей,
о встрече
влюбленных,
о несбывшейся любви...

Сон или явь?!

Легко легли на плечи
твои ладони:
где ты,
позови...

Сон или явь?!

Визжащий наст под нартой.
Олени пестроногие несут.
И я,

твоим захвачена азартом,
даль оглашаю криком,
как в лесу...

Продлись, мой сон,
верни мне,
если можно,
тот миг, когда
ты у прибрежных скал,
коснувшись носом носа осторожно
чукотским поцелуем,
мне сказал:
сложи о тундре песню...

Я проснулась.
Любовь переполняет грудь мою.
Я из далекой юности вернулась
и, будущему радуясь,
пою.

ЧАЙКА

*Нутэтэину, замечательному
эскимосскому народному танцору*

Тревогой истекая
с обветренных скал,
крича и стеноя
растерянно,
мечется чайчья
отчаянная тоска
вдоль опустевшего
берега.

По ком она плачет,
упав в синеву? —
Попробую
позову...

«Лети сюда, чаюшка,
лети ко мне,
присядь,
поведай смело:
в какой стороне
и на чьем огне
сердечко
твое обгорело?»

Сестра моя птица,
не плачь, не грусти,
пусть песнею боль
забьется.
Ты потеряла друга в пути? —

Он скоро к тебе
вернется...»

Но падает чайка
С крыла на крыло.
И вот уже около месяца
призывный голос ее
тяжело
между камнями мечется.
Где друг пролагает
свои пути,
устанет когда скитаться?..
Не просто будет
его найти,
еще тяжелей
дождаться.

Но не заламывай
крыльев-рук,
рано еще отчаиваться.
Прилетит,
прилетит он —
твой милый друг.
На Чукотку
все возвращаются.

* * *

Жить бесконечно виноватой
устала,

ох, устала я.
Бескрылой слыть
и быть крылатой

устала,
ох, устала я.

Всем угождая,
спотыкаться

устала,
ох, устала я.
На чих чиновный откликаться
устала,

ох, устала я.
Спешить,
чтоб числиться копушей,

устала,
ох, устала я.

Усталость
каждый отзывку глушит —
сама от боли не своя.

Да есть ли яран'ы¹ на свете,
где, оградив меня от смут,
прочтут сердечно строки эти
и всё поймут?..

ВЕТЕРОК

По нашему поселку
гуляет ветерок,
принес он нам морозец
и мягонький снежок.

Озорничает ветер,
и людям на беду
он облачком завесил
веселую звезду.

Напрасны все усилия —
красива и горда,
как лампочка сияет
веселая звезда.

Ей не страшны ни ветер
и ни мороз седой.
Зовут ее повсюду
Полярною звездой.

А ветер разозлился.
Не хочет отступать,
на землю опустился,
ярангу стал ломать.

Он дул, свистел, метался,
но, сколько ни пыхтел,
бессильным оказался
и в тундру улетел.

СОВЕТЫ ТНАГИРГИНА

Не спеши другом звать ты того,
кто сочувствие пылко проявит, —
он же

первым

тебя и оставит,
открестившись легко от всего.
Были в прошлом
и есть в настоящем

люди,
чуткие лишь к проходящим...

*

Всему свои под вечным небом сроки.
Ребенок плачет —

вы возмущены.

Но не страшной ли
старцем одиноким

однажды

испугаться
тишины...

¹Яран'ы — дом.

*

Как бы ни спешил ты,
друг,
а все же
подойди к уставшему в пути.

Может, завтра он тебе дойти
до привала
с радостью поможет.

И еще:
чем ты добрее к людям,
тем твой сын отзывчивее будет.

*

Приучая к упряжи оленя,
не кричи,
тем более не бей.
Он привыкнет к боли,
и, ей-ей,
вряд ли хватит у тебя терпенья.
Да и крик,
кричи хоть прямо в уши,
ни к чему —
олень не станет слушать.

*

Не умничай.
Лучше подумай о том,
что умный не будет хвалиться
умом.

*

Жалобщик вечный
несносен для слуха —
зудит и гудит, как навозная муха.
С утра и до вечера «ох» он да «ах» —
так и прихлопнул бы муху
в сердцах.

* * *

Как красива земля моя, посмотри,
озаренная розовым светом зари.
Вечный зов ее слышу: «Я жду! Не забудь!»
Так давайте к ней в гости отправимся в путь.

«Ночь, — земля говорит, — потому и черна,
что влюбленных надежно упрятать должна».
«День, — земля говорит, — для труда и забот,
счастлив тот, кто всегда созиданьем живет.

Вот он, мой человек, ищет клады мои.
И как друг меня просит: «Открой, не тай!»

Он пасет в моей тундре оленье стада —
он себя не жалеет, коль в стаде беда...
Как он нежно ведет олененка к воде —
нет, наверно, нежнее на свете людей!»

Как прекрасен земли моей смуглый народ:
вдохновенным трудом радость он создает!
И горячее сердце холодной земли
согревает меня и вблизи, и вдали.

АНАДЫРЬ

Горизонт — это то, что несем сквозь года
мы, свободные дети суровой земли.
Горизонт — это то, что мы видим всегда,
то, что близко душе,
то, что вечно вдали.

И когда мы идем по большим городам,
и когда начинаем свой дом забывать,
неуютно, тревожно становится нам
оттого, что нельзя горизонт увидеть.

Это значит — пора,
к морю, в тундру, туда,
где стоит мой Анадырь, ставший нашей судьбой.
(Неприветливой, мрачной дырой
называли его иногда...)

Анадырь, Анадырь, мы сроднились с тобой!
Есть на свете немало других городов,
есть красивей и больше, но нету родней.

Анадырь, Анадырь, не жалко трудов, —
мы подарим тебе миллионы огней,
трассы новых дорог, ясный свет и тепло.
Будут скверы и парки.

Ведь главное есть:
есть прекрасные люди, их сердце к тебе призвало,
и служить тебе каждый считает за честь,
с полуслова тебя понимают они,
потому что в тебе они друга нашли.

Горизонт — это правды высокой огни!
Горизонт — это счастье любимой земли!

* * *

Р. И. Потаповой

Ну, понятно: была бы она старше всех,
или выше всех,
или всех строже.

Но в глазах у нее чертенятами — смех,
и она очень многих моложе.

Невеличка...

Такой же, как мы, человек.

Почему мы глядим на нее снизу вверх?
Почему же тогда перед нею
Мы нередко проходим, робея?

Потому ли, что заново вместе с детьми
открываем мы этот сияющий мир
(все, что было, и есть, и бывает)
и она нам его открывает?

Потому ли, что снова, как прежде, как встарь,
перед нами — мудреная книга, букварь,
и мы вновь ничего не умеем,
но хотим поумнеть — и умнеем?

...Можно думать, она побывала везде:
и в глубинах морских, и на дальней звезде,
и любую запомнила малость,
все познала — ничуть не зазналась!

Да, растем мы,

когда мы ребенка растим.
Только старых ошибок себе не простим.
(Да и кто ж и чего это ради
кляксы в новенькой ставит тетради?)

И учитель опять, позабыв о себе
и судьбу свою в нашей провидя судьбе,
нас ведет по ступенькам все выше...

А она ведь и ростом не вышла,
и скромна, и года-то — какие года?
Для такого почета совсем молода!
Но ведь встретим ее

хоть три раза на дню
и поклонимся, точно встречаем родню,
так поклонимся, словно бы старшей —
самой близкой и нужною ставшей!

* * *

Видимо, так уж устроен народ:
сможешь один перепрыгнуть ты кочку,
только рэтэм не сошьешь в одиночку.

А из чего его шьют — ты знаешь? Так вот,
стадо пасти в одиночку не станешь.
Если начнется олений забой,
то в одиночку их не заарканишь —
верный товарищ быть должен с тобой.

И одиночество было от века
вредным для мыслей и чувств человека.
Жить в одиночку без верного друга
трудно мужчине, а женщине тугу.

С другом осилишь тяжелую ношу,
скуке не сдашься, не сядешь в галошу,
скрутишь врагов всех мастей и пород, —
очень неплохо устроен народ!

ПЕРВАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Сколько жизни
и водицы уткло.
Позамыло имена
да и следы.
Незнакомое,
родное мне село
у знакомой,
но седой уже гряды.
И учительница смотрит мне в глаза:
— Извините,
ошибиться я боюсь...
Под очками задымилась
не гроза,
переполнила глаза старушки грусть...
Да и как ей,
как во мне сейчас узнать
черноглазую проказницу
с косой,
убежавшую (куда?!)
мышпат спасать
в половодье
и едва ли не босой...
Ох, озлилась на меня,
в сердцах браня:
«Черт в чулках тебя по кочкам поволок!»
Я сбежала в лес:
жалко не меня —
пару жалких,
перештопанных чулок...
Извини,
прошу тебя от всех ребят,
только матерью став,
я и поняла,
кем была для несмышленишей-нерпят,
для кого
в селе чукотском

ты жила.

Школу — домик
с покосившимся крыльцом
материнской обогрела теплотой,

и остался домик в памяти дворцом,
и осталась
в нем ты
феей молодой.
Как рыдала я тогда
в ночном лесу...
Ты нашла меня:
«Ну, полно горевать...»
Расчесала,
заплела мою косу,
предложила у себя заночевать,
улыбнулась:
«Ну, не злишься за «беседу»,
ты ведь взрослая,
должна и понимать...»
Стала взрослой я.
Узнала непоседу
моя первая учительница,
мать?

НЕТ, Я НЕ МОЛЧУ

Говорят, что молчу,
петь и то не хочу.
Мир давно моих песен не слышит.
Зарядили одно —
мол, отпела свое,
больше новых стихов не напишет.

И друзья и враги
говорят вопреки
моим думам и здравому смыслу.
А ведь сердце мое
и грустит, и поет,
и по-прежнему полнится мыслью.

И все так же оно
ярких красок полно,
свету солнца и зелени радо.

Ведь жива я, вобрав
в себя запахи трав,
пенье птиц, — разве это не правда?

И взрывает беда
мое сердце, когда
вижу горе и горечь разбоя.
Беспощаден к войне
голос гнева во мне:
заклинаю насилье любое!

О, не высох мой мозг!
Все, что вынести смог,
он послушными скажет устами.
Здесь, в студеном краю,
я, как прежде, пою.
...Как же вы не расслышали сами?

Разговор с тундрой

ПИСЬМО ИЗ ГОРОДА

Тундра, позови меня.
 Где-то в отдаленье,
 назови по имени
 голосом оленьим,
 песней, полной удали...
 Помнишь ту полянку:
 оленята спутали
 с матерью —
 кухлянку.
 Носиками тычутся,
 меж собою ссорясь?
 Тундра, ты владычица
 снов моих, бессонниц...
 Пусть буран — я выдержу! —
 Налетает, буен.
 Вот ярангу вижу я,
 вот я слышу бубен!
 Дни разлуки — тучею,
 дышится так трудно.
 Где мои попутчики,
 люди твои, тундра?
 Невозможно выразить
 все, что душу точит.
 Как олень на привязи,
 сердце воли хочет.
 Тундра, позови меня
 ты из отдаленья,
 назови по имени
 голосом оленьим.

ОЛЕНЬ

Вот погодка стоит! Не устанешь дивиться. Вопросает каждым лучиком:
 «Что, хороша я?»

Словно радость у природы случилась большая, и ей не терпится с людьми поделиться.

На Пекульнях дивное диво — неожиданная и теплая эта ласка. Обычно здесь хмурится холодина, лютые морозы на кого-то злятся. Тучи летают то вместе, то врозь, ветер, как недруг, толкает в грудь — хочет душу продуть насквозь, все на свете перетряхнуть.

А люди излучают тепло и свет: в наших краях невозможно иначе. Я думаю, таких не было и нет: здесь каждая встреча равносильна удаче. Человеку здесь не только не свойственно зло, он даже и хмуриться не умеет толком. Дурное настроение подступило только — прогонит! — и, глядишь, потопталось, ушло.

Даже в дни (в кошмаре приснятся такие), когда воеет метель одичалая сутками, не поссорится он с оленями чуткими и, сердясь, конунэн¹ в них не кинет.

Он спокойно насвистывает сперва, головой покачает — что делается на свете! — и вновь поворачивает оленей на ветер и песню поет. Вот ее слова:

Э-гей, снега много,
 э-гей, ветра много.
 Наверное, здесь нынче
 никто не пройдет.
 Ведь он же не знает,
 где лучше дорога,
 и главное — кто
 и где его ждет!

Вьюга с налету, с размаху бьет, налетает, не ведая жалости. Но покуда в груди дыхание живет — и песня живет, продолжается.

Э-гей, где же стадо?
 Да вот оно,
 гляди-ка, пасется
 спокойно на диво.
 Когда вокруг
 от пурги темно,
 олени, как дети в беде,
 пугливы.
 Совсем залепило глаза.
 Э-ге-гей!
 Словно бы злобные
 демоны злятся.

¹Кенунэн — посох оленевода.

Будь мне помощником, Вэнилыкэй²,
вместе с тобою
чего нам бояться?

Накормит олень и согреет в холод. Если же вдруг случается, что олень от человека уходит, — вместе с оленем уходит счастье...

По оленям у нас о характере даже судят. О трудолюбии и лени. Не скажут: «Чудесный парень!» — а скажут: «У этого могут держаться олени».

Пастбище скудно? От этой беды хозяин оленей голоден дважды. Если олени ищут воды, у хозяина горло сохнет от жажды.

А если бык захромал? Что ж, тогда...

Сжавшись от горя, под низким небом, человек все силы вложит в удар — чтобы слишком больно оленю не было.

Не напоказ его сожаленье. Порой — без свидетелей — он рыдает...

Другу, стремительному оленю, чукча песни лучшие дарит.

Серый, с отметиной под левым ухом,
ноги не устают мелькать.
В упряжке один заменит двух он,
но и напарник ему под стать.
Я с осени езжу на этой паре,
быстрым, как птица, я с ними стал.
Если бы завтра они пропали,
может, и я бы тогда пропал.
Я ничего для них не жалею,
с ними мне радостен всякий труд.
Если в пути я вдруг заболелю,
олени домой меня привезут.
Мои олени — моя надежда.
Нарты к обрыву вдруг заскользят —
Встанут олени

и нарты удержат...

Мне без оленей моих нельзя!

Олень носит голову, как люди в славе носят достойное имя. Олень человека в беде не оставит, у смерти самой отнимет. Чукчи зовут его другом — и стоит. Как он неутомим и стоек!

Дорога. Слово куда как просто.

А это — сугробы выше вашего роста, южак (значит, слякоть и снег с дождем), хиус — северный ветер безжалостный, нашей метели зловеющие шалости или дорога — зеркальным льдом.

Но уж и холят оленя люди и благодарны ему они. Как мы оленя ласкаем и любим, знают ветер да тундра одни!

У Пекульнеев упряжка несется. Такой погоды не бывало давно. Человека с оленем увидело солнце, вон как радо! Сияет оно...

²Вэнилыкэй — олень с колокольчиком. По старому поверью, он отпугивает зверей и злых духов.

ОБНЯВ ГРУСТЯЩЕГО КЭЮУ³

Душа сжимается от боли,
чем удержать ее в неволе,
не ведает рассудок мой —
домой...

Где нас будили утром птичьих
звоны

и хариусом пахли
халцедоны.

Глаза прикрою —

вот он, отчий дом...

Дымок над ним в честь путника не тает,
и шкура с мягким ворсом ожидает
усталого...

Я сердцем — в доме том.

Пью с гостем чай

и угощаю мясом,

и в шутках пролетают час за часом.

А ночью

за ярангой

хруп да хруп —

шаги,

и вдвое громче, чем при свете;

и страхами

друг друга,

словно дети,

пугаем так,

что зуб стучит о зуб.

Но выгляну —

и нежность горло сводит:

олешек ждет людей

и не уходит.

И я,

обняв грустящего кэюу,

невольно превращаюсь вновь в девчонку,

шепчу на ухо

брату-оленинку:

какое счастье жить в родном краю...

³Кэюу — олененок.

ГОСТИ В СТОЙБИЩЕ

Гости!
 Стойбище вверх дном!
 Реки разговоров!
 Сказки.

Новости.

Кино.

Не встречались мы давно —
 встретимся не скоро.
 Что в совхозе?
 Как в стране?
 Нового что в мире?
 Пятый чайник на огне.
 Глядь —

и в этом чай на дне.

А беседа шире:
 спутник связи,
 космолет,
 инопланетяне...
 Вышибает чаем пот.
 Солнце прикорнуть идет.
 А людей — не тянет.

Уфф, умаялись,

легли

гости,

а хозяйева
 сушняка наволокли,
 бредень в речку завели,
 закрепили край его...
 Гости в стойбище!
 Гостям
 все в ярангах рады,
 души настезь новостям,
 но и не в укор гостям,
 все ж не им —

тундровикам

утром

вновь —

за стадом...

ВИЖУ, КАК ПТИЦА

Скучаю по тундре,
 скучаю
 по дымом пропахшему чаю.
 Вижу, как птица,
 остро:
 яранг китовые кости,
 лунки следов
 оленьих,
 жилки ручьев
 весенних.

Плачет душа тундровички,
 тяжело ей
 в гуле столичном,
 рвется ночами из города
 песней тоски из горла...

ВОЛЬНОМУ — ВОЛЯ

1

Любовь одного

к чему-нибудь одному —

Помеха ли страсти другого

к чему-то другому?

Я это к тому, что... вы простите меня, —

я к тому,

что очень устала я

от тоски по дому...

Я очень устала в дыму.

Я устала в дому

из многих домов,

закрывших черту горизонта.

«Что ж, город как город!» —

вы меня урезоните.

О вы, горожане,

поймите ж меня, как и я вас пойму.

От грома, от грохота, от гуденья металла

душа так истаяла,

так незнакомо устала.

Ногам нестерпимо ходить по тяжелому камню.

Нечаянный звук
                                 ударяет по нервам, как плеть.
 Не станет привычным,
                                 видать,
   никогда мне
 беззвучно и лишь про себя,
                                 в четверть шепота петь.
 Все тот же квартал,
                                 те же четыре стены
   заточенья...
 Поймите, в крови моей —
                                 вечные духи кочевья,
 не прихоть —
                                 века
                                 меня за руки тянут туда,
 где звезды кочуют.
 Луна,
                                 племена и стада...

2

И если о тундре своей
 по-другому я говорю,
 то разве своею
 я вашу любовь укорю?
 Там воздух целебен для легких —
 не ваших — моих,
 он радостен, чист для меня,
 словно пушкинский стих.
 Почти невесомые наши олени одежды.
 Дорога,
 которой
 асфальт и не снился пока,
 и громкая, звонкая песня
                                 любви и надежды...
 О, петь во все горло,
 дыханьем гоня облака!
 По тундре, по тундре моей
 кочевать не спеша,
 чтоб дать оглядеться тебе,
 надышаться,
 душа,
 и вещи назвать, как зовут их
 чукотскими их именами,
 молчать по-чукотски

с простором,
 с моими друзьями!
 И вспомнить о городе
 с грустью и теплотой,
 представить вас рядом.
 Подумать:
 «А как они там?»
 И город покатит
 за нартами по пятам.
 Но грусть — не тоска.
 Я ж в тундре
 не знаюсь с тоской.
 Друзья,
 вы — любите иное,
 любите иначе,
 быть может, вы в тундре
 узнали бы боль моей боли.
 Но я...
 Поговорка есть.
 Переиначу.
 Вы: «Вольному — воля».
 Я: «Вольному — тундра и воля!»

Mede

ТОСКУЮ

Неотвязной скукой
 каждый миг наполнен.
 Занесло тропинки,
 поле замело.
 Заспанное солнце
 чуть проглянет в полдень,
 и кругом от снега
 все белым-бело...
 Стала оголяться
 под лучами сопка.
 В мареве тревожно
 небосклон дрожит.
 Ручеек на ощупь
 вниз спустился робко.
 И тоска на сердце
 льдиною лежит...
 День идет вразвалку,
 бесконечно длинный.
 Почернели тучи,
 вспенился лиман.
 Вязкая дорога
 вспухла серой глиной.
 Грусть застала душу,
 как густой туман...
 Солнце словно льдинка.
 Сиверко обильно
 обложил морозом
 тихое село...
 Слышишь! Я тоскую
 по тебе так сильно!
 А кругом от снега
 все белым-бело...

УЛЫБКА ПО ПОВОДУ
БЫЛЫХ СУЕВЕРИЙ

Все гляжу, вытягиваю шею:
 нет погоды много дней подряд,
 совершу я жертвоприношение, —
 может, самолеты прилетят?

Без тебя остановилось время.
 Только б ты скорей вернуться смог.
 Вот сейчас огонь добуду треньем...
 Но тогда как будто нужен мох?

И еще: сказать вы не смогли бы,
 что вернее в жертву принести?
 Что там принимают: мясо, рыбу?
 Что в подобных случаях в чести?

Ведь была шаманская «наука»,
 а вот я сижу и не пойму:
 жертва? Принести ее не шутка,
 знать бы только:
 чем, зачем, кому?

Потерплю...
 Пройдут туманы мимо,
 вспомню каждый взгляд твой,
 каждый жест.

Ты уж прилетай скорее, милый,
 может, обойдется и без жертв...

И ДЛИТСЯ
ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Ты видишь тундру,
 каждый кустик,
 страх зверя,
 холодность холма
 и речку,
 рвущуюся к устью,
 весной сошедшую с ума.

А я не вижу и былинки,
и до зверей мне дела нет —
твои глаза,
две талых льдинки,
тревожно застыл белый свет.
Ты видишь тундру,
каждый кустик.
Во взгляде так тоска сквозит,
как будто,
если ты упустишь
мгновение —
сердце не простит.
А вездеход
есть расстояние
под траков монотонный лязг.
И длится противостоянье
сердец и глаз,
сердец и глаз...

СОН

Есть заповедь у каждого поэта,
неписанный, но строгий наш закон:
про то ты говоришь или про это —
до тонкостей с предметом будь знаком.
Но коли что, спасите мою душу! —
а я сегодня правило нарушу.
Хоть и сама в смущении немалою,
хоть это и печально и смешно,
пишу о том, чего не понимаю,
о чем и рассказать-то мудрено.
Мне часто сон один и тот же снится:
как будто жизнь мне стала не мила.
Я на себя сумела рассердиться —
и, хлопнув дверью, навсегда ушла.
Ушла. А дождик мелкий-мелкий сеется.
Обида жжет. Ни ночи и ни дня.
Ах, чтоб его, привязчивое сердце, —
уж лучше б не было и сердца у меня!
А ты, гордец, молчишь: мол, нужно больно,
не первому ж теперь мириться лезть!
И вот тогда, чтоб сделать тебе больно,
я ухожу к тому.

К кому? Бог весть!

С тоскою по тебе, с такою болью,
как будто это — новый тяжкий сон.
А ты, передают, сказал:

«Тем более,
помучились — и хватит. Точка. Все».
Что ж, правильно... Конечно же, я злая.
Совсем не ангел, я ворчу, грублю,
чего не наболтаю, хоть и знаю,
что больше никого не люблю.
А дети без тебя как тени бродят...
И вот проснусь от ужаса в поту
и думаю я, глядя в темноту:
откуда этот сон ко мне приходит?
Не виновата ль в чем я пред тобою,
перед моей единственной любовью,
и сон — мне наказание за вину?
Не знаю. И незнание клянчу...

НЕ ЗАБЫТЬСЯ СПАСИТЕЛЬНЫМ СНОМ

Что мне делать,
открыться кому,
сердцу довериться
или уму?
В зеркало гляну —

торчит седина,
впору готовиться пестовать внуков,
я же,

к стыду своему,

влюблена,
пью под закат эту чашу до дна
и простираю к любимому руки...
Что же мне делать —

все мысли о нем,
и не забытьсya спасительным сном,
думаю ночью и днем об одном...
Что же мне делать?
Что же мне делать?
Как образумить душу и тело?
Как совместить эту позднюю страсть
с жизнью,

Сжалось сердце.
Но горечи нет.
Только взгляд до поры приугас.
Не жена я тебе.

Но не раз
вспомнишь узкой ступни моей след.
И ладони протянешь:
— Прости...
И услышишь:
— Крыло опусти...

* * *

О небо, я твоя должница,
но снизойди к моим стенаньям:
с тоскою всматриваюсь в лица,
мне наяву любимый снится,
а жить должна воспоминаньем.
Я слышу добродушный смех
и низкий бархатистый голос...
Все начиналось, как у всех,
и вот:
ненастно,

пусто,
голо...

О небо,
я твоя должница,
но помоги его мне встретить —
так тщетно ищет друга птица,
сердечко замереть грозит,
а он и не спешит ответить.
Одна...

ПУРГА

Метет,
метет...

Метет,
метет!

Кто в круговерти что прочтет?..
Кто даст себе и в чем отчет?..
М е т е т.
В твой угол загнана ненастьем,
я прозреваю у огня;
ненастье ли винить в напасти,
о, если да, то лишь отчасти,
и не в твоей ли здесь я власти,
не ты ли

привязал
меня?

* * *

Все, чем живу я, — в голосе твоём...
Разбуженная теплыми лучами
поднявшегося спозаранок солнца,
заслушалась
курлыканьем счастливым
вернувшихся к гнездовьям журавлей.

Сбежав с холма к щебечущим березкам,
пригладила взъерошенные кашки,
голубоглазым ягодкам мигнула,
спеша травой
к заснеженным горам.

Вспорхнувший из-под белых малахаев
раскосый ветерок
принес мне в клюве
полузабытый вальс
губной гармошки,
а может,
незабытый голос твой...

И память утонула
в звуках тундры,
и дыхание оленят
и черноталин.

Прикрыв глаза,
увидела яранги,
услышала,
как ты меня зовешь...

И руки за спиной
легли на посох.
И валко,
как пастух по шатким кочкам,
не торопясь
пошла на запах дыма,
приправленный вскипающим чайком.

И речка с ручеек,
подружка детства,

звеня о том,
                                 как дни в тоске считала,
 притихнув,
 привела к прибрежным скалам,
 где ты меня впервые целовал...

Все, чем живу я, —
                                 в голосе твоём...

* * *

В. З.

Мало сказать, что я без тебя не могу
 (сердце продрогло, как путник, попавший в пургу),
 что словно тень прохожу меж веселых людей,
 что отрешаюсь от мыслей, от планов и дел,
 что становлюсь уязвимой для крохотной боли, —
 ты — мое небо и вольное, чистое поле.
 Ты — мой простор, мое буйное, бурное море,
 ты — мое счастье и горе,
 ты — вдохновенье мое, ты опора, начало.
 Я как корабль, что иного не знает причала.
 Ты — мой покой и тревога, надежда и свет.
 Нет без тебя моих песен и радости нет.

* * *

Уехал ты. В квартире тишина.
 По вечерам я не пою: одна.
 И у плиты теперь не хлопочу
 и на тебя привычно не ворчу.

Проходят дни —
 как тягостны они!
 Как долги и пустынные вечера!
 Грустны и руки, и слова мои.
 И грустные стихи из-под пера.

Увез ты от меня саму меня —
 мою улыбку, взгляд веселый мой,
 и нет в душе обычного огня.
 И беспокоен мне такой покой.

Прошу тебя,
 скорей вернись домой.
 Не можешь —
 в трудный путь возьми с собой.

* * *

Письма твои затерялись в пути.
 Где-то блуждают, не могут дойти.
 То не писал ты (работы полно!),
 ну а теперь между нами темно:
 это туманы пришли и снега,
 это бушует большая пурга.

Рейс отменен. И с далекой земли
 нынче не к нам самолеты ушли,
 письма несут не ко мне, не ко мне.
 Отзыва нет мне и отзвука нет.
 Может, мне их получить не судьба?
 Жаль их до слез. И немножко — себя...

ТЕБЕ

Ну как же без тебя бы я жила,
 как радоваться жизни я могла
 и как могло бы сердце мое биться,
 когда б тебе его не отдала?

Ну как же без тебя смогла б я жить
 и принимать судьбу совсем иную,
 кому на грудь смогла б я положить
 в несчастье свою голову больную?

Спасибо солнцу и звезде полночной,
 спасибо людям всем до одного,
 спасибо небу и земле за то, что
 пришел хозяин сердца моего.

Я без тебя б не знала вдохновенья
 и жизнь бы разменяла на мгновенья,
 свое существование терпя.
 Ни сил бы не хватило, ни умения,
 чтоб передать в строках все откровенье, —
 ну как бы жить могла я без тебя?!

ГРУСТЬ

Случайно пробравшийся солнечный лучик,
меня бы теперь не тревожил ты лучше:
ведь сердце мое, как подбитая птица,
опять улететь в край далекий стремится.

Достаточно было всего лишь момента —
и словно я в первый свой путь отправляюсь,
сквозь тундру, сквозь заросли вновь пробираюсь,
кочевка в безмолвии, страх перед чем-то.

Сжимаю полсно рукой онемевшей,
как будто услышала голос медвежий,
хоть ясно любому, знакомому с тундрой,
что зря нас не трогает зверь этот мудрый.

Пусть краток мой сон, пусть опасна дорога,
пусть спутником будет мне страх и тревога
и пусть собеседником будет молчанье —
тем радостнее пути окончанье.

А там-то, в конце-то, уж я-то отмечу
такую большую и славную встречу,
и там-то, конечно, найдет меня встречный,
такой бесконечно родной и сердечный, —
заданный и ловкий, не сдержит он смеха.

И шутки не спрячет:
«Эх ты, неумеха!»
И я на него не могу обижаться...
Концу бы тому —
без конца продолжаться!

ПОДАРОК

Д. Тукаю

Тают дни, отвечают мечты...
По нашим с тобой дорогам
я снова прошла.
Может, и ты
заглянешь сюда ненароком?
В памяти вновь хочу воскресить
образы прошлого я.
Но как ни зови и как ни проси,
не возвратятся друзья.
Словно палящий июльский зной,
прошлое смял и выжег...
Помнишь, как ты подарил весной
пестренький, мягкий пыжик?
Неповторим весенний наш путь,
лишь только с годами видней,
и мне назад тебя не вернуть,
как и прошедших дней.
Те дни в далеком от нас далеке,
но вот он, подарок твой, —
можно его прижать к щеке
и нежно погладить рукой...

ГОРЫ УЖЕ ПОБЕЛЕЛИ

Скалистые горы уже в снегу,
колючий мороз утих,
а я успокоиться не могу,
мне чувств не сдержать своих.
Взглянуть на него бы хоть глазом одним,
губ ощутить тепло,
ведь близко — за тем перевалом крутым
скрыто его село.
Если бы взгляд мой просверливал, то
с той стороны увидел бы он:
словно огромное решето
просвечивает весь склон.
Найдя друг друга, и ночью и днем
дремлют в успокоенье своем
мороз и снег.
Только я одна
все жду и жду от темна дотёмна.

В ОЖИДАНИИ НОВОГО ГОДА

— Новый год? А где его отыскать?
 — Любопытен ты чересчур.
 Новый год, пойми, дружок, не доска
 для выделывания шкур.
 — А какой же он? Покажи скорей.
 Может, вот он — среди прохожих?
 — Новый год — это много-много дней,
 много дум и желаний хороших.
 — А конфет, скажи, принесет он мне?
 — Да, но щедр он не только на сласти —
 он нас сделает взрослей, умней,
 он подарит нам новое счастье.
 И с ним, может, дверь из космической тьмы
 нам откроют звезды подростки.
 — Пусть враги тогда переедут, а мы
 здесь останемся — мы же хорошие.
 Пусть с земли Новый год, ты ему скажи,
 всех плохих, непослушных прогонит:
 ведь тогда веселее нам будет жить,
 ведь тогда нас никто не тронет.

* * *

Мне без тебя так одиноко.
 А ты? Грустишь ли ты, как я?
 С тобой ли в плаванье далеком
 любовь моя, тоска моя?
 Борясь со штормами, с пургою,
 зовешь ли ты меня, мой друг?
 А если встретишься с другою —
 меня не позабудешь вдруг?
 Ты в моем сердце, ты вокруг...
 Скажи: а я сейчас — с тобою?

ТОСКА

Тут словами ни за что не рассказать,
 как по дитятке своем тоскует мать.
 Если он хоть ненадолго остается,
 сердце, кажется, не сдержишь — разорвется.
 А придешь домой — как с плеч свалила гору.

Это ж часть живая сердца твоего,
 вся любовь, раздумья, споры,
 тревожения и сборы —
 все ему, из-за него и для него.

НЕТ, НЕ ЖАЛЕЮ

Нет, я, мама, еще не жалела ни разу,
 что ты девочкой слабой меня родила
 и, чтоб дочку сберечь от нечистого глаза,
 некрасивое имя дала...
 Если б жизненный путь снова начался мой
 и смогла бы я мальчиком стать,
 без раздумий бы стала я им, чтоб самой
 жизнь отважных и сильных познать.
 И от женских забот в стороне дни и ночи
 я б шагала вперед напрямиком
 по горам, по тайге и по тундре...
 А впрочем,
 не впервые ходить мне пешком.
 И в берлогу одна угодила бы вдруг
 я в исхоженном дальнем пути.
 «Не щадит он себя, — так сказал бы мой друг, —
 клад, наверное, хочет найти».
 В непролазной тайге непроглядную ночью
 я бы друга несла, чтоб живой
 он остался со мною...
 А впрочем,
 рисковать мне и так не впервой.
 Породилась бы я с непривычным трудом,
 от людей ничего не тая,
 и была бы тогда словно обжитый дом
 неоглядная тундра моя.
 Где-нибудь у костра иль в поселке рабочем
 повела бы я тихий рассказ
 про отважных людей, про дела их...
 А впрочем...
 Я об этом писала не раз.
 Жизнь меня наделить позаботилась всем,
 чем она человеку мила.
 Нет, я, мама, теперь не жалею совсем,
 что ты дочкой меня родила.

ЗЛО БЕРЕТ НА ТАКИХ

Ох и зло берет на этих самых,
с позволения сказать, родителей...
Речь о преподобных папах-мамах,
по которым плачут вытрезвители, —
нет, к ним слово «пьянство» не подходит,
но смотрите, что они городят:
мол, ребенок пусть растет у бабушки,
пусть она ему играет ладушки,
он же ведь не может понимать,
кто с ним рядом — бабка или мать.

Хочется им крикнуть:

— Замолчите!

Неужели вправду вы хотите,
чтобы рос ребенок сиротой!

При отце, при матери живой!

Для чего тогда было рожать?

Чтобы так с рожденья обижать?..

Поздно будет к старости воспитывать
и стоять над ним, как на посту, —
он сегодня сердцем должен впитывать
вашу доброту и правоту.

Поздно будет с ним потом беседовать
и срывать на нем в бессилье зло —
он душою должен унаследовать
вашу душу, нежность и тепло,
душу, а не только ваши глазки
и в придачу бабушкины сказки.

О ЧЕМ ГОВОРIT МОРЕ

Оно такое злое,

так много силы в нем,
не хочет знать покоя
ни ночью и ни днем.

И не видать на небе зги,
лишь только волн громады —
весь мир разбился вдребезги
от этой канонады.

Ни пения, ни гомона —
все глушит, рушит, рвет.

О чем оно, о чем оно,

о чем оно ревет?

Знать, поглядеть немало
такого довелось,
что в нем навек взыграла
неистовая злость.

Знать, на земле такая
несправедливость есть,
что в нем, не умолкая,
живут борьба и месть.
То дыбится, то кренится
во весь шальной размах,
плюется, воет, пенится
и стонет, все в слезах.

Но вот сковала стужа
сначала берега,
потом решила глубже
шагнуть ее нога.

И стихнувшее море,
вздыхая тяжело,
не злобствуя, не споря,
под толстый лед легло.
Смирилось? Нет, ничуть —
решило отдохнуть.

ТОЙ, ЧТО НА ЧУКОТКЕ

Была бы со мною ты рядом,
то сразу же наверняка
увидела с первого взгляда,
какая на сердце тоска,
услышала б ясно и четко,
как сердце все дни напролет:

«Чукотка,

Чукотка,

Чукотка...» —

выстукивать не устает.

Я сразу же затосковала,
приехать сюда не успев,
и грохот девятого вала,
и вьюги победный напев,
и речек прозрачных излуки —
я к ним в свидениях мчусь,
лишь только в далекой разлуке

узнаешь всю искренность чувств.
 Никак не могу я иначе,
 увижу оленей во сне —
 сейчас же проснусь и заплачу,
 и так станет тягостно мне.
 Не выдержу я поединка
 с тоской по Чукотке моей,
 зовет она каждой травинкой
 и каждой снежинкой своей.
 Я вижу, разлуки отведав,
 не только родное жилье —
 теперь вся земля моих дедов,
 и добрые люди ее,
 и небо, и травы, и камни
 мне стали милей и нужней.
 Как много Чукотка дала мне,
 и как еще мало — я ей...

ЗИМОЙ У УСТЬЯ

Там, где берег льдом прочным одет,
 снежным комом с обрыва крутого,
 нарастая, спускается к стойбищу свет —
 это день начинается новый.
 Неплохое как будто местечко
 для людского жилища — спокойное:
 лес, домишки, площадка забойная
 и богатая рыбою речка.
 Хорошо ребятам шаловливой
 тут кататься с речного откоса.
 Здесь родился зимою пуржливой
 мальчик — сразу видать, что красивый,
 большеглазый и звонкоголосый.
 Только жизнь началась его с горя:
 престарелый отец умер вскоре,
 мать недолго по нем горевала,
 у нее муж нашелся второй,
 и она с ним на пару сбежала,
 бросив сына в землянке сырой.
 В неприютном, захламленном месте
 он остался с собаками вместе.
 Он в тот день, как ни в чем не бывало,
 веселился в ватаге ребячьей:
 ведь и раньше не раз уезжала

мать охотиться или рыбачить.
 И в землянку к себе с темнотой
 прибежал он, а матери нету.
 Дико, словно в берлоге пустой.
 — Я боюсь, слышишь, мамочка, где ты?..
 Но никто не прогнал эту тьму,
 чашку с сытной едой не поставил,
 и никто слез не вытер ему
 и подушку его не поправил.
 И тогда он устроился сам,
 если так все негаданно вышло, —
 он пробрался к друзьям своим, псам,
 и улегся меж ними неслышно.
 Как щенок, он свернулся в пыли,
 и от тихой собачьей опеки
 потеплело. А слезы текли
 и текли сквозь сомкнутые веки.

Там, где берег льдом прочным одет,
 снежным комом с обрыва крутого,
 нарастая, спускается к стойбищу свет —
 это день начинается новый.

Время шло. И как-то спозаранку,
 не дождавшись друга своего,
 заглянул в притихшую землянку
 русский мальчик. Смотрит — никого.
 Он уже скучает без приятеля —
 как бы не попало невзначай, —
 но, боясь его сердитой матери,
 все же крикнул:
 — Где ты, Рультикай?
 Что с тобою? Почему так долго
 спишь ты?.. — Но молчание в ответ.
 — Где ты? — И притих он, сбитый с толку...
 Ни на улице, ни дома нет.
 А когда придвинулся поближе,
 увидал: под кучею тряпья —
 мальчик, одинок и неподвижен.
 — Рультикай, а мама где твоя?..
 Рультикай, проснись же, ну чего ты?
 Тот издал чуть слышный вздох. И псы,
 нехотя очнувшись от дремоты,
 равнодушно подняли носы.

Ну как смогла она посметь?
 Поди-ка отгадай.
 Был брошен матерью на смерть,
 но выжил Рультыкай.
 А бремя той лихой беды,
 тот самый горький пласт —
 какие принесет плоды,
 какое семя даст?
 Он скоро вырос, мальчик мой,
 он стал уже большим,
 к себе он строгий стал душой
 и ласковый к чужим.
 В семье бесчисленной своей
 узнал мой сирота,
 что на земле всего сильнее
 людская доброта.
 Учиться в городе большом
 старался он на пять.
 Окончил школу, а потом
 пришел в нее опять.
 Он с честью этот путь прошел
 нелегкий, но прямой,
 ему друг первый — комсомол,
 а школа — дом родной.
 В родном селенье, как в дому,
 живет, весь на виду,
 и дети все несут ему
 кто радость, кто беду.
 Приятна радость, а с бедой
 сложнее в тыщу раз.
 Совет, хороший ли, худой,
 едва ли пользу даст.
 И не жалея для ребят
 всех сил, из года в год
 он ради них всего себя
 до капли отдает.
 Не покоряет он вершин,
 не бьет в колокола,
 а просто, как и все, вершит
 хорошие дела.
 Не потому ли жизнь вокруг
 становится светлей?
 Не потому ли шире круг
 испытанных друзей?

Забот и планов — через край
 и дел неуправот.
 Чтоб был счастливым отчий край,
 чтоб не было сирот.
 Там, где берег льдом прочным одет,
 снежным комом с обрыва крутого,
 нарастая, к поселку спускается свет —
 это день начинается новый.
 Рультыкай наш не первый уж год
 человеком слывет не последним,
 ну, а мать в это время живет
 недалеко, в поселке соседнем.

Приглашение к чаю

ДРУЗЬЯМ

Спасибо,
 что мы встретились.
 Вдвойне
 спасибо,
 что друг друга
 не забыли
 и что в разлуке,
 в дальней стороне,
 рукопожатья наши
 не остыли.
 Усть-Белая,
 твой материнский дом,
 как прежде,
 при любой погоде светел.
 Спасибо,
 что опять я слышу в нем:
 «О, ты пришла!
 Ты возвратилась!
 Етти!¹»
 И пусть земляк —
 не кровное родство,
 ведь есть на свете кое-что повыше!
 Усть-Белая, какое волшебство,
 что снова я
 твою улыбку вижу!..

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ЦВЕТОК

Невзрачный тот цветок
   недаром любят чукчи...
 Опять пришла весна,
   все зелено вокруг.
 Наверное, цветы
   есть на земле получше,
 но мы тебя всегда
   с надеждой ждем, пьупук!²
 Ничем среди других
   особым не отмечен,

¹Етти! — чукотское приветствие, буквально: «Ты пришел!»

²Пьупук — растение рода клайтония с мясистым корнем.

от городских жилищ
   заведомо далек,
 как женская краса,
   увы, недолговечен
 твой бледный лепесток,
   твой хрупкий стебелек.
 Но в вечной мерзлоте
   невидимо упорен
 и продолжает жить,
   приобретает мощь
 итог и смысл цветка —
   тугой и сладкий корень,
 чтоб, жертвуя собой,
   тундровикам помочь.
 Тебя весной в горшках
   не ставят на окошко,
 ты на семи ветрах
   всегда цвести готов,
 наш преданный пьупук,
   чукотская картошка,
 нехитрая еда,
   ты — пища всех богов!
 Чукчанка, как пьупук,
   цветок неповторимый.
 Похожа суть ее
   недолгой красоты:
 чтоб среди всех других
   узнал ее любимый
 и дети чтоб росли —
   прекрасные цветы.

* * *

Человек в пути.
 Он исчез вдали.
 Он — сын суровой нашей
 земли.

Природа,
   к тебе обращается дочь:
 любимый мой человек
   в пути.
 Ты ветры спящие разбуди —

Скажи мне, чем же я
могла тебя обидеть,
какую же вину
не искупила я,

что ты меня не ждешь
и не желаешь видеть?
А я ведь дочь твоя,
родная дочь твоя!

Вернулась я к тебе
не праздною туристкой —
здесь вырастала я
и крылья обрела.

Ты мне дарил любовь,
и счастье материнства,
и никогда ни в чем
тебе я не лгала.

О многом рассказать
тебе мне нынче надо,
совета попросить
да вспомнить о былом...

Усталость сушит рот.
Прими меня, Анадырь.
Не хочешь говорить —
мы помолчим вдвоем.

ПОЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ РЫРКАЙПИЯ

Их свет рассыпан на десятки верст.
Их песни тундра слышит каждый вечер.
Внимая зову рукотворных звезд,
пойдем и мы с тобою им навстречу.
Земные звезды не стремятся ввысь —
хватает им полярного простора.
И бьется человеческая мысль
в глазах машин, в мелодии мотора.
И человек в пути не одинок —
пронзая мрак и занавес тумана,
к нему спешит на берег океана
поющий путеводный огонек.
Как эстафету веры и добра,
его друг другу у костров походных
передавать привыкли до утра
оленовод, геолог и охотник.

И в песнях этих звезд,
в сиянье их лучей
объединила общая забота
поэзию арктических ночей
с конкретной прозой грузооборота.
Рыркайпий спит...
Но вновь в ночной глуши
стремятся в путь бессонные машины,
и зажигают смелые мужчины
негаснущие звездные лучи.
Звучат их песни в тундре неустанно.
Пойдем и мы на берег океана.

СНЕЖНАЯ ПЕСНЯ

То не ветра
кружево-канитель,
не метели стылые
замели.
Это белы лебеди
карусель,
полыхая крыльями,
завели.

Припев:

Снежный вихрь
летит с горы.
Снежный —
радость детворы.
Снежный —
льется в отдаленье,
будто бы стада оленей
разбрелись
по склонам сопок.
Снежный —
красит наш поселок!

Перья белоснежные,
вечер бел.
Все на свете кружится
за окном.
Раскачайте, лебеди,
колыбель,

спойте песню доченьке
перед сном.

Припев.
Кто там вышел затемно
за порог?
Чтоб была полярная
ночь тиха,
уроните, лебеди,
пух-перо, —
ждут олени юного
пастуха.

Припев.
Чтоб в ночи идущему
не пропасть,
чтоб с тропы намеченной
не свернуть,
приготовьте, лебеди,
прочный наст,
укажите, лебеди,
добрый путь!

Припев.

НА ПРАЗДНИК

Солнца быстрые лучи
мчат зарю
на крыльях красных.
Ты, олень,
быстрее домчи
нас на светлый
этот праздник!
Словно реки в океан —
на веселье
в белом мраке
сквозь метели и туман
мчат нас
северные лайки.
Пусть дорога далека —
мы не можем припоздниться.
Обгоняя облака,
мчат нас
сказочные птицы.

Здравствуй, радостная весть!
Вопреки любым ненастьям
кончен путь,

и все мы здесь,
и глаза сияют счастьем.
Вырастили я и ты,
чтоб планета стала краше,
рукотворные цветы —
города и села наши.
Чтобы нынче нам, друзья,
не хотелось расставаться,
создавали ты и я
наши песни, наши танцы.
Их со всех концов земли
юной, северной, безбрежной
мы сегодня привезли
в наш Анадырь
белоснежный.
Не пускали нас встра,
было много

вьюг опасных.
А'мын етти, тумгытум!³

Пора

начинать веселый
праздник!

* * *

Ах, собачки так лохматы,
так проворны —
высший класс!

Ох и скоры были нарты,
что сюда домчали нас!
Велика земля родная,
на таланты вырос спрос.
Качку моря повторяя,
дивно пляшет эскимос.
Тундра...

Что на свете лучше?
Я не знаю до сих пор!
Звонкой песней славят чукчи
пастбищ тундровых простор.

³ А'мын етти, тумгытум! — О, здравствуй, товарищ!

А в руках эвена хомус
 об охоте нам поет...
 Так мы съехались, знакомясь,
 так мы встретились.
 И вот
 начинаем представленье:
 клекот,
 радость,
 плач и стон.
 Это — горловое пенье,
 древнее изображенье
 быта северных племен.
 Сердцу милые картинки,
 эхо прожитых веков:
 «Два оленя в поединке»,
 «Плач телят», «Распилка дров».
 Ах, кухлянка у коряка
 так нарядна, так пестра!
 Ох и пляшет он, однако,
 у пастушьего костра!
 И протяжно и тревожно
 песни новые плывут:
 то, испытанный тасжник,
 под баян поет якут.
 Плавной песни отголосок
 в даль бескрайнюю зовет.
 Это северных березок
 на эстраде
 хоровод.
 Это русский танец дружбы,
 что народы породнил,
 наши судьбы, наши души
 навсегда объединил.
 Этот танец
 честь по чести,
 задушевный и простой,
 мы танцуем нынче вместе
 под Полярною звездой!

ПРИГЛАШЕНИЕ К ЧАЮ

Чукчи недаром сльвут
 гостеприимным народом.
 Может быть, в тундру и вас
 вдруг занесет невзначай.
 Вот как встречают гостей
 в краях, откуда я родом...
 Итак,
 я вас приглашаю на чай.
 Но прежде, конечно же, мы
 о том о сем побеседуем,
 не спеша пообедаем
 и строганинки отведаем.
 Знаете ли, что это за блюдо?
 Запоминайте — а я показывать буду.
 Мускул оленьей ноги
 каждый — к себе — строгают,
 а после — в рот.
 Ну и как? Тает?
 Конечно, тает!
 Горячее мясо
 всего быстрее —
 ломтиками на костре.
 Можно поджарить легкие,
 почки
 и что-нибудь кроме.
 Вам предложу с дороги я
 кашу из свежей крови.
 Чукотская колбаса,
 конечно же, на любителя.
 Готовится полчаса.
 Попробовать не хотите ли?
 Вяленое мясо
 с салом из толченых костей...
 У нас до последнего часа
 ждут дорогих гостей.
 На днях оленя забили.
 Чукотский народ не скуп —
 для вас приберечь не забыли
 жаркое из оленьих губ.
 И я отведаю тоже
 с вами — теснее круг! —

блюдо из дикой чукотской картошки,
из сладких корней — пѣупук.

Лето не зря аукало
удачу для рыбаков:
попробуйте нашу юколу —
пищу речных богов.

Жаль, что лето сейчас
кончилось — делать нечего, —
я угостила бы вас

голубикой с толченой печенюю.
Кстати, есть и прѣрѣм —
толченное мясо

с костным салом.

Сколько его ни ем —
все почему-то мало!

Чаюйте, как полагается,
хоть десять часов подряд.

У нас в гостях не ломаются,
что подают — едят.

В тундрах наших просторных
еще немало окрест

богатых оленьим кормом
таких заповедных мест.

Как предками нам завещано,
по несколько дней тут

чаюют чукотские женщины,
мужчины — не отстают.

Давайте-ка напоследок
все доедим, допьем,

к одной из моих соседок
опять чаевать пойдем.

Вам блюда ее понравятся —
умеет гостей встречать...

Пока еще отдыхается —
надобно отдыхать.

Лету мы тоже рады,
но дела хватает всем.

Выделывать шкуры надо,
надо пошить рѣтѣм⁴.

Праздники летом редки,
но нынче свое возьмем:

пошли-ка к моей соседке —
чайку у нее попьем!

ПЛЯСКА ЛИСТВЕННИЦ

Встречался ли тебе
хоть бы раз
на склонах гор
деревьев перепляс?
Хоть бы раз
ты ночью попадал
на бесподобный
лиственничный бал?
Оркестр ветров
в ночи не устает
дуть в бешеные трубы
круглый год.
Подобны людям
сутью естества
охваченные

пляской

деревя.

Вот, задыхаясь,
под покровом мглы
трясут старухи
дряхлаые стволы.

Вот юноша,
что вымахал с версту,
лохматой кроной
машет на ветру.

Спешит девица
вывихнуть скорей
суставы
тазобедренных ветвей.

Смешно на них
смотреть со стороны.

Но ведь и мы
со стороны смешны.

Куда спокойней
вовсе не плясать —

забиться в середину
и стоять.

Таким теплей,
им ветры не страшны.

⁴ Рѣтѣм — меховое покрытие яранги.

Но нам такие
 больше чем смешны.
 Так лиственницы
 пляшут на ветру,
 с испугом замирая
 поутру
 от суеты извечной
 вдалеке
 в нелепом
 танцевальном столбняке...
 От каждодневных,
 от пустых словес
 уйди на сопку,
 в лиственничный лес.
 Деревья пляшут
 молча
 круглый год —
 они смешной,
 но истинный народ.
 Они — как люди.
 Эти вот вдвоем
 над затаенным шепчутся ручьем.
 Им важно
     отражение свое,
 а вовсе
     не явление твое.
 А эти, чтобы
 облегчить
 твой путь,
 тебе готовы
 руку протянуть.
 А те вот
 песни шелестят свои
 о проходящей жизни,
 о любви...
 Встречался ли тебе
 хотя бы раз
 на склонах гор
 деревьев перепляс?
 На Ольском перевале
 ветра вой,
 не затихает
 танец вековой.

Туда я
 потихоньку побреду,
 чтобы развеять
 давнюю беду.
 Коль грустно и тебе,
 иди ко мне —
 мы на ветру
 попляшем
 в тишине.

ЦВЕТЫ

О, как глупо
 я споткнулась в спешке!
 Впереди — дурацкие вопросы,
 позади — упреки и насмешки,
 на глазах — нечаянные слезы.
 Ничего на свете мне не мило.
 Все темно вокруг и все постыло.
 Вдруг над миром
 засияло звонко
 солнце
 и в окошко заглянуло.
 Тихо улыбнулась мне сестренка
 и цветы живые протянула.
 Носиком щеки моей коснулась,
 обняла меня,
 и я очнулась.
 Лучик солнца тронул мое сердце,
 и рассеял сумерки потери,
 и друзей, что жили по соседству,
 разбудил — они стучатся в двери!
 Не забуду эту доброту,
 в памяти своей увековечу:
 если станет вам невмоготу,
 поспешу с цветами к вам навстречу.

* * *

Рахтылину

Вглядываясь
                                 в тысячи встречных лиц,
 вслушиваясь
                                 в тысячи голосов,
 пристально рассматривая
                                 каждый лист,
 каждую былинку
                                 чужих лесов,
 хочешь знакомые
                                 встретить черты,
 услышать хоть вздох
                                 на родном языке,
 ягеля приземистые кусты
 тронуть
                                 от мест родных вдалеке.
 Ты к востоку
                                 лицом обернись —
 ветер Чукотки поет:
                                 — Вернись!
 Солнце Чукотки
                                 дарит рассвет —
 нашу улыбку
                                 и наш привет.
 Слышишь, Рахтылин,
                                 несет река
 песню любви
                                 по родным просторам.
 Тебе понятна
                                 ее тоска,
 ее стремленье
                                 встретиться с морем.
 Такой рекою
                                 была и я.
 Как мне понятна
                                 тоска твоя!..

ПЕСНЯ, ПРИНЕСЕННАЯ ВЕСНОЙ

Еще одна весна прошла
 от родины в далекой дали.
 Все эти дни
 душа была —
 увы —
 пристанищем печали.
 И скучно в доме мне
 и лень
 идти туда —
 за дверь —
 на ветер.
 Ну почему?
 Ведь этот день
 прекрасен был и светел.
 Трава, деревья, воробьи —
 все солнцу молодому рады.
 Но только нам,
 друзья мои,
 оно не принесло отрады.
 И только сон
 в полночный час
 приносит нам весну иную —
 ту, что уже
 прошла без нас,
 ту, что опять — в который раз! —
 и я сама к себе ревную.
 Я слышу, как ручьи звенят,
 приветствуя и славя утро,
 как голосами оленят
 поет не умолкая тундра.
 И солнце юное встает,
 и небо надо мной бездонное,
 и дышит радостно зверье,
 весной от спячки пробужденное...
 Нет песни ближе и родней,
 чем песня тундры бесконечной.
 Призыв любви я слышу в ней,
 как эхо юности беспечной.
 И все пока что впереди,
 когда весна торопит зиму.

И сердце рвется из груди
навстречу этому призыву...
Любимый, это все для нас:
и пестроногие олени,
и нарты, и весенний наст, —
умчим подальше от селений!
О, как я счастлива — во сне, —
когда молчит он, и волнуется,
и приникает вдруг ко мне —
нос к носу...

Чукчи так целуются!

* * *

Были — друзья хорошие,
стали — наши враги
письма мои тревожные.
Брось их в костер, сожги!
Строчки страданий тщетные.
Больно на них смотреть.
Кровью моей начертанные,
ярче будут гореть!
В сердце любовь я спрятала —
сердце мое не тронь.
Верных моих предателей
брось, говорю, в огонь!
Чтобы, как прежде, здравствуя,
шел ты к своей судьбе,
нежность твою и страсть твою
я возвращу тебе.
Не собираюсь трепетно
помнить твои долги.
Лишь одного я требую:
письма мои сожги.
Не поддавайся панике
и не печаль лица.
Вечный двигатель памяти —
это наши сердца.
Знаю, о чем попросишь.
Полно, себе не лги.
Сердце в костер не бросишь,
а письма — сожги, сожги...

НАД ПРОЛИВОМ ЛОНГА

Океан безмерно удивлен:
— Это как же, извините, вышло?
Из каких сторон,
каких времен
к нам ты залетела,
тундровичка?
Айсберги приветливо под нами
сивыми качают головами...
Как папирус древний,
океан
письменами испещрен немymi...
Там, внизу, две льдины.
То не мы ли
тянемся друг к другу
сквозь туман?
И ведем
безмолвный разговор
о кипящей бирюзе озер
в дебрях комариной стороны,
о Кувэт-реке,
где пляшут рыбы,
о яранге темной,
где могли бы
быть, как перед богом,
мы равны...
Будет путь разлуки нашей
долог.
И не раз с тобою мы взгрустнем,
вспоминая ночь
и жаркий полог,
нас с тобою,
нас с тобою в нем.
Бредят же
и льдины в океане
тишиной
над тундровым ручьем...
Письмена
скрываются
в тумане,
не понять,
о чем они, о чем?

Друг к другу тянутся сердца,

и жажде столько лет,
и ожиданью нет конца,
и близится рассвет.

— Светает, —

говоришь ты вдруг. —

Ну что ж, пора вставать...
И это все, мой давний друг,
что ты хотел сказать?

* * *

Музыка на острове особая —
сердце замирает и щемит.
Мы летели в облаках

над сопками,
слушали, как океан шумит.
Долгий звон струится

над торосами,
эхом повторяется окрест.
Потанцуем мы с тобой

на острове
под ледовый свадебный
оркестр.

Долго шли мы...

И обледенение
мертвых скал и пурги —
все обман.

Но зато

дарил уединение
нам с тобою островной туман.

Но зато
над водами нейтральными
подняла нас птица в вышину.

И одно лишь слово повторяли мы
и мечту лелеяли — одну...

Все сбылось,

все подлинное — просто ведь:
нет волшебной музыке конца,
и танцуем мы с тобой на острове,
и созвучны музыке сердца.
Сколько силы в этом единении,
в торжестве природы и любви.

Остров наш

достойн удивления,
ты его Землей Уединения
и Приютом Счастья назови.
Музыка на острове — проклятие:
очарует и затихнет вдруг,
и придется нам

разъять объятия
и взглянуть растерянно вокруг...
Но об этом нынче

думать надо ли,
если не рассеялся туман,
и танцуем мы,

и остров Врангеля
вместе с нами
мчится в океан.

* * *

Приходи,

на тебя я взгляну,
я коснусь

твоих пламенных рук
и в глазах я твоих

утону,
чтобы не было больше
разлук.

Приходи,

посидим у огня —
ты меня

не ласкал так давно!
Пусть осудят

за это меня
те, кому

полюбить не дано.
Для чего мне

моя маята,
эти горькие слезы —
тайком?

Приходи,

я по горло сыта
одиночества
скудным пайком!

Случается в жизни такое —
сама не поймешь ничего:
встречаешься
с чьей-то тоскою
и тешишься
лаской мужскою,
хоть вовсе не любишь его.
Глаза остаются пустыми,
по чуждому лику скользя.
Но ты остаешься с постылым,
хоть знаешь,
что это постыдно,
что этого делать нельзя.
Твое безразличье погубит
того, кто,
не смея вздохнуть,
целует тебя и голубит,
тебя, равнодушную, любит,
кого ты не любишь ничуть.
Ведь он не дожидается ни слова
в ответ. Ни улыбки.

Скорбя,
что все в этой жизни не ново,
ты любишь другого, иного,
который не любит тебя.
Да, ты без особой опаски
сжигаешь чужие сердца,
отнюдь не пугаясь огласки,
приемля ненужные ласки,
вселяя надежду в юнца.
Уже за спиной в укориные
суды-пересуды, как нож.
Ты зубы в молчании стисни.
Такое случается в жизни —
сама ничего не поймешь.
Идешь ты по краю обрыва,
беспечно платок теребя,
чтоб боль перенести терпеливо
в глаза посмотреть горделиво
тому, кто не любит тебя.
Ему не видна на планете
твоя роковая черта.

Другую улыбкой он встретит...

Бывает

такое

на свете —

сама не поймешь —

ни черта!

* * *

Не рада я

ни счастью твоему,

ни синеве знакомого пролива.

Ты звал меня?

Зачем и почему?

Я не слыхала твоего призыва.

Не растревожит, нет,

меня твой взгляд

и не смутит

прикосновение локтя.

Не помню ни признаний я,

ни клятв,

ни поцелуев пылких в самолете.

Истосковался. Ах! Беда, беда!

Не поздно ли? Давно развязан узел.

Мне любопытно, почему тогда

ты не решился?

Почему ты струсил?

Боялся пересудов и молвы?

А я, а я рвалась к тебе...

Увы!

Все стерли годы. И любовь прошла

без страха и упрёка — без оглядки.

Тебя я не ждала и не звала,

и я тебя не вижу — все в порядке.

Любовь и трусость — давние враги.

Ты позабудь,

что я тебя любила,

и от себя

напрасно не беги

ко мне навстречу:

я тебя забыла.

* * *

Выращенные нами вдвоем,

наши цветы

погибли.

Под тяжким, как слезы,

дождем

согнулась трава

в три погибели.

Ветер улыбку мою сорвал

с губ.

Швырнул и убил наповал.

Сквозняк в яранге.

Стыло вокруг.

Улетел

обретенный недавно друг.

* * *

Пора нам свидеться, хороший.

Пора улыбку звать на помощь,

чтобы глаза сухой порошей

нам не запорошила полночь.

Но и во мгле нам не до скуки.

Пора разлуку взять в кавычки.

Отвыкли от объятий руки?

Любовь надежнее привычки!

Пора, хороший, с нитью нить —

тепло с теплом соединить.

* * *

Не жди его...

Осенняя пора

уже пришла.

Чиста ее прохлада.

Прозрачны кроны лиственниц.

Вчера

надела шапку снежную гора

и солнце опечалилось.

Не надо,

не жди его...

Весенняя листва
упруга и сильна.

Она не знает тягот.
Совсем напрасно юная трава
скрывает горечь прошлогодних ягод.
К твоим стопам

уж никогда не лягут
его хмельные, смелые ветра.
Не жди его...

Ведь осень и весну
не зря в природе разделяет лето.
Но ты, но ты

не ставь ему в вину,
что он не пощадит тебя за это,
и все-таки послушайся совета:
не жди его...

Вам с ним не по пути:
он сын весны,
а ты вступаешь в осень.
Все для него на свете под вопросом,
тебе же ясно все.

Весну любя,
не жди его —
он не поймет тебя.

* * *

Повстречали мы

куропача.

Он летел,

осмысленно крича.

И звучала в крике том

тоска —

он подругу звал

наверняка.

В бессловесном

напряженье крика

человечьи чудились слова:

«Потерялась, белокрылка!

Ты жива иль не жива?

Неужели так вот быстро

ты забыла обо мне?..»

А в ответ
не птичий крик, а выстрел
раздробило эхо в тишине.
Но со смертью

не играл он в прятки,
все летел он,
крыльями треща:
только крику
милой куропатки
был доступен

слух куропаचा...
Шли с тобою мы рука в руке.
Сел на кочку он невдалеке:

«Не найду подругу я нигде —
помогите, люди, мне в беде!»
Не дождался нашего участия,
улетел обиженно от нас...

Нет, не только в горе,
но и в счастье
замыкаются
сердца подчас.

ТУМАН

Вечный туман —
хоть бесись,
хоть молись.

Млечный туман
над поселком навис.

Плохи дела —
мгла.

Сердце тоскует
и рвется домой.

Но самолет
на бетонной прямой

заволокла
мгла.
С сопки по склонам

струится туман.

В каждом распадке
клубится туман.

В сердце вошла
мгла.

Там, за туманом,
ты ждешь меня, друг.
Если ты даже
не ждешь меня вдруг, —
я не лгала,
не суди за обман:
все это —
мгла,
вечный туман.

* * *

Расставаться тяжело —
тяжелее оставаться
с той же самой тишиной
не вдвоем — наедине.
В той же самой суете
в одиночку — не сдаваться,
той же самой маяте
дань выплачивать — вдвойне.
А в дороге, а в пути
столько встреч и столько песен!
Время бешено летит,
мир беспечно интересен.
Отправляющийся в путь,
тем, кто дома остается,
улыбнуться не забудь —
это в будущем зачтется.

СКАЗКА О ХВОСТАТОМ ЛЯГУШОНКЕ

Ради тех, кого люблю,
чтобы в бедах
не ослабли,
сердце
в брызги разобью,
Кровь свою
отдам до капли...
...Время стерло память этой были.
Это было много лун назад.

Тогда звери
всех людей любили
и росли хвосты у лягушат.
Это было сказочное время!
Люди были лучше и добрей...
Кочевало северное племя
и любило
маленьких зверей.
Так и жили —
дружно и счастливо.
Но однажды,
как полночный вор,
черный мор
приполз
из-за пролива,
истребляет племя
черный мор.
Не спастись от гибельной погони —
умирают люди на заре.
Коченеют добрые ладони —
те, что грели маленьких зверей.
Но людей,
несчастьем оглушенных,
уходящих гибельной тропой,
так любил
хвостатый лягушонок,
что решил пожертвовать собой.
Попросил ладонь,
что остывала
и к земле клонилась тяжело:
«Ты меня когда-то
согревала,
забери теперь
мое тепло!
Ты отрежь мой хвостик, —
попросил он, —
хоть слаба,
но не бессильна плоть:
в ней вся кровь,
тепло мое
и сила,
что помогут смерть перебороть.
И ни капли крови не прольется
ни на землю, ни на острый нож.

Ну, а если...

Если уж придется,
значит, я бессилён.

Ты умрешь».

Человек впотьмах

нащупал ножны,
но, ножа сжимая рукоять,
вдруг ответил:

«Это невозможно.

Есть ведь у меня

отец и мать.

Маленький сынок — наследник чести
и жена, которой предан я.
Я останусь жив.

Но с ними вместе
навсегда умрет душа моя!
Тенью жить

на горестном погосте,
на могилах
проданной любви?

Лягушонок,
береги свой хвостик
и живи,

пожалуйста, живи!»

И, услышав это,

сокрушенно
покачал нелепой головой
и сказал хвостатый лягушонок:
«Не спеши, одумайся, постой!
Я придумал.

Это ведь не дело —
умирать от горя и тоски.

Нож возьми
и лягушачье тело
искромсай скорее на куски!
Не скорби,

что ты меня погубишь.

Не колеблясь, слышишь,
кровь свою

отдаю я тем,

кого ты любишь,
и ни капли даром не пролью...

...Ради тех, кого люблю,
чтобы в бедах не ослабли,
сердце

в брызги разобью,
кровь свою

отдам по капле.

И расстаться мне не жаль
с белым днем,

со всем, что было,
лишь бы горькая печаль
ваши души не губила!»
Люди выжили...

Спешат,
суетятся на планете.
А хвостатых лягушат
больше нет

на белом свете.
Повсеместно льется кровь,
чтобы жить нам без опаски.
Чтоб светла была любовь
и чиста.

Не только в сказке.

БУДЕТ ДЕНЬ

Поэма

Закон весны

Очнувшись,
все сошли с ума —
закончилась зима!
Безумьем воздух напоен —
таков весны закон.
Зверье
ослепло от любви,
от солнца жгучего в крови —
конец ненастью.
Еще бы! В тундре тает снег.
И знает только человек,
что это — счастье.
Смешон и важен куропад
за волгой кочкой.

Сейчас вот

кинется он вскачь
за куропаткой-квочкой.

И крылья

страстно затрещат,
распугивая оленят.

Ковер, что здесь расстелен,
притягивает, как вода,
их, не выдавших никогда
живую зелень.

Зимы студеное окно
продавлено.

Под солнцем дышит озорно
проталина!

*

Сам костер —

большой начальник —

подчиняется весне:

почернел на солнце чайник,
а отнюдь не на огне.

У яранг,

как бесенята,

бойко скачут оленята —
несолидные.

Здесь же,

мрачен и сердит,

пес на привязи сидит,

им завидуя.

Самый смелый

(Серым звать)

захотел под зад поддать

пса Вытелгина.

Но щенок затыкал вдруг —

Серого погнав испуг,

завертел его!

А Чернуш

за ним вдогонку,

дразнит лаем олененка:

— Ноги у тебя тонки,

чтобы наперегонки!

Очень грозно лает —

хвостиком виляет...

*

Что ж, оставим их, играющих,
глупых — прыгающих, лающих,
ничего не понимающих...

*

Ничего не видят

эти двое —

за любовь

неведеньем расплачиваются.

А над ними небо голубое,

а над ними

солнышко раскачивается.

К солнцу, что качается в зените,
мхом-травую

тянется проталина.

Эти двое

ничего не видят,

ничего не ведают.

И правильно!

Что им небо, если восхитительней
юных душ

весеннее слияние?

Что им солнце,

если ослепительней

юных глаз

счастливое сияние?

Кружится, поет над тихим плесом
хоровод березовый о нежности.

Девушка танцует

в лад березам,

напевая —

о любви, конечно же!

Песня девушки

Высоко-далеко

облака проплывут не спеша.

На душе

так легко,

словно облаком стала душа.

Я стою

и приветствую утро.

Я пою,
и рассветная тундра,
слышите сами,
птичьими голосами
повторяет песню мою.
Навсегда, навсегда
я от счастья, как зайчик, слепа.
Пробежали стада —
не могу различить ни следа.
Не пойму,
почему он со мною
и его ли
ждала я весною?
Сколько волнений,
девичьих сомнений, —
в моей песне сто «почему».
Я спешу,
я пляшу,
я об этом и знать не хочу.
Никого не спрошу
и сама я за все заплачу.
На беду ли,
на счастье ль тревожно,
и иду
я к нему осторожно
поступью робкой
вешней тундровой тропкой,
как по хрупкому льду?

Песня юноши

Кружатся-качаются
вокруг дерева,
кружится-качается
солнце в вышине.
Кружится-качается
моя голова.
Видно, это все
благодаря весне.
Руки ее нежные
зовут ли к себе?
Карие глаза ее
видал ли я во сне?
Что-то изменяется

в моей судьбе.
Или это все —
благодаря весне?
Очень беспокойно
и тревожно мне...

*

Он и она. Не самый лучший
и самый лучший всех времен
банальный случай, редкий случай,
единственный: она и он.
Оленья стада. Да, весна.
Чукчанка — чудо-тундровичка!
(Но это у нее привычка,
известный сельский врач она.)
Влюбленный парень — здесь чужак,
геолог-золотоискатель.
(Заметим для себя, читатель,
что в деле собственном — мастак.)
И нам доподлинно известно,
что с нетерпением — увы —
ждет белокурая невеста
его на берегах Невы.
Герои наши молодые
с любовью встретились впервые
(влюблялись, может, не впервой).
И с изумленья, с перепугу
так потянуло их друг к другу,
что...

Не качайте головой.
Известно — истина проста ведь:
любовь влюбленности — сестра.
Но разве можно сопоставить
огни пожара и костра?

Юноша

Что влекло его сюда?
Пресловутый ветер странствий.
Роковая красота
необъятного пространства.
Пуще этой красоты —
затяни потуже пояс —
воплощение мечты:

поиск, поиск, поиск, поиск.
 Есть намеченный маршрут,
 есть — привальная истома.
 Здесь — его нелегкий труд.
 Сердце —

остается дома.

Искупленьем всех потерь
 встреча впереди мерцала...
 Так он думал, а теперь
 думать так ему мешала
 неуверенность в себе:
 неожиданно и круто
 вдруг наметилось в судьбе
 отклоненье от маршрута.

Каа-ко!

Яранга — мамино жилье.
 Подумай, сколько лет
 она — убежище твое
 от всех невзгод и бед.
 Теперь ты сильная.
 Ты — врач.
 Однако приходи
 и вновь, как девочка,
 поплачь
 на маминой груди.
 Куда светлей твой дом в селе,
 хватает в нем тепла.
 Но навсегда зазвать к себе
 ты маму не смогла.
 Ей, старой, трудно кочевать.
 В яранге — не в раю.
 Но кто же будет врачевать
 печаль и боль
 твою?
 Заботы сморщили чело,
 и косы в серебре.
 Но никогда и ничего
 не скажет — о себе.

Мама

Мама...

Морщин твоих письма

горько читать.
 Безжалостной бритвою
 труд без конца —
 от зари до темна
 нежные пальцы
 укоротил твои.
 Едва появившись
 на белый свет,
 ты увидела
 белый снег
 тундры. Ярангу.
 А уж затем
 шкуры дубила,
 сучила жилы,
 ставила полог,
 шила рэтэм,
 шила одежды —
 шила,
 шила...
 Вы назовите, я знать хочу
 работу,
 что маме не по плечу!
 Мама...
 Строитель,
 няня,
 швея.
 Азбука жизни —
 мама моя.
 Мама в тундре —
 мудрый судья.
 Сама Справедливость —
 мама моя.
 Мама, ждущая
 нас, детей, —
 наша гордость.
 Кланяйтесь ей!
 Мама не знает,
 что значит
 сон,
 усталость
 и громкий
 стон.
 Глаза ее рады
 всегда тебе,

тебя согреют
в беде любой.
Мама —
единственная в судьбе
радость моя и боль...

Опять о маме
Ты гладишь меня
по голове слегка,
и, словно ветра весеннего
дуновение,
ласкает мне сердце
твоя рука —
твое невесомое
прикосновение.
Я приникаю к тебе,
как к земле.
Как мне тепло,
как уютно мне,
мама!
Я позабыть не боюсь
песню твою —
ей всегда я рада.
Так исторгает
китовый ус
звук из натянутого
яра.
Песня моя —
мои детские сны,
голос
пернатой моей весны.
Я ушибусь —
ты излечишь меня.
Я ошибусь —
ты поправишь меня.
Я упаду —
ты поднимешь меня, —
хватает на все
твоего огня.

Случай был
Ты хранишь
воспоминанья детства —

дедово бесценное наследство...
В стойбище
с утра — переполох:
человека
сбросила упряжка
в пропасть,
на камень.
— Как он плох!
До утра
не вытянет, бедняжка!
Весь изломан.
Голова в крови.
— Эй, девчонка,
деда позови!..

Дед сказал:
— Чего зазря глазеть,
охать
и бессмысленно гадеть.
Где — кусок рэтэма?
Где — холстина?
Ножницы?
Старуху позови.
А народ:
— Не выживет, вестимо.
Весь изломан.
Голова в крови...

Дед:
— Воды!
Помой его сначала.
Вот — рэтэм.
Держи. Обдай огнем.
А народ:
— О, как его помчало!
Неспроста...
Проклятие на нем!..
— Кто-то сглазил!..
— У, шаманье племя!..
— Порча!
— Зависть!
— Скверна!
— Ворожба!..

Дед вздохнул:
 — У левого оленя
 глаз пуглив.
 Ведь я предупреждал.
 Ладно. Хватит.
 Все мы виноваты.
 По домам.
 Останется лишь тот,
 кто потом
 потянет эти нарты,
 в стойбище
 больного отвезет.
 Старая,
     была ты бойче смолоду!
 Дай воды.
     Держи покрепче
 голову...

Кровь смывая,
 дед его бранил,
 по предплечьям
 колотил, как идола,
 на ногу больному
 наступил,
 чтобы боль
 от головы отхлынула.
 Обработав,
 к нартам привязал
 и вести в селенье
 наказал...
 Помни,
     исповедуй без жеманства
 деда молчаливое
     «шаманство».

Всю весну
     «шаманил»
                     мудрый дед.

Ты коренья
     в тундре собирала,
 чтобы рана
     лучше заживала, —
 никакого чуда в этом нет.
 Любопытных, сплетников —
                     долой,

пусть пока
     в неведение томятся.
 Все шаманство:
     тишина,
                     покой,
 молодое рубленое мясо.
 Бескорыстье.
     Доброе участие.
 И ни слова
     о былом несчастье.

Мудрость деда

Птенец, девчонка, непоседа,
 как быстро постигала ты
 неписаную
     мудрость деда,
 его науку доброты.
 В костре
 бессонно тлели угли.
 Ты не смыкала глаз всю ночь,
 стараясь захворавшей кукле
 в ее страданиях помочь.
 От этих, кукольных, страданий
 неукоснительно пролег
 суровый путь
     твоих скитаний
 маршрутом подлинных тревог.
 В ночных борениях со смертью,
 стараясь победить ее,
 ты научилась
     милосердью,
 нашла призвание свое.

Чукотка. Тундра.
     Бездорожье.

Здесь всюду —
     плачь или не плачь —
 твое значенье непреложно,
 ты — разъездной чукотский врач.
 Вновь напряженно,
     как распятый,
 спешит на вызов самолет.
 Наверно, потому Крылатой —

Рильнэв —
                   прозвал тебя народ...
 Но сердце у тебя — земное,
 без крыльев женщина слаба.
 Подстерегла Рильнэв весною
 голубоглазая судьба.
 Не это ли тебе
 туманно
 предсказывала как-то мама?..

Его дороги

Север притягательно неистов,
 пурги и сполохи — напоказ.
 Блажь авантюристов
 и туристов,
 кладовая сказочных богатств.
 Здесь немало было перемолото
 всяких неопознанных костей.
 Жерновами мрака или холода
 он встречал непрошенных гостей.
 И, не понимая их решительно,
 будто бы свалившихся с Луны,
 удивлялись коренные жители,
 наблюдали все со стороны.
 Никогда Чукотка не вникала
 в правила и суть
 чужой игры
 и над властью желтого металла
 хохотала.
 Впрочем, до поры.
 Просветили.
 Все теперь в порядке.
 И уже который год подряд
 в тундре
 и яранги, и палатки,
 как соседи добрые, стоят.
 Так спокойней: веские причины.
 Ведь в стадах до осени мужчины,
 и медведь горазд озоровать.
 Может ненароком спозаранку
 ради шутки
 сокрушить ярангу
 и рэтэм когтями разорвать.

Пусть и не со зла это — неважно.
 Страшно.

В то лето

Наметил перелом
 в моем рассказе
 очередной сеанс радиосвязи.
 Из тундры для Рильнэв
 радиограмма:
 «Не мешкай. Вылетай скорее. Ждем.
 Выделявать
 не может шкуры мама,
 ослабла,
 не справляется с шитьем.
 К тому же
 промочил мальчишка ноги —
 простуда, кашель.
 Захвати лекарство...»

О, земляков
 наивное лукавство,
 напоминанье
 о дочернем долге!..
 Мальчишка, видно,
 станет рыбаком.
 Не устает
 по заводам и плесам
 с утра пораньше
 шастать босиком, —
 есть от чего
 чихать и шмыгать носом!

Рильнэв примчалась.
 Выделала шкуры,
 скроила все,
 что мама не смогла.
 О принципах
 физической культуры
 с мальчишкою
 беседу провела.
 Итог профилактической беседы:
 подарок — кеды!

Все хорошо, и время мчится быстро.
 Давно, Рильнэв, ты дома не была!
 А женщин заедает любопытство:
 — Кто в тех палатках? Разузнать бы, а?

Но срок неведения недолог.
 Тревожный зов в эфире прозвучал:
 «Врача пришлите. Заболел геолог».
 И самолет опять Рильнэв умчал.
 Больного звали Виктор. Витя.
 Витек...

И было видно: ослабел, сдает.
 Негромко стонет, ничего не видит
 и никого вокруг не узнает.
 «Воды, — шептал он, —
 Нина, дай воды мне...», —
 в бреду зубами яростно скрипя.
 Рильнэв сказала:

— Ничего, подыдем.
 Домой поедешь. Нина ждет тебя.

Сказала. А подумала иначе:
 «Двойной абсцесс.
 Себе-то хоть не лги!»

Больного грела
 галькою горячей,
 распаренными листьями ольхи.
 По рации лекарство заказала,
 но вновь и вновь
 над тундрой нависала
 сырая мгла. Не жди благих вестей.
 Сплошной туман.

Нелетная погода.
 Опять решила испытать природа
 на верность и на мужество людей.
 Туман повсюду. Нервы на пределе.
 Туман в распадках и в долинах рек.
 В тумане —
 день за днем —
 прошли недели,
 и постепенно ожил человек.
 Рильнэв ночей бессонных не считала.

В борьбе со смертью победить сумев,
 осунулась,
 и на лице усталом
 одни глаза остались у Рильнэв.
 И вот он встал.

(Дрожащие колени,
 испарина. Но это пустяки.)
 Тогда по просьбе доктора
 оленя
 забили для больного пастухи.
 Развеялся туман, и потеплело.
 Однажды не во сне, а наяву
 ее он обнял, и она несмело
 на поцелуй

ответила ему.
 И вспомнилось влюбленным,
 как когда-то
 проталина дымилась,

горяча,
 на них глаза таращили зайчата,
 резвились олени у ручья.
 Им показалось, что весна вернулась,
 что солнце в небе покатилося
 вспять.

Все повторилось:
 и любовь, и юность,
 но единения не было опять.
 Еще не горе — но уже тоска.
 Разлука неизбежна и близка.

Будет день
 Уходили в тундру
 налегке —
 вяленое мясо
 в рюкзаке.

Шли, и незаметно за спиной
 завершило солнце путь дневной.
 Он сказал подруге:

— Не спеши.
 Ни огня в округе,
 ни души.
 В целом мире
 мы с тобой одни.

Стань моей, —
шептал он. — Не гони!..

Умоляла девушка:
— Постой...

Но дышали
силою мужской
и его объятья, и слова —
у Рильнэв кружилась голова...
Он просил:
— Любовью мы сильны.
Пусть сегодня сбудутся для нас
наши сны —
во имя той весны...
Но Рильнэв сказала:
— Не сейчас.
Будет день.
— Когда?
— Когда-нибудь.
Только не сейчас. Не обессудь.
Будет день любви,
а не тоски.
По-людски, а не по-воровски
поглядим в глаза
друг другу мы. —
Усмехнулась, сдерживая гнев,
и исчезла
под покровом тьмы
нежная и гордая Рильнэв.

Эх, как тяжело
Все честно, Виктор,
все всерьез.
Как сон, растаяла она.
А ты, свалившись под откос,
очнулся
от дурного сна.
Теперь уже не сон, а явь.
Не обойдешься без потерь.
Отчетливо себе представь,
реши, куда пойдешь теперь.
К той,
что, страдая и любя,

не гасит свет
в своем окне
и беззаветно ждет тебя
на Петроградской стороне?
Чем ты обрадуешь ее,
какую принесешь ей весть?
Что сердце бедное твое
наверняка осталось здесь?
Что та,
которая ушла
по темной тундровой тропе,
его с собою унесла
и бессердечен ты теперь?
Среди болот и мертвых скал
ты в стороне от суеты
годами
золото искал.
Что же нашел в итоге ты?
Как просто было все весной:
влюбленность,
хоровод берез...
Жизнь
только кажется игрой,
а совершается
всерьез.
Ей надо испытать людей
и на изгиб
и на излом...
Сказала Рина:
— Будет день.
А ты спешил.
И поделом.

Всю зиму
Всюду ждут Рильнэв —
работы много,
неотложных дел — невпроворот.
Ветры одиночества и долга
подгоняли быстрый самолет.
Как всегда, работала на совесть.
Как всегда, была на высоте.
Ожидание — та же невесомость —
привыкает сердце к пустоте.

Долгая зима прошла в тревоге.
Только тем зима и хороша,
что она кончается в итоге,
что весну предчувствует душа.
И пришла весна,

но посмотрите:
вновь Рильнэв одна.

А в сердце —
Витек.

Встреча

Рильнэв,
как никогда, устала,
но надо было устоять.
В яранге
тяжело рожала
чукчанка —

молодая мать.
Плод был велик
и шел не просто.
Но мучалась она не зря.
Хрупка,

как девочка-подросток,
а родила — богатыря!
Трудны и долги были роды.
В больницу надо бы.

Но вот
на перекрестках непогоды
вновь
заблудился вертолет.
Рильнэв
от страха побледнела.
Ждать помощи —
напрасный труд.

Да, многое она умела,
и совершенству
нет предела.

Но — делать кесарево? Тут?
Все обошлось.

Рассвет над сопкой.
Рильнэв вздохнула наконец.
Мальчишку шлепнула по попке:
— Горластый парень.

Молодец!

И, видно по всему, не нытик,
орет солидно...

Решено,
пусть будет ему имя Витек,
мне очень нравится оно!
— Конечно, —

мать вздохнула рядом,
и был счастливым

этот вздох. —
Хотят назвать его Крылатым,
но пусть — Витьын,
Живучий Мох...
Как никогда, Рильнэв устала,
впервые так —

за целый год.
Она спала и не гадала,
что приземлится самолет,
что вот из самолета выйдет
Виктор.

Витьын.
Ее Витек.

В пологе

В пологе сегодня все мы:
молодая мать — Ыммэмы.
Сонный Апеле — рыбак.
Все и даже пять собак.

В и т е к :
— Рильнэв!
Я ведь возвратился —
твой Витьын,
проснись на миг!

Р и л ь н э в (в о сн е):
— Ты смотри,
едва родился,
а уже такой шутник.

В и т е к :
— Я тебе
не нужен, видно.
Или ты, Рильнэв,
в бреду?

Р и л ь н э в (н е о т к р ы в а я г л а з):
— Хватит шуток.
Как обидно —

ты не тот,
кого я жду.
В и т е к (тормошит ее):
— Пробудись,
открой
ресницы!..
Р и л ь н э в (приподнимаясь):
— Ох, ступени сна круты...
Боже, боже,
что мне снится?
Это — я?
А это — ты?
В и т е к:
— День настал — я возвратился,
так смени на милость гнев.
Я спешил, я торопился —
я люблю тебя, Рильнэв.
И теперь сказать я смею,
что отныне навсегда
тундра,
что была твоею,
Рина,
стала нашей...
Р и л ь н э в:
— Да!
Весною
Только птички-тундровички
пробудились —
сразу в крик:
— Тип-тип-тип-ув-вик!
И в припадке
куропатки
закудахтали напев:
— Кэп-кэп-кэп-э-эв!
В перелете на болоте
откликается кулик:
— Ту-ту-тук-улик!
Олененок, как ребенок, —
слезы льются через край:
— Мама,
ав-ав-ыммэкай!
Молоком кормить не ленится
сына глупого олениха,
стонет, голову задрал:

— Хорошо,
ав-ав-ййкаай-ав!
Солнце в сговоре со снегом:
колет нам глаза со смехом
миллионами иголок —
поскорее прячься в полог!
Пастухам нигде не спрятаться,
за стадами солнце катится.
Ох, несчастные глаза мои —
наказание!..

Песня Рильнэв и Витека

То ли вьюги сухая щепотка,
то ли ранней весны благодать, —
ты всегда к своим детям, Чукотка,
и добра, и сурова, как мать.
Здесь испили мы полною чашей
все хмельные напитки твои:
испытание верности нашей,
испытание нашей любви.
Как приливы твои и отливы,
как заря золотая твоя,
и горды мы, и неторопливы,
твои дочери и сыновья.
Не отыщешь
верней и надежней
нашей разноплеменной
семьи.
Это — братства
закон непреложный
у пределов Российской земли.

О чем поет земля

Имеющий глаза
увидит суть.
Свободным должен быть
дыхание имущий.
Незабываем
указавший путь,
велик и славен
впереди идущий.
На свете счастья
всем должно хватить,
но, поколений будущих во имя,

я подлецов
                         готова проглотить
 бессчетными провалами своими.
 Ты, человек, —
                         творец своей судьбы.
 Стремись вперед,
                         не думай о ненужном.
 Дарую:
                         смелость —
   жаждущим борьбы,
 любовь —
                         влюбленным
   и единство —
   дружным.
 Как счастье —
                         без упреков и границ —
 героям этих памятных страниц.

От меня

Благодарю
 за радость и за счастье,
 за дружескую встречу
 и участие
 в судьбе моих героев.
 Говорю:
 спасибо
 за сомненья и ошибки,
 за ваши неподдельные улыбки —
 благодарю.
 За нежный взгляд любимого —
 спасибо,
 за то, что ты, земля моя,
 красива,
 спасибо
 маю или январю,
 что есть в любви
 в любое время года
 хорошая погода, непогода —
 благодарю.
 Спасибо трижды,
 что тебе и мне
 не только жить случилось
 на земле,
 но видеть звезды
 и встречать зарю, —
 благодарю. Благодарю. Благодарю.

Под крылом моей яранги

ЗА ЯРАНГОЮ, ВО МХАХ

Война к Чукотке не дошла.
 Бойцы врагов остановили.
 Но похоронки в женщин били,
 и стала мать
 как снег бела.
 Отец и братья,
 где ваш след,
 не торбазов —

сапог солдатских?..

Молчат надгробья кладбищ братских
 не год, не десять — сорок лет.
 И будят память нашу сны,
 короткие свиданья с вами.
 Тревожно мне, и больно маме —
 мы слышим голоса войны.
 И пламя жирника ведет
 к огарку в сумраке землянки.
 И топот стада
 гулом танков
 ночами стойбище трясет.
 ...А за ярангою, во мхах,
 где воздух ягодой пропах
 и по косе трава тоскует,
 пастух
 в мальчишеской отваге,
 припав,
 как в зной к прохладной влаге,
 впервые
 дочь мою целует.

ПЕЧАЛЬНЕЕ НЕ ВЕДАЛА
Я ДНЕЙ

Земля моя
 тоскует без меня,
 зовет,
 и сердце зову отвечает.
 Земля моих детей не замечает,
 а я без них
 как жирник без огня.

Тянусь одной рукой
 к родным снегам.

Другой —
 своих дочурок обнимаю.
 Порой сама себя не понимаю,
 живу,
 как не желаю и врагам.

Смотрю на растворенное окно:
 пичугам зерна в клетке надоели,
 окно открыла — птицы улетели,
 мне полететь за ними не дано.

Печальнее не ведала я дней,
 бесплоднее и горше
 не жила я.
 И если до сих пор еще жива я,
 спасибо детям —
 с ними я сильней.

Пойми меня,
 Земля моя,
 как мать.
 Не сетуй,
 что сейчас я не с тобою.
 И без того наказана судьбою —
 домашней птице
 вольною не стать.

И КАЖЕТСЯ,
ДЫХАНЬЕ РЯДОМ

Глупее не придумать,
 чем вдали
 от близких
 неразумно тратить сердце,
 тревожить их
 посулами в конверте,
 печалась на другом конце земли,
 и знать, что ждут
 и выбежать готовы
 за двери,

ЛЮБВИ МОЕЙ ИСТОК

Анадырь мой,
любовь моя и боль,
дай помолчать,
единственный, с тобой,
откройся мне,
прими наш самолет...
— Туман, сплошной туман, —
сказал пилот.

Анадырь мой,
виновна ли и в чем?..
Ты был мне колыбелью
и плечом.
Я — дочерью.
Прими — и погрустим.
Пилот вздохнул:
— В другой раз залетим...

Анадырь мой, ты плачешь?
Снег с дождем...
Не хочешь отвечать?
Мы подождем.

Анадырь мой,
любви моей исток
и материнской радости росток,
устал кружить в тумане самолет...
— Садимся, — улыбнулся мне пилот.

Анадырь мой...

ПЕСНЮ НЕ ПРИВОРОЖИЛА

Как я долго в поисках кружила,
исходила тундру и тайгу,
у костров спала я и в стогу —
что же о геологах сложила?..
Как я долго в поисках кружила,
сколько рек, озер переплыла,

где с блокнотом только не была,
а вот песню не приворожила.
На оленях,

в лодках

и пешком,

большаком
и по звериным тропам
из Восточной Азии
в Европу и обратно в сопки
с вещмешком.

Как я долго в поисках кружила,
пурговала сутками в снегах,
снег остался в черных волосах —
ходакам я песню не сложила.
Зря, выходит, в поисках кружила,
капусные² брюки истрепав.

В РАЗНОПЛЕМЕННОМ ГУЛЕ ГОЛОСОВ

Как мне,

земляк,

тоска твоя понятна

по очагу домашнему,
вдали...

Мельканье лиц чужих
тысячекратно.

В глазах рябит —
и вдруг сквозь эти пятна
знакомое лицо,
как весть земли.

В разноплеменном гуле голосов
родное слово тронет слух,
и — больно.
На ягель —
продолженье грустных снов —
наткнешься в глубине густых лесов —
о летней тундре загрузишь невольно.

И ловишь шелест дальних ветерков,
разлукой с отчим домом опечален.

²Капусные — из шкурок, снятых с ног оленя.

Привет тебе с чукотских берегов
от нас,
от первых майских стебельков,
проклюнувшихся к солнышку проталин.

Журчит в камнях упрямая река,
прокладывая к морю путь годами...
Тоска твоя
понятна и близка,
мы встретимся,
мой друг,
наверняка,
но грустно мне,
что ты сейчас не с нами...

ЗЕМЛЯКУ

I

Ты устал в дыму и грохоте —
горизонт закрыли стены.

Ты устал делиться походя
с первым встречным — сокровенным.

Ты устал носить фабричные,
очень маркие одежды.

Ты устал рвать рахитичные
стебельки в камнях с надеждой...

Ты устал в изнеможении
петь вполголоса тоскливо.

Ты устал жить без движения
в блочном доме терпеливо.

Ты устал в угарной темени
слушать гуд железной птицы.

Ты устал бежать за временем
по бетонным половицам.

II

Отдохну
и чистым воздухом
в тундре легкие наполню.

Отдохну —
с пастушьим посохом
в тишину тропинку вспомню.

Отдохну —
пусть радость светится,
дам свободу всем желаньям.

Отдохну —
всему, что встретится,
дам чукотские названья.

Отдохну —
одежду мягкую
из оленьих шкур надену.

Отдохну —
и не украдкою
запою проникновенно.

В СТРАНУ СВОИХ СНОВ

Ты устал пурговать,
ты устал
и тропу уступил молодым.
— Все, что надо,
я сделал, — сказал, —
сделал все,
став до срока седым.
Пусть торит след в снегах молодежь. —
Надоели тебе холода.
Ты уехал.
И писем не ждешь.
И решил:
не вернусь никогда.
И зачем?!

Сердце ровно стучит.
 Отдыхают от снега глаза.
 Ты забыл, что такое врачи.
 Все забыл.
 И не тянет назад.
 Новый дом.
 Новый друг.
 И жена

лучше
 прежней,
 моложе,
 нежней...

Но жена твоя напряжена —
 не ее окликаешь во сне.
 Не ее,

не друзей
 и не сад,
 оплетающий новый твой дом.
 Хмелем сыт —
 а похмелью не рад.
 Остро тянет арктическим льдом...

День на сборы —
 и снег под крылом.

За лиманом поземка дымит.
 В настоящем ты
 или в былом?..
 Слез не прячешь,
 и в горле саднит.
 Все встречают?
 Встречают не все:
 чукотчанка уже не придет.
 Ты на взлетной стоишь полосе,
 тот же самый
 и все же не тот...
 Дети выросли.
 Дети поймут.
 Ты вернулся.
 Ты жил здесь всегда.
 В каждом доме друзья тебя ждут.
 А с друзьями беда не беда.
 Здесь ты юношей встретил любовь.
 Здесь ты братства законы постиг.

Ты вернулся в страну своих снов.
 Слез не прячешь
 и шепчешь:
 прости...
 Ладно,
 мало ли кто виноват,
 все бывает —
 земля нас простит.
 И оленя упряжного взгляд
 понимающе в сопки косит...

НЕ ВЫНОШУ ГОВОРЛИВЫХ

Дочь молчаливых людей,
 не выношу говорливых,
 праздных,
 велеречивых
 глашатаев псевдоидей.
 Дел у нас не впроворот.
 Жизнь наша не удлинилась.
 Должна ли,
 скажите на милость,
 бездельничать,
 глядя им в рот;
 грустить
 под начальственный бред
 в тревожно-торжественной дреме
 о детях,
 о муже,
 о доме:
 успеть бы приготовить обед.
 Ни мысли за день, ни строки,
 ни зла, наконец, для пародий
 на тех,
 чьи, пропеллеров вроде,
 над нами жужжат языки.
 Рекой словоблудье течет.
 Иссякнет ли к вечеру,
 боже,
 не волк вдохновенье,

а все же
сбежит
и уже не придет.

Встаю.
Шепчут: не уходи!..
Испуг на проснувшихся лицах.
Но знаю ведь,
что ни один
моей не допишет страницы.
Оратор таращится вслед
глазами вареного краба.
Я хлопаю дверью в ответ
и думаю:
хлопнула слабо...

* * *

Что б я ни сделала —
с плохим
люди тут же окрестит.
И в том, что нет моей вины,
вины мне не простит.
Не то я делаю,
не так,
не с тем
и не о том;
что ни скажу,
что ни начну —
виновна я кругом.
И мысль не та. И слог не тот.
И жест.

И вздох.

И взгляд.

А я хочу, чтоб человек
был человеку рад.
Вам грустно —
молча поддержу,
деля и хмурь,
и хмарь.

В пути отстали —
подожду,
отдав последнюю еду,
будь раб ты
или царь.

Но кто-то ропщет:
в горле кость —
им мой порыв к добру...

Так, может, равнодушие вам
придется по нутру.

ЧУДИТ ЧУКОТСКАЯ ДОРОГА

Зарядили ливни,
как назло.
Небо и земля объединились.
Ветры,
мне такие и не снились,
с вздутыми ручьями породнились.
Комары и оводы взбесились.
Транспорт захромал.
Мы с курса сбились.
Надо же,
чтоб так не повезло.
А до места, видимо, немного,
чуть бы поутихло —
добрались.

Но чудит чукотская дорога,
что ни километр,
то сюрприз...

НА СТОЯНКЕ

Гремит железная коробка,
побитый жизнью вездеход.
В коробке тряской
неторопко
то руслом брошенным,
то сопкой,
где обогнувшей сопку тропкой
бригада движется вперед.
...Когда устанешь —
раздраженью

достаточно и пустяка.

Встал транспорт. Встав, он стал мишенью.

Ворчим,
но сдержанно пока:
бездарно, мол, теряем время,
не помощь техника,
а бремя...
Шум на стоянке:
звон,
треск,
лязг...
— Кто спички взял?!
— Где ключ?..
— А чайник?.. —
И каждый вроде бы начальник...
Уйду-ка потихоньку с глаз...

Среди мужчин я,
как обычно,
одна являю женский род.
Мое присутствие привычно
излиться гневу не даст —
дам отдохнуть мужским нервишкам,
пусть поостынут без меня,
а я грибы,
а я дровишки
пособираю для огня.

Прав был,
вздыхнув у колыбели,
отец:
ждал сына —
бог дал дочь.

В его извечном
трудном деле
могла ли я ему помочь?

Щедра июльская погода —
пригорки ягодой полны.
Я слушаю,
присев у брода,
как речка точит валуны.
Беру сушняк.
Рву пыльный кёнут³.
Тянусь к пробившимся грибам.

А за спиною
постепенно
стихает,
выдыхаясь,
гам...

И я,
невольно окликая
своих попутчиков,
дивлюсь:
куда исчезла спесь мужская,
друг друга чуть ли не толкая,
бегут ко мне...
— Ну и, — смеюсь, —
соскучились?..
— Еще бы... — вторят, —
мы без тебя — моржи без моря,
и днем,
а словно бы впотьмах,
забыли обо всех делах —
не уходи... —
Сажусь к костру.
Чаек из рук мужских беру.
И думаю:
неправ со «вздохом»
отец —
быть женщиной неплохо!..

* * *

Дорогой мой, единственный,
здравствуй,
день мой долгий
и белая ночь...
Не вчера — жаль,
но все же не завтра
ты пришел ожиданью помочь.
Ты пришел
и нашел первый иней
в черных некогда прядях волос —
годы не посчитались и с ними,
видишь,
сколько мне ждать довелось...

³Кёнут — ползучее растение, употребляемое для растопки.

и танго,
крыльями взмахнув,
легко взлетело над землей.

И я, как танго, невесом,
тебя коснувшись,
прошептал:
— Пойдем со мною танцевать... —
И ты кивнула мне в ответ.

Чуть носом носика коснусь,
и сердце — камнем в пустоту.
А танго грустное звучит.
И молча курят старики.
Наступит день, и мы взгрустнем,
следа за танцем молодых...

ОТЪЕЗДИЛАСЬ НАРТА

У речки,
                    летящей с вершинных камней,
подернутых радужной пылью,
собачки на взгорке рванули сильнее,
и, хрустнув,
                    вильнули копыля...

Отъездилась нарта.

И тот,
                    кто спешил,
с тоской на каюра воззрился,
а нам остановка —
бальзам для души,
и рады побыть оба рядом
в тиши,
коль случай такой приключился.

Лишь тот,
кто, как в тундре,
неспешно живет,
себя не измучит
и дальше уйдет...

ЛЕТО С ПРИВКУСОМ ЗИМЫ

Стал

                    как вкопанный
наш вездеход —
что-то в нем,
как всегда,
не в порядке.
На ночлег запросился...

Ну вот,

                    повод есть скоротать ночь в палатке.

Мы поставили ситцевый дом,
безоглядно доверясь природе.
Наконец-то забудем о том,
как глазели на нас в вездеходе...
Кто — растерянно-грустно,
кто — зло...

Чем попутчикам мы досадили?..
Нет, а все-таки как повезло,
что палатку с собой захватили.
Застегни полотно изнутри.
Льется свет сквозь зеленую крышу.
Ничегошеньки не говори —
слышишь?..
— Слышу...

Ты, целуясь, продрог,
все тепло
перешло в мое сердце...
И летом

                    здесь не юг —
вон в горах как бело,
Экней⁵ в малахее с рассвета.
Бух-бух-бух...
Так трещит в море лед.
Сердце бухает —
выстрелам впору.
Кто любил,
несомненно поймет
диалог,

⁵ Экней — название горы.

полный милого вздора.
Мы мешаем друг другу,
и мы
неразрывно едины при этом,
в тундре
с привкусом близкой зимы
в каждом вдохе
и выдохе лета...

* * *

И куда это годится,
на кого решил ворчать, даже
если эти «птицы»⁶
злы —

учись не замечать.
Может, комарам охота
целовать тебя,
как мне...
Злюк гонять —
моя забота.
Не сердись,
хотя б во сне.
До рассвета,
как над сыном,
буду взмахивать рукой,
эскадрильи комариные
не нарушат твой покой.

В МЕЛОДИЮ СПЛЕТАЯ ЗВУКИ

Все суетное —
за спиной.
Неспешное —
перед глазами.
Они опять полны слезами —
что музыка творит со мной!..
Что музыка творит с тобой —
словами выразишь едва ли.
Как долго остров мы искали,
недолгой связаны судьбой.

Моя душа чиста,
как снег.
Скажи «люблю» —
и я отвечу.
Кружи меня,
обняв за плечи,
танцуй,
любимый человек.

Что б нас ни ждало впереди —
два сердца музыка связала.
Я здесь «люблю» тебе сказала,
припав доверчиво к груди.

Поземкой замело следы,
взлетел ответ,
и над проливом,
нейтральной полосой воды —
«люблю»

аукнулось счастливо.

Одни на острове,
одни,
одни над островом разлуки
в мелодию сплетаем звуки,
в часы — минуты,
в годы — дни...

НА ЛЕДЯНОЙ ОБОЧИНЕ ПЛАНЕТЫ

Натружено рокошет вездеход
на ледяной обочине планеты.
Мне кажется, не день прошел,
а год...

Любимый мой,
единственный,
ну где ты?..

Кому сейчас растерянно внимаешь,
на чьем плече
и что припоминаешь...
Прости,
сама не знаю, что со мной, —
устала я:

⁶ В чукотском поселке Майныпильгино комаров называют птицами.

домой,
 домой,
 домой!
 Кочкарник мнет промерзший вездеход.
 «Дымят» сугробы —
 скверная примета.
 Назад идем?
 Нет, кажется, вперед.

Любимый мой,
 единственный,
 ну где ты?..

Метет.
 И траки стальные гремят.
 И до поселка дальше, чем до лета.
 И я твержу который раз подряд:

любимый мой,
 единственный,
 ну где ты?..

* * *

До чего же тоскую о доме,
 где б усталость я сбросить могла.
 Ничего,
 вдохновения кроме,
 в путь-дорогу с собой не взяла.
 И зачем?

Мне глаза твои светят.
 Сердце в лад с моим сердцем стучит.
 Без тебя что мне делать на свете,
 без звезды путевой в ночи...
 Тело сковано болью.
 Дорога

не ведет,
 а разводит.
 Молю
 бога пеших,
 пастушьего бога.
 «Что стряслось?» —
 вопрошает он строго.

Отвечаю глазами:
 люблю...
 Только из дому вышла —
 и к дому —
 рвусь,
 заботам земным вопреки.
 Никогда не прибьюсь я к другому
 и в чужом не сложу ни строки.
 Рвусь к тебе,
 подарившему радость
 материнства,
 любви...
 Рвусь к тебе,
 к солнцу в горькой сиротской судьбе,
 припаду —
 никого мне не надо,
 вдохновенье мое
 и награда.

ДАВНО ПРОГОРЕЛ КОСТЕРОК

Время не вышло —
 до срока завяли цветы.
 Застыло сердце —
 цветы полегли,
 как трава.
 Небо оплакало нашу любовь
 и мечты.
 Ветер улыбку мою разменял
 на слова.

Грустно читать —
 в них начало дождей
 и разлук.
 Сумрак в яранге.
 Давно прогорел костерок.
 Днем улетел
 мой единственный друг.
 С вербы
 улыбку сорвало мою,
 как листок...

ГАСНЕТ КОРОТКИЙ ДЕНЬ

Вот и гора дождалась,
рада — белым-бела.
Сколько я зим ждала,
сколько еще осталось...

Холодно жить одной.
Даль занавесил снег.

Гаснет короткий день.
Тонет в снегу село.
Тропку совсем замело.
Где ты,
                    любимый,
                                    где?..

ВСПОМИНАЮ ПТИЧИЙ ЗОВ

Мы вспугивали разных птиц,
идя без тропок
по кустам,
но эта врезалась мне в память
тем, что упрямо нас ждала.
С куста на куст перелетая,
она кого-то окликала,
звала,
тоскливо озираясь,
с надеждой всматриваясь в нас.
Топорща перья,
                                    поднимаясь
  над тундрой,
куропач
                                    срывался
  и, перепархивая,
  квохтал
почти у самых наших ног.
Пропала серая подружка,
с другим, наверно, улетела...

Но куропач,
не унимаясь,
не веря,
продолжал взывать.
Мы слышали и понимали,
что птица,
                                    жалуясь,
  страдает,
но это нас не волновало —
мы были заняты собой.
Не только в горе,
но и в счастье
нет в сердце места состраданью,
настолько чувством переполнен
своим
порой любой из нас.
Мы шли.
Вспугнули в тундре птицу.
Прошли,
скользнув по ней глазами.
Но почему,
                                    когда мне плохо,
я вспоминаю птичий зов?..

В ГЛАЗАХ ОТРАЗИТЬСЯ РАСКОСЫХ

Ты можешь смеяться,
но хочется мне
прижаться к тебе
носом к носу
и, губы целуя,
уже не во сне
в глазах отразиться раскосых.
Две ветви
гудящего соком ствола...
Два клейких листочка...
Две птицы...
В заморские страны
тебя б позвала,
но птицами надо родиться...

Никогда не говори,
что я — дурнушка.
Даже в шутку не бросай мне:
ты не та...
Вспомни,
кто еще недавно мне на ушко
славословил?..
Сбила взгляд твой
суета.

Если я другой предстала,
 это значит,
 ты душою постарел
 в тенетах лет
 или сердце охладело,
 не иначе —
 в нем и отклика моим признаниям нет.
 Или есть?..
 Любовь и жалость затая,
 докричусь ли до тебя,
 что я — твоя,
 что все та же,
 как в тот первый день,
 когда
 в тундре встретились,
 казалось, навсегда...

Я ТЕБЯ НЕ ВИЖУ

К волнению твоему я равнодушна
 и к радости твоей уже глуха,
 сижу я, безучастна и тиха,
 и чувствую,
 как грустно мне
 и скучно...
 Как будто долгих не было дорог,
 несмелых поцелуев над проливом...
 Как ты тогда боялся стать счастливым —
 сейчас без моего тепла продрог.
 Истосковался?!
 Бог ты мой,
 и я
 жила,
     быть может,
         только этой встречей,
 а встретились —
     и мне ответить нечем,
 давно перегорела страсть моя.
 Другой вошел в мои раздумья властно,
 и для тебя в них больше места нет.
 Не выбегай на перекресток лет,
 не торопись навстречу —

все напрасно.

Трусливого —
     простить еще могу.
 Любить,
     как ни проси меня,
 не в силах.
 Притворство с детских лет невыносимо.
 Жить с нелюбимым
 пожелай врагу.
 Не провожай,
     пожалуйста,
 пойми же:
 бежишь ко мне —
 а я тебя не вижу...

НЕ СПАСАЙ ИХ, ПУСКАЙ ДОГОРЯТ

Строки писем моих —
 размышлений ночных позывные,
 буквы из-под пера,
 разбегаясь,
 не строились в ряд...
 Ты сожги мои письма.
 Теперь не нужны нам связанные.
 Брось в огонь —
 не спасай их,
 пускай догорят.

Строки писем моих —
 жгучих слез непросохшие русла.
 Ненароком прольешь —
 затоскуешь,
 заплачешь, родной...
 И куда бы ты ни был
 делами житейскими услан,
 не бери их с собой,
 а поэтому брось их в огонь голубой.

Сердцу верь —
     не словам.

Письма лишь отголосок страдания.
 Разве ими заменишь
 молчанье тоскующих рук?..
 Сердце нам сохранило
 и первую робость свиданья,
 и растерянность встречи,
 замкнувшей любви нашей круг...

* * *

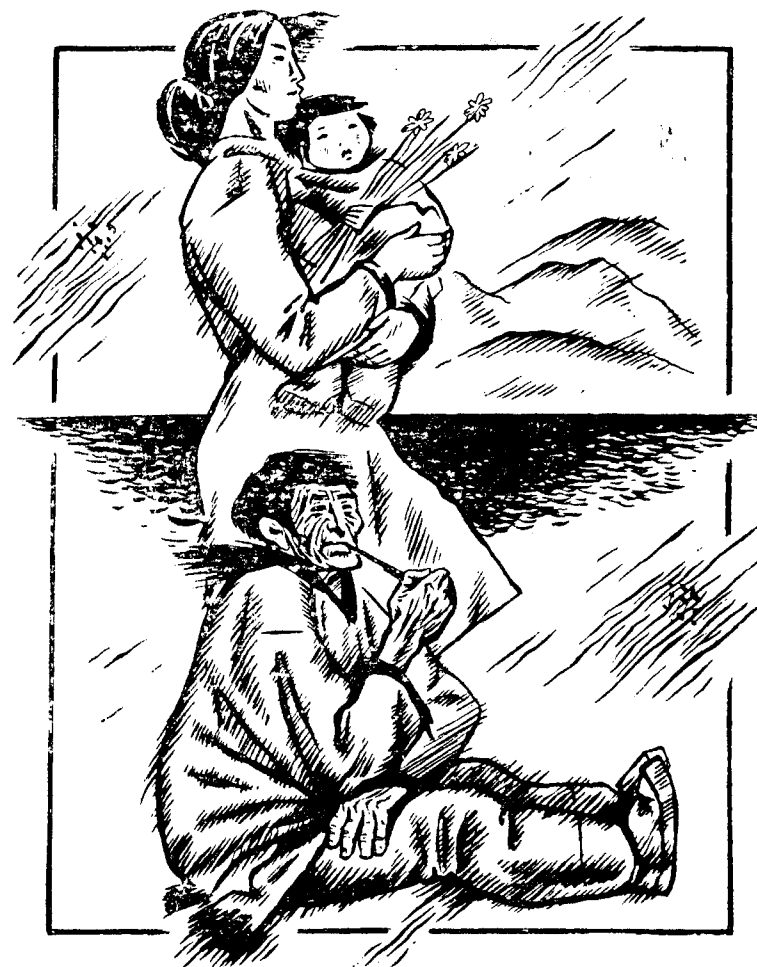
Не белый лист,
 исписанный неровно, —
 душа моя лежит перед тобой
 и каждой строчкой-жилкой
 полнокровно
 поет о том,
 кто стал ее судьбой.

Не торопись
 и в мельтешенье буден
 не прогляди,
 мой друг,
 судьбы своей.
 Наш каждый шаг
 грядущему подсуден.
 Стремясь к добру,
 в дороге зла не сей.

Самодовольство
 слабостью чревато.
 Открой мне в письмах правду,
 я стерплю.
 Ведь если я хоть в чем-то виновата,
 так только в том,
 что я тебя люблю.

Обрежу прядь
 ножом,
 как в горе вдовы.
 Сожмусь в комок —
 и угол мне велик.
 Швырну в огонь цветастые обновы
 и дверь — на крюк,

чтоб пришлый не возник.
 Не белый лист,
 исписанный неровно —
 душа моя лежит перед тобой,
 не ведая
 в томлении греховном
 о том,
 что
     предначертано
                     судьбой.

Bcmperu

СЛУШАЯ МУЗЫКУ

«БОЛЕРО» РАВЕЛЯ

1

Ничего от танца, от балета.
Голос из далекой мне страны —
как выздоровление от болезни,
как зимою —

птица из весны.

Музыка, ты вновь меня заставишь
позабыть

про стужу всех утрат.

Снова воздух нежен и ласкающ,
точно ворс двухдневных оленят.
Небо

голубикой свежей пахнет.

В сердце — волны света и любви,
и восход — как вход,

и он распахнут

перед зверем,

птицами,

людьми.

2

Солнце светит напропалую,
реки вот-вот вскипятит до дна.
Встречу тебя — сама расцелую.
Юность одна и любовь — одна.
Мне бы птицей оборотиться.
Рядом с тобой, крылатым тоже,
ринуться через моря и границы,
может быть, в Африку чернокожую.
Эй, принимайте нас, африканцы,
черные тропики — белую вьюгу,
в бешеном ритме, в неистовом танце
как поглядим мы в глаза друг другу!
В море ль умчит нас быстрая лодка,
в небо взовьемся ли, снова крылаты, —
вместе с любимым потеря — находка,
а без него и находка — утрата.
Хоть в преисподнюю, хоть на Эльбрус —

вместе,

взмахнув молодыми крылами...

Счастье, полет, озарение, грусть,
музыка, что же ты делаешь с нами?..

Но

весь полет этот сказочный мой —
только разбег, признаюсь вам и каюсь,
чтобы рвануться всем сердцем домой,
чтобы к Чукотке спешить, задыхаясь.

3

Нет же, «Болеро» — не танец.

Эта музыка — дорога.

Она может показаться бесконечной,
она может показаться повторяющейся,
наконец, монотонной.

Но для меня в ней, в этой музыке,

каждый повтор —

поворот

И начало нового. Как в тундре.

Я ехала семь дней и почти не спала.

Боялась пропустить что-нибудь.

Поворот и снова холмы. Те же? — Нет, новые.

И плавные линии, такие же, как прежде,

хотя — присмотритесь! — иные,

линии, спокойствием своим врачующие душу.

Чернеет сбоку стадо оленей,

вчера мы видели такое же...

Нет-нет, вовсе другое.

Однажды впереди открылся мираж,

и он был прекрасен. Эти стихи — повторы «Болеро»,
возвращения и превращения дороги.

Иногда — это остановка в пути,
как сейчас.

4

Чукотка. Здесь мне крылья не нужны.

Мою Чукотку я пройду пешком.

И рушится на душу сплошняком
сознание счастья, гордости, вины.

Да, и вины. До смерти мне

сполна

тебе свой долг дочерний не отдать,

Чукотка, моя ласковая мать,
дарящая нам жизнь и имена...

Костер на берегу.
Костер — в реке.
И тени все длиннее и темней.
И слышно: бьется хариус в реке.
И льются песни, сказы давних дней.
Волна луну, как лодочку, качнет,
Тынагыргын таинственно начнет...

Сказ Тынагыргына

Подвигайтесь поближе... Садитесь тесней...
(Вещий голос, глубокий, как голос веков.)

Б ы л о т а к:

Все болезни и беды людей —
от жуков. Ну, вы знаете черных жуков.

Жили на свете муж и жена.
Дети их.
Наступила весна.

К летней стоянке они спешили.
А дети вдруг захотели пить.
Хнычут: «Води-и-чки!»

Ну, как тут быть?

Длинный аргиш они остановили.
К озеру мать спешит за водой.
Ветер навстречу, он пахнет бедой.
Вот полынья.

Возле — женщина-жук.

Черная, черная женщина-жук.
Вот завертела она головой.
Вот зажуужала: «Ж-жуть. ж-жуть,
ж-жуть, как мне нравится кэркэр твой.
Женщина, дай мне примерить его.
Не пож-жалей, я ведь ж-женщи-на-жук,
я тебе свой наряд покаж-жу,
дай ж-же скорей, иль боишься чего?»

Та отвечает: «Нет, женщина-жук,
я уж потом твой наряд разгляжу.
Дети расплакались, просят воды.
Я так спешу! Не мешай, отойди!»

«Сж-жался ж-же! — молит женщина-жук,
черная, даже чернее тьмы, —
платьем на миг обменяемся мы,
я не останусь в долгу, награж-жу!»

Видит жена — не отстанет жук.
Что же ей делать? Ведь дети ждут!
Кэркэр сняла и надела пока
жесткую оболочку жука.

Женский наряд надевает жук,
миг — и швыряет жену под лед,
чайник с водою хватает вдруг,
в женской одежде к аргишу идет.

Видит муж: подошла жена.
Молча детей напоила она
и — не воды ли набравши в рот? —
молча аргиш направляет вперед.

«Как она долго ярангу ставит! —
думает на стоянке муж. —
Речи ее словно глуше стали.
Вот ведь почудится, право, чушь:
словно бы слышу жужжанье жука.
И на душе отчего-то тоска...»

День ото дня в нем тревога заметней.
Да и у всех точно ubyло сил.
Люди не знали болезней и смерти, —
вдруг умирает любимый сын...

Б ы л о т а к:

Кочевали долго.
Все измотались, валились с ног,
и, как ярангу поставили только,
люди попадали, кто где смог.

Только муж тосковал, не спал.
Вот он над спящей женою встал
и наклонился поближе к ней.
Ужас застыл в глубине зрачков.
Что же он видит?

Ее детей:
черных, черных, черных жуков!

В теле от страха — мороз и зной.
Шепчет: «Так вот оно, чья ты мать!
Мне никогда теперь не узнать,
что с настоящей моей женой!»

Так он подумал.

А сделал так:
он подбросил в костер сушняка,
крикнув:
«Сгинь, мой проклятый враг!» —
бросил с размаху в костер жука!

Но жук оказался живуч, на беду,
и прежде чем в пламени жарком сгореть,
он напрогночил войну и вражду,
бедность, страданья, болезни, смерть.

В сказки давно уж не верят люди,
и знают их несколько стариков.
Но... вы заметили, как не любят
у нас этих самых черных жуков?

5

Симфонической музыки чукчи в прошлом
не знали,

А если б не это —
я думаю, тундра, просторы ее,
песни ее и сказанья в музыку перелились бы
подобно той, о которой пишу.
Я думаю

о таинственном, странном родстве
стран и народов, великих и малых,
порой друг о друге не слышавших даже...
И снова мелодии поворот,
возврат незнакомо-знакомому ритма,
и это уже о любви, возносящей людей
над скорбью и страхом,
над случаем и смертью.

Послушайте...

6

Ты — черноглазая, сияющая ликом,
с тяжелым грузом темных длинных кос,

а он — с глазами цвета голубики.
Высок, и весел, и светловолос.
Когда-то, мельком увидав друг друга,
вы в памяти друг друга унесли.
Незримый взрыв тогда потряс округу,
и чуткие сейсмографы Земли
наверняка ту встречу засекли.

И вот она, вторая ваша встреча.
В полярной и завьюженной ночи.
(Попробуй время суток различи:
и в полдень — тьма, и утро — точно вечер.)

Вдруг самолет.

Хотя — какое «вдруг»!
Его так ждали... В стойбище все рады.
И девушка, идущая из стада,
всех больше...

Незнакомец, старый друг,
увиденный лишь мельком и однажды
и сшившийся,

как гибнущим от жажды
воды

прохладной грезится глоток. —
Идет навстречу, светел и высок.

Пожалуй, ты иного не ждала:
Он должен был явиться прямо с неба,
Как свет и тьма, лучи

и звезды снега.
Он шел к тебе. И ты,

ты тоже шла,
себя не слыша, спрашивала что-то
и что-то отвечала невпопад,
и взгляды были, словно звездопад,
и наступала боль его отлета...

— Куда?

— В Москву. Домой...

Но я клянусь,

ты слышишь, —
я вернусь!

И вскоре над Чукоткой он летает,
и здесь, среди пространств ее огромных,

Спросишь ее:

«Расскажи нам подробно,
как же медведь пожалел тебя, Омнав?
Как не убил тебя этот страшила?»

Та рассмеется. Чуть-чуть помолчит...

— Видно, почуял, к кому я спешила.
Но ведь зато убедились мы оба,
вот мы, свидетели перед людьми:
даже слепую звериную злобу
гасит высокая сила любви!

8

Сказки и были

прекрасны, как люди.

Вот разбежалось сегодня перо!

Слишком уж многое музыка будит:

Юность. Весну. Все, что было.

Что будет.

...Это — Чукотка.

Равель.

«Болеро».

СКАЗАНИЕ О ВЭКЭТЕ

— Да! — ты спросил — и так оно и есть.

Была и здесь война. Зачем? Не знаю...

(Примолк сказитель, трубку набивая,

и, прикурив, дал огоньку расцвести.)

Глаза живые. Голова седая.

А ноги крепкие — ого, какой ходок!

Тынагыргын!

Он жилист, невысок,

и не гляди, что старость насаждает, —

она его не скоро свалит с ног!

Тынагыргынкай² деда называют...

Все верят, что он сможет им помочь.

Чуть что — к нему, бывало, за советом

и стар и млад,

зимой, весною, летом:

— Скажи, остаться ль здесь

на эту ночь?

— Скажи, какого заколоть оленя?

— Как думаешь, сосед наш — верный друг?

Да что там!

Без особенных сомнений

заявится жена чужая вдруг.

Ступая грузно, животом вперед,

войдет. Стыдись, немного отвернется...

— Ты знаешь все. Скажи, когда начнется?

Ты ведаешь, наверно, кто придет?

(У нас поверье живо, что в младенце

к нам возвратится кто-то из умерших,

из самых сильных, мудрых, все умевших, —

иначе бы еще куда им деться?)

Он смотрит...

Одинокой — сына надо.

Та — будет рада девочке равно...

Пожалуй, он угадывает правду.

Чему дивиться?

Он ведь так давно

глядит на женщин

с грустью и отрадой!

Но все же молвит, непривычно строг:

— Придет, кому прийти. Всему свой срок...

Как юноши, старейшие ему

во всем готовы оказать почет.

А вечером народ так и течет

в его ярангу.

Здесь, в тепле, в дыму,

и задан был вопрос:

— Тынагыргын,

наверное, ответишь ты один:

а правда ль, что в далекие века

сражались чукчи из-за табака?

«Да! — ты спросил — и так оно и есть», —

вы помните, что так сказитель начал.

Он закурил, дал огоньку расцвести...

Но старшие поведали иначе.

«Нет, не табак, — сказали мне, — виной,

отцы с людьми соседних поселений

²Тынагыргынкай — маленький Тынагыргын.

не поделили будто бы оленей.
И началось беседой — не войной». —
И кто был прав, а кто был виноват,
судили долго без толку старшины
народов двух. И те и те решили:
добром не поделить нам этих стад.
А коль их не поделишь языком,
придется за оленей грудью биться.
Язык войны — он не был им знаком,
и тем и тем пришлось ему учиться.
И войско вскоре двинулось на войско,
и слезы, вопли, стон со всех сторон...

(В лице Тынагыргына недовольство,
с ожесточением трубку выбил он.)

— Война — к чему она? — он молвит, хмурясь. —
Мудрейшими считались. Где их мудрость?
Оленей гонят с севера на юг.
Отбили — и опять на север гонят.
Стада все меньше.

Горе, горе, горе!
Стал злейшим недругом вчерашний друг.
Олени мрут — ну ладно, им судьба.
Они нам пища.

Но ведь гибли люди
и сеяли погибель вокруг себя.
Ослепли от вражды и злобы лютой...
Так два народа наши и исчезли б,
друг друга истребили бы войной,
и мы здесь не сидели б нынче, если б
не мудрость старой женщины одной.

Под низким и нависшим небосводом
раздался голос горестный ее:
— Эй, что это с сегодняшним народом?
Зачем друг друга бьете, как зверье?
Скажите мне, куда ваш ум глядит? —
старшин притихших женщина спросила. —
Так знайте же: никто не победит.
Где нету справедливости — нет силы!
Придите как друзья к своим врагам,
скажите: будет мир, как был сначала!

И если не поверят они вам,
скажите: я, мать чукчей, так сказала!
А что, если решат они иначе? —
Подумала она, прикрыв глаза...
— Скажите, что не будет им удачи.
Скажите, что я знаю: Вэкэт жив!

К врагам спешат посланцы что есть духу.
И те, услышав мудрые слова,
послушались. И — так гласит молва —
с тех пор о войнах не было и слуха,
и та вражда недолгая мертва.

Тынагыргын замолк.
Стал слышен ветер:
как тянет он мелодию свою...
— Скажи, а кто же был он, этот Вэкэт?
— Я вам отвечу. Нет, я вам спою.

Песня о Вэкэте

Как птица,
он быстрым
был.
Как заяц,
он ловким
был.
Как туча, он был
высок.
Красивым,
как песня,
был.
Его голова
умна,
а руки его
сильны.
Глаза его —
как весна,
но только
они грустны.
Уж очень он
беден был,
а дочь богача
любил.

А дочь у чавчыв
одна,
отцу
дорога она.
И Вэкэт —
босяк, голые —
вдруг сватать
посмел ее!
Смеется чавчыв:
«Смельчак!
А выкуп?
Зажал в кулак?
Знать,
выкуп-то стоящий?
А где же
богатое стойбище?
Иль в голую тундру
дочь
ты взять у меня
не прочь?
Эй, «многооленный»
зять,
такому
ее не взять!
Ведь я не люблю
бродяг!
Но... хочешь,
решим вот так.
Стада мои
попасешь —
посмотрим,
на что ты гож.
Вернешь мне вдвойне
стада —
ну что ж.
Поглядим тогда...»

Казалось, песне подошел конец.
Все щелкают в восторге языками:
«Тынагыргын! Ай-ай, хорош певец!»
— Что было дальше, расскажу словами.
— Готовы слушать мы хоть до седины!
— Так слушайте, — сказал Тынагыргын.

Подумал Вэкэт: «Как я одинок!
Вот так, бывает, в тундре огонек
на целый мир один горит и светит...»
Чавчыв смеется, ждет, что он ответит.
«Где место для меня? Нигде нет места.
На всей земле никто меня не ждет».
— Ну, что же — отработаю невесту...
И вот он за оленями бредет.
Всего добра — котомка за плечами.
Ножа — и то хозяин пожалел.
«С ножом, мол, каждый дурень будет смел,
а ты себя мне покажи вначале:
что голыми руками ты сумел?»
А стадо оказалось так огромно,
а овод был презлющий в том году...
Ел Вэкэт на ходу, спал на ходу.
Охрип и отощал, как пес бездомный.
Никто б не попрекнул Вэкэта ленью:
совсем он перепутал ночь и день.
Кормиться хорошо давал оленю —
ну а за то кормил его олень.
Все лето на ногах. Всегда без крова,
почти без сна — себя пастух забыл...
Но все проходит — отошел и овод.
Все реже попадаются грибы.
Олени, наконец, спокойней стали:
наелись, летний пыл заметно спал.
Казалось, что они — и то устали,
а Вэкэт и подавно так устал!
И вот однажды он житье наладил,
снял торбаса, улегся не спеша,
и сладкий сон лицо его разгладил,
и далеко была его душа...

От автора

(пока герой спит)

Под веками сны — словно птиц вереница.
Пастух улыбнулся. Так что ж ему снится?
Нетрудно представить...
Хозяина дочь...
Глаза у нее — как осенняя ночь.

А может, даны они, черные, ей,
чтоб тундра зимою казалась белей?

А кэркэр, в каком она ходит проворно!
Одежда свободна, проста и просторна,
ничуть не добавишь — и лишнего нет!
Она напевает, готовя обед.
Движенья так плавны... Взмахнула рукою...
Во сне Вэкэт думает: «Чудо какое!»

На белую птицу похожа рука.
Она не толста и ничуть не тонка.
Как щеки нежны и румяны ладони.
А косы распустит — она в них утонет!
И тут же опять их она заплетает —
поют ее пальцы, по струнам летают.
И это и то украшение примерит,
да... косы — уж это чукчанки умеют...

Округлости груди, упругой, горячей,
открыты — она их нисколько не прячет, —
алеют соски...

Ложный стыд ей неведом.
Кто пас бы оленей, кто шел бы к победам,
кто цел бы и целовал своих милых,
когда б материнская грудь не вскормила
всех нас — и хороших людей, и дурных,
и чуждых друг другу, и кровно родных?
О женщина — жизни бессмертный родник!
Будь вовсе нага, с головы и до пят, —
ты явишь прекрасные новые грани,
а злобный, больной иль глумящийся взгляд,
как ржавчина к солнцу, к тебе не пристанет.
Источник печали и радости ты,
и, если б над миром бы ты не сияла,
не стало бы света, любви, чистоты,
земли бы не стало и солнца не стало!

Чавчыв к соседям ушел спозаранку:
выведать новости, сладить дела.
Девушка шила у входа в ярангу.
...Тут ее главная новость нашла.
Сверху упала вдруг тень на шитье.

Тихо ресницы она поднимает,
смотрит на Вэкэта. Он — на нее.
Только глаза говорят и внимают.
Только зовут, говорят и горят,
молят глаза, горячи до предела.
Не отвела от них девушка взгляд,
взглядом зовущим ответила смело.
Снегом в метели

минуты летели.

Что было явью и что было сном?
Вэкэт с любимой друг другом владели
жадно и жарко, как ветер — огнем!

Продолжение сказа о Вэкэте

— Кто там в палатке? —

кричат снаружи.

«Люди! — обрадовался пастух. —
Кто б это был?»

И промолвил вслух:

— Эй, заходи, будешь гостем, друже!
Что опасешься? Я безоружен!

— Кажется, он там и правда один, —
слышится говор. — Ну что ж, поглядим...
«Гость» заглянул. Был он многоголов,
много у «гостя» ружейных стволов.
Вмиг перевернуто все, перерыто.
— Нет и ножа у него, посмотри-ка...

— Вот что, пастух. Мы пришли не гостить.
Мы заберем твое жирное стадо.
Ну а тебя нам придется убить, —
нам, понимаешь, погони не надо.
— Выйдем! — сказали. — Пошли на бугор!
(— Что же — своими ногами к могиле? —
Тынагыргына в яранге спросили.
— Да уж, такой был у них разговор...)

К стаду ватага пришельцев идет —
Вэкэта к смерти один подгоняет.
Думает Вэкэт: «Что ж, все умирают.
Видно, теперь наступил мой черед.
Жил и умру в одиночестве, значит.

Так-то и лучше: никто не заплачет!
Впрочем... —

и он даже замер на месте. —
Надо подраться, пока еще жив.
Что ж я себя хороню прежде смерти?»
— Слушай! Заели проклятые вши! —
он говорит. — Разреши почесаться!
Вот ведь затеяли, звери, возню!
Дай сперва быстренько я их казню,
ну, а тебе уж — со мной расправляться!
С этим за пазуху сунул он руку.
— Хватит чесаться! — пришелец сказал.
— Хватит? — пастух обернулся, и вдруг он
камнем провел по жестоким глазам!
Враг закричал от невыносимой боли —
но через миг он не слышал ее...
Вэкэт схватил его платье, ружье...
— Сам ты, бедняк, пожелал этой доли!
Все же хотелось ему оправдаться...
«Грех быть жестоким... Но мне-то как быть?»
Он же и сам шел меня хоронить.
Нам лишь ролями пришлось поменяться!
Ростом, лицом на меня он похож.
Стану я — им. Это хитрость — не ложь!»
Он подошел, не скрываясь, к палатке,
рослый и сильный, в одежде чужой.
Там уж едят со спокойной душой.
Думают — свой...

— Эй, ну как, все в порядке?
— Да, с безоружным покончить — пустяк!
— Сядь, оленинки попробуй, раз так!
Да... Как поверить, что твой нелюдим
пас в одиночку такое-то стадо?
Тут семерым хватит дел, а один...
— Эй, поскорей убираться бы надо!
Видно, ушли пастухи, а теперь
снова к оленям своим возвратятся.
Ох, не хотелось бы с ними встречаться...
— Вы и не встретитесь с ними, поверь! —
Вэкэт воскликнул...

Те что-то кричали.
Вэкэт, сказав свою правду, молчал.
Больше они никого не встречали.
Правда, и их уж никто не встречал...

— С тех пор его запомнили враги, —
сказал Тынагыргын. — А вы слышали,
за что героя Вэкэтом прозвали?
Да за его длиннющие шаги!
Мог перепрыгнуть даже гору Вэкэт,
большую реку мог перешагнуть,
а стоило ему сильнее вздохнуть —
над тундрой поднимался буйный ветер!
А тех-то он спокойно положил,
ну точно кукол, расшвырял их живо,
и стали их тела зверям поживой...
Зачем они погнались за чужим?
...А между тем чавчыв все стадо ждет.
Подходят дни осеннего забоя.
Дочь к старику подходит.
— Что с тобою?
— Отстань! И без тебя полно забот!
А девушка сама не сводит глаз
с далеких пожелтевших горных склонов.
«Так медлить — не в обычае влюбленных,
а я-то стать женой его клялась!»
Ну, правда, — без него, и он не знает.
Какая его радость ожидает...»

Чавчыв сердит.

Ругаясь, почернел он.
«Меркычгыргын! Ну, только появись!»
И вот однажды высоко, под небом,
как будто стадо...
Все смотрели ввысь.
— Что там, яранга?
— Нет... Палатка вроде.
— А может, стадо — не из наших стад?
— А видишь копыя, копыя — вон блестят!
— Не копыя — ружья! Сходим туда?
— Сходим!

Старик —

и тот на склон горы полез.

Да, видит:

Вэкэт и большое стадо.

— Пойдем домой, давно б вернуться надо!
Но Вэкэт отказался наотрез:
— Тебе, чавчыв, я больше не слуга.

НЕПОСЕДА

СТИХИ О МАЛЕНЬКОЙ ДЕВОЧКЕ,
КОТОРАЯ ВСЕМ ХОТЕЛА ПОМОЧЬ

Стойбище

На Чукотке, на Чукотке,
у седого Пекульнея,
на Чукотке, о которой
помню даже и во сне я,
там, где родина моя,
где повсюду дома я,
есть у быстрого ручья
стойбище знакомое,
люди в стойбище живут,
там, где наши деды жили.

Ты слышал, чтоб крышу...

ШИЛИ?

А у нас вот крышу шьют!
Шьют ее из шкур оленьих,
и зимою крыша эта
греет нас на удивленье
и дает прохладу летом...
Ну а лето наше — это
солнце ночью, солнце днем.
Дышит все, поет, смеется,
все растет, цветет кругом...

Летом стойбище стоит
на одном и том же месте.
— Ну поселок, ну — стоит...
Но ведь он зимою — ЕЗДИТ!

Начинается зима —
мне вдали от тундры снится,
как олени вереницей
за собой ведут дома.
И на первой же упряжке,
возглавляя весь аргиш,
ты, Илюкынэ¹, так гордо,
важно, весело глядишь!

Не замечена никем,
за тобой и я поеду,
чтоб читателям моим
рассказать про Непоседу.

Кто Илюкынэ не любит?

Кто Илюкынэ не любит?
Нет! — такого злюки нет.
Можно разом в трех местах
встретиться с Илюкынэ.
Глазки сами —
хлоп, хлоп!
Ножки сами —
топ, топ!

Отовсюду,
откуда
упасть можно было, —
упала Непоседа!
Все, что можно было разбить, —
разбила
и дома,
и у соседа!

Илюкынэ надо
гостей принимать.
Илюкынэ надо
перенимать
все, что услышит,
все, что увидит.
Что-то из Непоседы выйдет?

Может, знатная портниха?

...Стало — тс-с! —
в яранге тихо.
Всем чего-то не хватает.
Тихо — аж не верится.
Что такое?
Под ногами
вдруг никто не вертится!
Не смеется, не смешит,
не пытит и не спешит.

¹Илюкынэ — Непоседа.

Не пищит, не тараторит,
и не хнычет, и не спорит, —
просто давит тишина!
Где ж Илюкынэ?

Она
где-то лоскутки нашла,
у нее в руках игла,
и мелькают ножницы
возле самой рожицы,
что-то молча мастерит.
Только... колется игла!
Раздается плач и крик,
и — яранга ожила!
Хоть бы раз Непоседа
устала,
хоть разок отдохнула бы
всласть!

Отец идет на дежурство
в стадо —
и дочь туда собралась.
Дядя решает
дров нарубить —
Илюкынэ рядом
и тоже рубит.
Ну как нам Илюкынэ
не любить?
И ВСЕ
ИЛЮКЫНЭ ЛЮБЯТ...

Праздник

Весною в тундре справляют праздник —
праздник маленьких оленят.
Приехали гости из стойбищ разных,
бубны вовсю гремят.

Сколько оленьих рогов за ярангой,
сколько готовится вкусных блюд!
Гости рады, хозяйева рады,
солнце светит, а люди поют.

А бабушка — много ей, мно-о-го лет —
верит в забытые, древние слухи,
будто бы боги живут на земле,

всякие: злые и добрые духи.
Чтобы задобрить строптивых божков,
наши прабабушки много веков
им оставляли кусочки еды.
Им наливали студеной воды.

...Бабушка Непоседу зовет,
с лучшей едою мешочек дает.
— Ну-ка, снеси это все оленятам.
Ты ведь, наверно, сегодня была там?
Значит, найдешь, Непоседа, дорогу.
Это — еда для Оленьего бога.
Уж постарайся задобрить его.
Брось ему все и скорей возвращайся.
Только не ешь по пути ничего:
может от нас отвернуться счастье!

Илюкынэ, гордая, в стадо бежит.
Где бог?
Очень странно, но бога не видно.
Не съесть ни кусочка? Уж очень обидно!
Кусочек, еще...
Непоседа спешит!

Наелась,
обратно идет еле-еле,
в хитрющих глазенках горит торжество.
— Ой, баба, мы все с оленятами съели,
а бог мне сказал: «Не хочу ничего!»

Илюкынэ в городе

Все тундра да тундра!
А в город бы надо!
Впервые Илюкынэ
едет в Анадырь.

— А ЧТО ЭТО? —
слышно на каждом шагу. —
Ну что за яранги —
понять не могу!
И вскоре в квартире
совсем незнакомой
звенел голосок ее,
точно как дома.

Но вот телевизор
 хозяйка включила...
 Илюкынэ, бедная,
 аж подскочила, —
 едва не упала...
 — Как мама моя
 в телевизор попала?..
 Большой телевизор,
 но маме он мал!
 Скажите мне,
 кто ее в ящик
 загнал?
 — Эй, мама! Я здесь!!
 Выходи ко мне!!
 Странно,
 но мама никак
 не сходила с экрана.
 Она говорила
 о трудных работах,
 она говорила
 о взрослых заботах,
 о людях, о тундре
 и об оленях,
 а дочку
 не вспомнила, к сожаленью!
 Смотрела в глаза Непоседе —
 не видя!
 Ушла Непоседа
 в ужасной обиде...
 А как удивилась Илюкынэ,
 как смеялась,
 завидевши тетю в очках!
 — Ну в здешних ярангах
 из стекол окно.
 Но вставить в глаза себе —
 окна?
 Чудно!
 — Эй, тетя, когда ты
 на улицу выйдешь,
 замерзнут они —
 ничего не увидишь.
 Ты разве не знаешь,

что только в тепло
 в окошке бывает
 прозрачным стекло?!

Колыбельная Илюкынэ

Вопросы Илюкынэ,
 наверно, не кончатся.
 Она целый дом заговорит —
 одна.

Мешочек вопросов,
 мешочек колокольчиков —
 Илюкынэ...
 А главное —
 мешочек без дна!

Проворны ее ножки,
 и ушки на макушке.
 И, надо нам признаться,
 она не из разинь,
 хотела Непоседа
 все-все забрать игрушки,
 когда она в Анадыре
 попала в магазин!
 Весь день, неугомонная,
 глазенками блестит,
 мелькает, точно молния...
 И только когда спит,
 тогда тиха Илюкынэ...

А ну-ка, убаюкаю
 я девочку мою:
 «Спи, баюшки-баю...
 Спит Чукотка,
 спит земля твоя
 в светлом воздухе весны.
 Молодыми оленятами
 по земле блуждают сны.
 Холода умчались лютые,
 будет солнце в вышине.
 Спи, усни, моя Илюкынэ.
 Не балуйся там, во сне...»

ПОЧЕМУ ЩЕНОК ВСЮ НОЧЬ НЕ СПАЛ

Всю ночь,
всю ночь
два черных глаза
щенок
никак
не мог
закрыть.
Рычал и лаял
на кого-то,
скулил
и бегал во всю прыть.
Уж папа кутал
его в шубу,
чтоб не мешал он
дочке спать,
а мама,
потеряв терпенье,
щенка гоняла
под кровать.

Включают свет —
щенок не лает,
но ушки кверху.
Почему?
— Он болен, —
папа заключает. —
Я витаминов
дам ему.

Не помогли
и витамины.
Совсем
не болен
был щенок.
А просто —
Настины игрушки
концерт устроили
в ту ночь.

Смешные
львята,
оленьята,
и обезьянки
(им под стать),
и озорные
медвежата —
все стали
петь
и танцевать.

Вот пляшут
куколки
отчаянно
«Упряжку» —
танец Арчайвуна.
(Он был
в гостях у нас
недавно.
Как он плясал,
они видали.)
— А почему
в упряжке вместе
и медвежонок,
и олень? —
щенок спросил
веселых кукол.
Но отвечать им
было лень.

Чукотский танец
«Воронята»
мартышки
пляшут
вразнобой.

— На воронят
вы не похожи! —
щенок заяял
сам не свой.

А львята
в ситцевых штанишках,

качаясь лихо,
но не в такт,
как журавли
запели: «О-о-нн'а-а!...»

— Ведь вы же — львы!
Не пойте так!

«Игрушки
пляшут
по-чукотски?
Кто их учил?» —
щенок стих.
Он вспомнил:
к празднику готовясь,
плясала так
хозяйка их.

Плясала Настенька,
плясала
у мамы с папой на виду
и вдруг —
реветь:
— Плясать
не буду!
Я не умею.
Спать пойду.

Но вместо
маленькой хозяйки
решили
куклы поплясать.
Вот почему
прошедшей ночью
и сам
не выпался
щенок,
и всем
не дал
спокойно спать.
Такой концерт
увидишь редко!
Но мама с папой

спят почти,
и Настя спит,
прижавши крепко
к соленым щечкам
кулачки.

А жаль...

ВСТРЕЧА С УМКОЙ²

Так говорил Росхитагин,
ныне живущий в Лорино:
— Вам приходилось Умку
видеть вблизи хоть раз?
Не приходилось? Жалко!
Много вы потеряли...
Ладно, если хотите,
слушайте мой рассказ.

В первый раз на охоте
был я еще мальчишкой.
Ранним туманным утром
вышел с ружьем на лед,
думаю: «В дальней лунке
нерпа попалась в сети».
Лыжи — «вороньи лапки» —
быстро погнал вперед.

Вдруг перед самым носом —
верьте или не верьте —
вырос из снега Умка:
кто это к нам идет?
Жаркую пасть оскалил;
глазки веселые-злые,
ушки, как пушки, ходят,
лапу мне подает.

Ноги мои обмякли.
И задрожали руки.
Ясное дело — Умка
хочет меня сгубить!
Что бы вы стали делать?

²Умка — белый медведь.

А?
Почему молчите?
Встретишь такого зверя —
как тут не завопить!³

— Амын вай! Оккой аны!³ —
чуть не сорвал я голос.
Будто меня не стало:
я превратился в крик!

Ровное место было.
Вроде откуда падать?
Я же —
как будто с сопки
ухнул к подножью вмиг!

И покатился дальше,
спутал с ногами руки,
голову взял под мышку,
чтоб не смотреть назад.

Сколько летел — не помню:
час, а может, минуту.
Но наконец споткнулся
и приоткрыл глаза...

Сразу себя ощупал:
есть голова на шее,
целы бока и плечи,
руки и ноги — есть!
Где же «вороньи лапки»?
Где же ружье?
Пропало!
Ладно — ружье и «лапки»!
Умка-то где?
Исчез!

Я полагаю, Умка
струсил.
А как не струсить?
Видно, никто на свете
так на него не орал!

Где он теперь — не знаю.
Надо б его увидеть,
может быть,
он мне скажет,
кто же ружье забрал?

Лоринский Росхитагин
так сказал напоследок:

— Вы не кричите, люди,
ни на каких зверей:
если кричать на зверя —
вовсе его не станет,
а человек без зверя —
это дом без дверей.

³ Так по-чукотски кричат от страха.

О чем поет Бубен?

Значит, рыбы глазки —
лакомство у Насти.

Но не в этом дело,
                                 дело в результатах.
 Не мешайте деду, не мешайте Тато!
 Мы ещё посмотрим:
                                 у кого поедут
 нарты — у внучонка
 или же у деда!

О ЧЕМ ПОЕТ БУБЕН?

Я расскажу тебе сказку,
 ту, что мне рассказала
 бабушка — моя мама —
 очень давно, сынок.

После большой кочёвки
 в тундре глухой и дикой,
 хмурые и усталые,
 стали

                                мы на ночлег.
 Я, не поев, уснула,
 было темно

                                и тихо...
 Вдруг разразился грохот —
 страшный, как ураган.
 — Ик, какомэй,
 какомэ-э-эй! —
 кто-то кричал сквозь грохот.
 Слышались звуки бубна,
 слышались крики птиц!
 Страшно, мальщ, мне стало!

— Мамочка, мама, мама!
 Злые, плохие птицы
 съели солнце у нас!

Мать меня утешает:
 — Доченька, что ты плачешь?
 Солнце придёт попозже,
 птицы его вернут.

Просто — сегодня праздник
 в честь Молодого Оленя,

бубны поют про осень,
 вторят им журавли.
 И рассказала мама
 старую-старую сказку,
 ту, что сейчас услышишь
 ты от меня, малыш.

Жили в одном селении,
 может быть даже в Лорино,
 муж и жена,
 и, счастье,
 жили они хорошо.
 Сами навстречу плыли
 к ним и киты, и рыбы,
 жирных оленей было
 в стаде у них не счесть.
 Ела соседей зависть:
 «Видно, они — шаманы!
 Вот почему удача
 выпала только им!»
 Были у них и детки, двое —
 сынок и дочка.
 Как-то в погожий полдень
 вышли они погулять.
 Будто бы кто шептал им:
 «К морю идите. К морю!»
 Будто бы кто толкал их:
 «К морю скорей! Скорей!»

Берег в морской капусте.
 Сколько камней чудесных!

Весело им у моря,
 можно играть весь день.
 Но —
                                 заметались волны,
 и замутилось небо,
 и закатилось солнце,
 стало темным-темно.

Тут испугались дети,
 сразу домой заспешили.
 Вдруг они слышат голос
 в грозном грохоте волн:

— Деточки, дети,
 стоп!
 Деточки, не спешите!

Смотрят —
 Большая Лодка,
 в ней — Большой Человек.

— Я отвезу вас к папе,
 вам самим не добраться.
 Вы по веслу идите
 в лодку мою скорей.

Длинное и тугое,
 в берег весло воткнулось,
 не обойти весло то,
 не перепрыгнуть им.

Дети переглянулись:
 Лодочник, видно, добрый.
 Надо ему поверить,
 он же хочет помочь.
 Сели они, поплыли.

Час и другой проходят
 (а ведь селенье рядом).
 — Сколько же можно плыть?
 — Скор-р-р-ро мы буд-д-дем
 дом-м-ма,
 скор-р-р-ро мы буд-д-дем
 дом-м-ма! —
 страшно скрипя зубами,
 Лодочник прорывал.

В ужасе содрогнулись
 брат и его сестричка,
 поняли, что попали
 в лапы злого келе².

Лодочник, не скрываясь,
 принял обличье чërта:
 шерсть на загривке дыбом,
 пышет из пасти жар,

не зубы — клыки,
 не ногти, а когти!

«Значит, пропали мы».
 Сдул он детей с лодки,
 к яме подвёл глубокой.
 — Прыгайте в яму. Живо!
 Я вас потом съем.
 Папочка ваш, проклятый,
 слишком богат и счастлив,
 и чересчур зазнался,
 и обижает келе.
 Хоть иногда давал бы
 нам китового мяса
 или мяса олени —
 были бы сыты мы.
 Пусть на себя пеняет!
 Вы посидите в яме —
 не люблю свеженины,
 мясо я ем с душком.

Сдул он сестричку с братом
 в тёмную страшную яму.
 Так и остались дети
 в чёрной земле одни.

Тихо. Темно. И холодно.
 Сон не приходит.
 Голодно!
 С горя, с немой тоски
 братик сказал сестричке:

— Хочешь, я посвищу,
 может быть, кто услышит.

Слабенький, тихий свист
 вышел из тесной ямы...
 В яме подуло вдруг,
 стала она просторней.
 Видят — сбоку дыра.

«Надо скорей спастись!»
 Влезла в неё сестра,
 за руку тянет братца.

²Келе — злой дух, чërт.

Только успели наверх,
шумно дыша, подняться —
вмиг за ними земля
пастью келе сомкнулась.
Чёрная чёртова мгла.
Как им домой добраться?
Папа и мама ждут.
Плачут сестричка с братцем.

Вдруг посветлее стало.
Видят — навстречу едут
Шесть Оленьих Упряжек.
В первой — Седой Каюр.

«Если и это — черти,
что же теперь-то будет?»
Тут заревели в голос
брат и его сестра.

— Дети, не надо плакать.
Вытрите слёзы, дети.
Чьи вы? Куда? Откуда? —
тихо спросил Каюр.

— Мы из селенья Лорино.
Там у нас папа с мамой.
Видно, теперь их нету.
Видно, их съел келе.

Шестеро распрягают
белых как снег оленей,
ставят на мох ярангу
и разжигают костёр.
Быстро готовят пищу —
сладкое мясо оленя.

— Ешьте, не бойтесь, дети.
Мы вас свезём домой.

Сразу не разгадали
брат и его сестрица,
что не оленьё мясо —
ягель едят они.

Сразу не разгадали
брат и его сестрица,
что незнакомцы — птицы,
грустные журавли.

— Дома отцу скажите:
птицы летят на Север, —
ласково улыбаясь,
молвил старик Журавль.
— Ну а настанет август —
мы полетим обратно.
Сядем на это место.
Пусть он придёт сюда.
Пусть принесёт он птицам
сладкий кусок оленя,
сделает звонкий бубен
и застучит в него.
И никакие черти,
и никакие страхи,
и никакие беды
будут вам не страшны.

Вот он откуда взялся —
гулкий чукотский бубен.
Бубны поют про осень,
вторят им журавли.

МЕДВЕЖОНОК

Как люблю учиться я
в музыкальной школе!

Вот вчера спешу туда
с нотами и скрипкой.
Вдруг —

на задних лапах пёс
мне идёт навстречу
и не лает, не скулит,
а рычит как будто.
И лохматый,
и большой,
и язык наружу,
и как пуговки глаза.

Я остановилась.

Он мне лапой помахал.
Может, это снится?
Протираю я глаза —
и медведя вижу!

И хозяйка рядом с ним.
Говорит:
— Не бойся,
Медвежонок — не медведь,
он ещё ребёнок.

Я такого стрекача
задала от Мишки!
Отдышалась кое-как
и — к окну: что будет?

Медвежонок ищет след,
тычет носом, — следа нет.

— Почему с опаской
ходит Черноглазка?
Мне охота с ней играть
и охота танцевать,
пусть меня
научит петь.
Я способный,
я ж — медведь!

Ай да Мишка!
Молодец!
Ну а может, он — хитрец?
Выходить я погожу,
я в окошко погляжу.

ДРУЗЬЯ

Злая-злющая зима
приказала
океану замереть,
не дышать.

А медведица
из снега скатала
два пушистых колобка —
медвежат.

Как заплачут малыши:
«Есть охота!
Мама, мама,
поспеш
на охоту!»
Но оставить их нельзя,
и к тому же —
что найдёшь
на крепком льду
в эту стужу?

Наш посёлок —
хоть и мал —
знаменитый:
в окна виден океан
Ледовитый.
Нету солнышка зимой,
как ни странно,
но зато — каток
на льду
океана.
Вот приволье детворе!
Здесь не то что во дворе:
разгонись, не бойся —
и лети до полюса.

И повадилась водить
медвежат медведица
вечерами на каток,
чтоб с народом
встретиться.
Пусть посмотрят люди,
как её дети маются,
потому что есть хотят,
а сказать стесняются.

Испугался весь посёлок
ужасно —
на каток
ходить ребятам
опасно!

Только Тато
всё твердит
мне упрямо:
— Мы покормим
медвежат,
ладно, мама?
Помогает мне сынок
положить еду в мешок,
и идём мы с Тато
к белым медвежатам.

А соседи
вслед кричат:
— Вы куда, соседи?
Вы пошли
не в детский сад,
вы пошли
к медведям!!!
Если звери
нас зовут —
почему
не встретиться?

И выходим мы на лед:
— Здравствуйте,
Медведица!
В наш поселочек от вас
поступила жалоба,
что с едой у вас —
беда.
Кушайте, пожалуйста.

С той поры мы стали с ней
добрыми друзьями,
медвежата, как щенки,
бегают за нами.

У Медведицы теперь
имя — мама Таня,
а детёныши её —
Мато и Матаня.

СЛЕЗЫ И ДОЖДИК

Есть у меня сестричка.
Где вы такую найдёте?
Хлебом её не кормите —
дайте ей пореветь.
Если она не в духе —
сразу свой рот откроет.
Я затыкаю уши,
но... тяжело смотреть!

Вечером я сказала:
— Из-за тебя мы — дома!
Помнишь, какое солнце
было в окне с утра?
Но улетели в небо
все твои слёзы, рёва,
слёзы скопились —
хлынул
дождик как из ведра.

Тут же сестра притихла
и отошла в сторонку,
думала долго-долго
и — без капризов — спать.

Утром ко мне подходит
и говорит с улыбкой:
— Я не наплачу дождик...
Лучше пойдём гулять.

МОЙ ПАПА

Кильвей —
весёлый праздник —
бывает только в тундре.
Кильвей —

олений праздник.
А я хочу конфет.

Отец перед отъездом сказал:
— Конфеты будут.
Я к празднику прибуду,
а ты меня встречай.

— Поть-поть!³ —
поёт мой папа,
полозья подпевают,
по белой-белой тундре
собачки нарту мчат.

Нелёгкая дорога,
забот у папы много:
не привезёт конфет —
вот праздника и нет!

СТРОИТЕЛЬ

Вот мне бы, как папа,
строителем стать,
вот мне бы от папы
не отставать!
Как только из садика
я прихожу —
топорик,
пилу,

молоток
нахожу.
Я тоже — строитель,
я делаю дом.
Колю,

и пилю,
и потею притом.
Я даже реву иногда
и крихчу,

но всё же
колю,
и пилю,
и стучу.

Очень уж трудно сделать
для этого дома стены!
Ну почему все доски-то
толстые-претолстые?!

К вечеру я хромаю,
в пальцах занозы снова.
Вот уж и папа пришёл,
а стены всё не готовы.

— Здравствуй, строитель-сын!
Сильно же ты утомился,—
мне говорит отец.—
Столько над домом бился!

Ночью мне снится дом —
белый, многоэтажный.
Кто его строил?
Я.
Кто помогал?
Неважно.

ЯРАНГА

Как весной весёлой
детям спать ложиться,
если даже солнцу —
и тому не спится?
Солнце, улыбаясь,
ночью, словно утром,
вместо «баю-баю»
шепчет:
— ХОЧЕШЬ В ТУНДРУ?

Маленькому Мато
в тундру ох как надо!
Каждый вечер маму
спрашивает Мато:
— Что за дом — ЯРАНГА?
Из чего сделана?
Из железа разве?
Может быть, из дерева?

³Поть-поть! — так на Чукотке попускают собак.

Отвечает мама:

— У яранги, Мато,
жёрдочки из дерева
для опоры сделаны,
а из шкур оленьих —
потолок и стены.

А внутри — из меха
теплый ПОЛОГ — спаленка,
здесь ночуют вместе
взрослые и маленькие.

Рыжий зверь в яранге есть,
целый день дровишки ест,
лижет чайник и котёл,
а зовут его — КОСТЁР.

НАРТЫ — тут, в яранге, тоже,
а на них МЕШКИ ИЗ КОЖИ,
а в мешках лежат дары:
сказки — радость детворы.
Вот тебе б такой мешок
положить под голову —
всю бы ноченьку ты мог
видеть сны весёлые!..

— Мама, я закрою глазки,
только дай мешок со сказкой.

НЕ БУДЕТ ВРАТЬ!

Этот Ринтын — лгун ужасный
и к тому же хвастунишка.

Говорит:

— А что мне звери?
Я их пальцем раздавлю!
Вот вчера я ноготочком
наповал убил медведя.
Он лежит неподалёку,
я могу вам показать.

Мы пошли за ним.

— Ну где же?
Где медведь, убитый ногтем?

— Спрятал я его в берлогу,
загляните-ка туда.
Заглянули мы в берлогу:
так и есть — огромный мишка.

— Ну так что? Вы убедились?
Самый сильный я среди вас!

Тут медведь не удержался,
рявкнул так, что мы присели:
— Как ты смеешь издеваться
над медведем спящим, трус?!

Ох и страху натерпелись!
Он клыками хвастунишку
подцепил, подбросил,
бросил и за попку укусил.

Заревел наш храбрый Ринтын,
побелел, как снег на сопках.
Тут мы стали хохотать.
Поделом! Не будет врать!

ДОЧЕНЬКЕ

Хочу глядеть сквозь годы жизни
в твои глаза, угля черней,
и знать, что я живу на свете
дыханьем доченьки моей.

Друзья, соседи и работа,
простите мне, простите мне:
на дочке свет сошёлся клином,
а вы — как будто в стороне.

Ах, Настя, солнышко в окошке,
живая звёздочка в пути.
Хоть и капризна ты немножко —
пройдут капризы, как дожди.

Ты станешь славным человеком,
найдёшь заветную мечту:
ведь ты возьмёшь с собой в дорогу
твою сестрёнку — доброту.

Мне быть всегда б с тобою рядом!..
А ты — расти, а ты — взрослей,
и, как тебя люблю я, так же
люби людей.
Люби людей!

*Этот праздник веселый -
кильвей*

ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ

Если крикнуть собакам:
«Поть-поть!»
да ещё рукавицей взмахнуть —
куропаткою нарты взлетят:
мой отец отправляется в путь.

Поть-поть!
В путь, в путь!
Вот растаял знакомый узор
на расшитой кухлянке его,
нарты меньше орешка в снегу,
нет, не видно уже ничего!
Ничего-ничего,
никого...

За гостинцами едет отец,
знают все — через несколько дней
будет праздник, весёлый кильвей,
праздник в честь молодых оленят,
а подарки нужны —
для ребят!

Ах, как медленно тянутся дни!
Всходит рано над тундрой звезда.
Вновь с утра я на сопке стою —
что ж ты, тундра, тиха и пуста?
Лишь песец
промелькнёт у куста...

Но однажды послышится лай,
эй, поть-поть! — ожиданью конец,
эй, поть-поть! — это едет отец,
вылетаи из яранги, встречай!

Кто гостинца хотел? Получай!
В тундре не было дня веселей —
начинается праздник кильвей!

КАК ПОСТРОИТЬ ЯРАНГУ

Как построить ярангу?
Попробуйте — это не трудно!
Вот подсохнет на солнце
за лето холодная тундра,
привезу я для вас
из тайги деревянные жерди —
шалашом их поставьте
и сами на прочность проверьте.

Чем ярангу покрыть?
Тут железо совсем не годится.
Холодна и тверда черепица.
Только шкуры оленьи,
что сшиты надёжно иглою,
защитят вас в яранге
от снега и стужи зимою.

Печка здесь не нужна.
Посерёдке костёр разложите,
да следите за ним,
да дровами получше кормите.
Грейтесь после охоты
да чай на огне кипятите,
захотите помыться —
снежку растопите в корыте.

Где же, спросите, спать?
Спят в яранге
на нартах вдоль стенок,
спят под шкурой оленьей
на нерпичьих шкурах толстенных.
На мешке-эвичуне,
что мягче лебяжьего пуха:
сказки — в каждом мешке,
положи его только под ухо!
Кто в яранге живёт?
Пастухи, что со стадом кочуют.
И охотники тоже.
И редкие гости ночуют.

Жить в яранге такой
вам понравится, честное слово!
Заходите скорей:
хлеб да соль вам!
Яранга готова.

НА КОНЬКАХ ПО ОКЕАНУ

На коньках по океану
мы катаемся зимой,
если только нет бурана
и не гонят нас домой.

Ни фонариков весёлых,
ни скамеек на катке...
В синей дымке ледоколы
проплывают вдалеке.

Но зато для детворы
светят с берега костры:
это деды ждут внучат,
курят трубки и молчат.

Ночь придёт. Уснут ребята.
Только бродят по катку
с белой мамой медвежата
даже в стужу и в пургу...

То печёную картошку
в пепле стынущем найдут,
то найдут в снегу лепёшку —
всё до крошки подберут.

Голодает в стужу зверь —
где еды возьмёшь теперь?
Хорошо, что можно здесь
хоть чего-нибудь поесть...

И однажды спозаранку
я увидел трёх зверей —
и бегом в свою ярангу —
к маме, к маме поскорей:
можно взять мне сухарей?

Мама очень удивилась
и спросила:
— Что случилось?

Рассказал я обо всём.
И рюкзак схватила мама,
и еду сложила мама,
наконец она оделась
и сказала:
— Ну, пойдём!

Вот к медведице притихшей
мама медленно идёт,
угощает рыбой пикшей
и стужёнку достаёт.

Говорит: «Я тоже — мама,
мне близка твоя беда.
На троих, конечно, мало,
ну а всё-таки — еда...

Вот мочёная морошка
и картошки есть немножко». —
Тут медведица шепнула
медвежатам на ушко,

чёрным носом подтолкнула
к медвежатам молоко:
очень хочется стужёнку
полизать и медвежонку.

На коньках по океану
мы катаемся зимой,
если только нет бурана
и не гонят нас домой.

Словно добрые соседи,
словно старые друзья,
к нам приходят три медведя —
симпатичная семья.

Мы гостинцы достаём,
их в обиду не даём.
В синей дымке ледоколы
посылают нам гудки,

и глядят на наш посёлок
долгим взглядом моряки.

НОВОСТЬ

Лишь узнают в тундре новость —
станет всем она известна:
солнце вышло — интересно!
Сын родился — интересно!

Интересно, интересно,
даже очень интересно!

Кто вспугнул лисят с лисицей?
Видно, это едут гости!
Пробегут аэросани
или в речке лёд растает —

от яранги до яранги
новость каждая летает.
Если будете гостями —
приезжайте с новостями.

Будем чай мы пить —
и думать,
оленят считать —
и думать,
ну к кому свернёт упряжка
и куда помчится после?

Интересно, интересно,
даже очень интересно!

Вот геологов палатка
появилась — интересно!
Вот запела куропатка —
даже очень интересно!
Думать сидя, думать стоя —
новость — дело непростое,
ох какое непростое!
В тихой тундре,
белой тундре
ничего от глаз не спрячешь,
оттого-то знают в тундре —
кто ты есть и что ты значишь.

Интересно? Интересно!
Хорошо, что нам известно.

ПРИРУЧИЛ

Мой братишка —
самый-самый
непослушный и упрямый!
Шарф, кухлянка, капюшон.
Глазки, щёчки —
вот и он!

Позову его я в стадо —
«Нет, — вздыхает он, —
не надо!
Я к оленям не хочу.
Прокати меня к ручью».

Запрягаюсь я в упряжку —
он бочком, бочком к овражку,
и под горку — кувырком,
как пушистый снежный ком!

Говорю:
— С меня довольно!
Я с тобою не шучу!
К пастухам уйду сегодня,
олёнёнка приручу.

Буду всюду
с ним вдвоём.
Буду ездить
я на нём.

Возле дома встал на лыжи,
крикнул братцу:
— Будь здоров!
Съехал с горки,
вдруг услышал
за спиной знакомый рёв!

Я подумал:
«Ну и пусть!
Ни за что не обернусь!»

Только я дошёл до стада —
услышал пыхтенье брата.

Шарф, кухлянка, капюшон,
глазки, щёчки —
вот и он!
Мой братишка на лыжне
не уступит даже мне!

...Каждый день
я оленёнка
бегать в нартах обучал.
Каждый день
стоял в сторонке
мой братишка и молчал.

Оленёнок научился
вихрем по снегу летать,
а братишка разучился
спорить, хныкать и ворчать.
Шарф, кухлянка, капюшон —
на олене едет он!

ЕДУТ САНКИ ЗА ДРОВАМИ

Маленькие санки
смастерил отец для сына,
маленькие санки
очень нравятся Омрыну.

Маленькие санки
в лес его заторопили,
маленькие санки
за дровами покатали.

Въехали на горку —
тундра вся как на ладони!
Съехали под горку,
словно мчались от погони.

И опять на горку —
так и манит склон покатый.
И опять под горку
и в четвёртый раз, и в пятый...

Поглядел мальчишка —
солнце село за лесочек.
Поглядел мальчишка:
«Прокачусь ещё разочек!»

Поглядел мальчишка —
не заметил пня под снегом.
Поглядел мальчишка —
покатил с горы со смехом.

Он бредёт к яранге —
и ревёт без передышки!
Он бредёт к яранге —

синяки несёт да шишки,
а ещё к яранге
он в руках несёт дровишки...

Эх, какие санки
утром были у мальчишки!

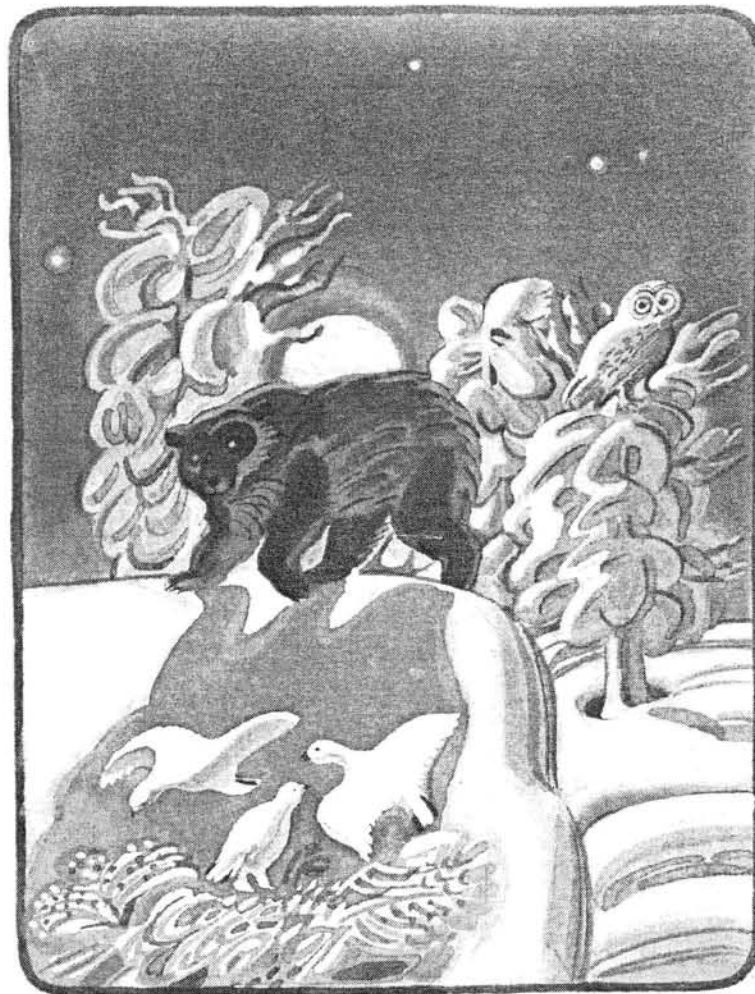
УТРО

На рисунке дочки —
солнце и цветочки.
А вот здесь —
она сама
строит новые дома.

Вырастают этажи.
На балконах —
малыши.
А внизу
оленье стадо,
а над стадом —
эстакада
для упряжек и машин,
для полозьев и для шин.

А гора
осталась белой —
мчись на лыжах,
если смелый!
Здесь не лето,
а зима,
лето — только
где дома.

Вот какое
это утро!
Вот какую
будет тундра!

Сказки

ПОЛЕЗНОЕ ИМЯ

На Вороньей сопочке — по-нашему Вэльвынэй — обжилось куропаточье семейство по соседству со своими сородичами. И было у них всё, как и в других приличных семьях: и уютный домик в снегу, и ягода шикша под снегом, и звёзды над головой, и шустрый сынок — пушистый комок, топотун и проказник. Только мама-куропаточка была чуть белей да стройней других курочек, оттого и звали её ласково — Беляночкой, по-нашему Ильгынэ. А папа был рябой куропач, с коричневыми перьями в седине, с важным брюшком и огненным взглядом. Глазки маленькие, а веки большие и оранжевые. А чтоб ещё ярче были, он всё почки ольховые ел, высматривал самые оранжевые. Однако не Огнеглазым звали его, а Пёстрым, за рябую масть, по-нашему Кэлилином. Конечно, не очень нравилось Кэлилину его имя, да что поделаешь.

А вот сынок у них рос и вовсе без имени. Тут такая история приключилась. Родился он последним среди малышей куропаточьей родни, к тому времени все самые красивые имена по другим семьям для своих деток разобрали. Кого называли Альбатросом, кого Звёздочкой, а кого Повелителем Ветров, Голубчиком, Снежком и даже Огнеглазым. Особенно из-за этого имени мама Ильгынэ убивалась.

— Ну придумай что-нибудь, — умоляла она папу Кэлилина. — Слыханное ли дело — ребёнок без имени.

Но сколько ни глядел в небо Кэлилин своим огненным взглядом, сколько ни перекидывал голову с плеча на плечо — ничего не придумал. Правда, сказал как-то: «Может, Ваняткой назвать, как у этих?..» — так после свою курочку снежком еле в чувство привёл.

А уж другие дети их сына стали Плаксой дразнить — по-нашему Тыргыном. Что верно, то верно: любил малыш покапризничать, да можно ли кличками такими бросаться, хоть бедное дитя и безымянным растёт? Запретила Беляночка-Ильгынэ сынку своему из дому отлучаться: может, и кличка отстанет, да и от лисьих глаз подальше. Лиса, чего доброго, малыша может сцапать, даже не подозревая, какое это несчастное и ласковое дитя.

Мама Ильгынэ души в нём не чаяла. И так на него посмотрит, и этак поглядит — хорош! В снег нырнёт с головой, в глубокий сугроб, ягодок шикши или брусники полный клюв достанет. И ну потчевать сынка. А он ест да ест, белым шаром раздувается, по снегу с боку на бок перекачивается, ягоды покислее выплёвывает, озорник. Беляночка-Ильгынэ за ним ходит — подбирает: не пропадать же добру. Подкатит потом малыша к себе под крылышко, нежит дрему его материнским теплом. Папа Кэлилин, конечно, недоволен был: малыш без имени — ещё полбеды. А вот что толст не в меру, не ходит важно, а всё кувыркается — совсем худо, однако. И увидит под вечер сына в лесок уму-разуму учить: вот как ягоду надо доставать — покажет. Вот как домик в снегу выкапывать, чтоб не виден был. А вот как тундру слушать:

гребешок вверх — и замри. Одни звуки страшные — когтистые да зубастые. Другие житейские — крылатые да рогатые. А третьи про погоду — шу-шу-шу — говорят. Всему смыслённый малыш научился.

Только пугать как следует никак научиться не мог. Из-под снега вынырнет, крыльями забьёт, а крикнуть по-куропаточьи «кэп-кэп-пэв!» забывает. А ведь если не крикнуть как надо: «кэп-кэп-пэв», — кто ж испугается? Папа Кэлилин совсем с ним замучился.

А вышло так, что как раз тем леском медведь проходил, шикшу искал. Спихватился Кэлилин, когда медведь пол-луны загородил. Едва успел малыша под крыло запихнуть, за кочкой спрятаться да глаза огненные крепче зажмурить — от страха и для утайки. А медведь уже возле кочки топчется.

Тут папа Кэлилин как закричит: «Кэп-кэп-пэв!» — да как захлопает крыльями, снег взметая, — у медведя душа в пятки! Он-то с испугу подумал, что на него кочкоголовые налетели (это звери на Чукотке так людей называют). Уж такого дёру дал, что ольху сгоряча своротил — не заметил.

Плюхнулся в снег Кэлилин, огляделся — нет сынка. А тот белым комком через поляну катится. Насилу остановил его Кэлилин и говорит:

— Знаю теперь, как тебя назвать. Будешь ты у нас Кэппэвом. Пусть не слишком красивое имя, зато полезное. Уж своё-то имя никак не забудешь.

И так малыш этому обрадовался, что стал петь и кричать своё имя на все лады: «Кэппэв! Кэп-кэп-пэв! Кэп-пэ-эв!» Даже зайца чуть не до смерти напугал.

И мама — Беляночка-Ильгынэ тоже рада была. С таким именем не пропадёшь — только вспомни вовремя да крикни погромче. А брусничкой да шикшей мороженой сынка повзрослевшего всё равно баловала: мама — она всегда мама.

С тех пор на Вороньей сопочке, по-нашему Вэльвынэй, в куропаточьих семьях своих детей только Кэппэвами и называют. Кэппэв да Кэппэв. А как ещё лучше? Лучше и не бывает. Вот и всё.

СЕЛЕЗЕНЬ-МОЛЯНКА

Не знаю, как ваша семья, а наша — утиному народу родня. Про то моему дедушке его дедушка ещё рассказывал. Вот послушай. Жил да был старичок, старый совсем. Каждый день помирать собирался, с нарты нерпичьей не вставал, а смерть всё не приходит. Говорит он старшему сыну:

— Устал я жить, да и вам какво, а смерть меня невзлюбила. Посоветуй, сынок: как тут быть?

Старший сын бородёнку седую скребёт, думает:

— Ты всю жизнь за стадом ходил, горностаю добывал, по рекам чира ловил. А смерть ленивых любит. Так что, чем помочь, и не знаю. А нам ты не в тягость.

От этих слов на душе у старичка хорошо стало. Вот он среднего сына зовёт, спрашивает:

— Всё ж в тягость я вам, а смерть не берёт. Как тут быть?

Средний сын редкий ус пощипывает, вздыхает:

— Видно, не глупа смерть, коли от нас тебя не забирает. Хоть и бедно живём, а помогать ей не стану, уж прости...

От этих слов у старичка светлая слеза на глаза навернулась. «Что, — думает, — младший сыночек мне скажет?»

А младший сын безус, безбород, мудрость в него ещё не вошла.

— На-ка, — говорит, — голубички съешь. Сам ягодки не попробовал — тебе принёс.

Старик от любви такой сыновней даже на нарте сел, трубочку закурил — в первый раз за сто дней. Долго курил, а пока курил — и надумал. Собрал он вечером всех сыновей.

— Помогите, — говорит, — в дорогу собраться.

Сыновья подивились, однако обрадовались: у ходячего человека смерть сама под пятой. Натянул старик кухлянку поплоче да торбаса залатанные да велел сыновьям кусок верёвки кожаной припасти. А как уснули в ярангах соседи на стойбище, попросил к морю проводить.

Ночь стояла лунная, тихая. Мох ягель стелился им под ноги. Тундра их тени до моря провожала. А на море легла перед ними тропа лунная до края света. И выплыла оттуда, словно по ветру, стая уток.

Тут велел старик старшему сыну завязать верёвкой кожаной подол кухлянки сзади. И так сказал:

— Не брала меня смерть, а от ваших слов да ласки отступилась совсем. Только непривычно мне на нарте лежать, на нашу бедность смотреть, съедать лучший кусок. Не печальтесь, сыновья мои милые! Ухожу я к утиному народу, стану селезнем-морянкой рядом с вами жить. По хвосту вы меня узнаете.

Махнул подолом перевязанным и в море нырнул. Смотрят сыновья — качался на воде сизый селезень, по лунной тропе утиную стаю за собой повёл. Помахали вслед, погрустили и домой пошли.

Как-то в зимний день отправился к морю старший сын. Глядь, среди торосов к польньке царь-песец крадётся голубой масти с дымчатым хвостом. За такого пса любой купец на торгах пуд соли даст да целую голову сахара! Крадётся песец, по насту пластается, а того не чувствует, что уже на ружейной мушке его шуба висит. Ахнул выстрел, а как ветром в сторону дым снесло, увидел старший сын тогда только морянку-селезня на чёрной той польньке. И хвост у селезня как подол отцовской кухлянки, верёвкой кожаной перехваченный. Вот кто нарочно царь-пса подманил! Поклонился старший сын морянке-селезню за добычу, а того уж и след простыл.

В весенний день, когда солнце золотыми шестами льды разгоняло, пришёл к морю средний сын. Не сразу признал он в сизом селезне среди стаи утиной родного отца. А селезень-морянка по воде крыльями бьёт, косяк

рыбы красной к берегу подгоняет. Тут скинул средний сын кухлянку с себя и давай красных рыб вычерпывать. Столько наловил, что потом на двух оленьих упряжках с трудом увёз. С тех пор к рыбному делу и пристрастился: где селезня увидит — там и сеть заведёт. И не было на всём побережье рыбака удачливее.

А в летний день, когда утки к озёрам потянулись, у младшего сына свадьба была. Только среди веселья загрустил младший сын, об отце вспомнил: где его теперь искать, на каком озере? Вот бы увидел невесту, порадовался...

Вдруг захлопали над тундрой крылья быстрые: это в синем небе плясал сизый селезень, словно в бубен бил вокруг жениха с невестой. А на прощанье перышко обронил: летело оно, кружилось, на ладони сыну опустилось.

Конечно, от пера утиног что за толк? Однако смотря у кого в руках. Сын-то младший стал из коры и трав краски варить да тем утиным перышком красоту рисовать. А про что рисует, про то и поёт. Песен его я много знаю: он же был дедушкой моего дедушки. Однако время позднее, потом спою. И перышко покажу. И ещё что-нибудь вспомню. А пока всё.

ЖЕЛЕЗНЫЙ МАЛЫШ

Вот уж сказку скажу — напугаешься. Померещится что — чур, чур! — говори, головешку раздуй, вокруг помахивай. А то бубен на — стучи громко, как тюлень хвостом. Кэлы подумает: мол, от страха трясётся, боится меня. Может, вовсе не тронет...

Так что жили законным браком муж с женой. Деток любили, кого где находили: то под кустом ольховым, то в морошке спелой, а то просто в ягеле. А уж кэлы, злой дух, тут как тут. Через всю тундру выюгой-выюном несётся, сопит-свистит, за дитятей новым торопится. Мать плачет-убивается, торбаса его поганые обнимает, а тому смех, да и только! Мужчин наших в смертный страх вгонял: не то, говорит, дитя возьму, не то, говорит, зверьё изведу, да птиц поморожу, да рыб заставлю друг дружку поедать. У мужчин после таких слов с пол-луны до полнолуния руки тряслись — не охотники.

И опять пуста колыбель на ремнях кожаных в тёмном пологе покачивается. Всю ночь кэлы свой шабаш справляет, день в сопках спит, а под вечер опять на разбой собирается.

Вот однажды муж и говорит жене:

— Однако, стар становлюсь, кто ж меня на охоте заменит, в белом возрасте утешит, род наш продолжит?

А жена перед тем дитя в ярангу принесла. Длинноглазенького, круглолицего крепыша-малыша, что у камня нашла. И муж сказал:

— Не отдам кэлы, будь что будет. Спрячь ребёночка, а уж я что-нибудь придумаю.

Сказал так и в тундру ушёл. Раньше в тундре, кроме следов звериных, да запахов смутных, да иных примет охотничьих, ничего и знать не знал.

А тут за камни принялся: какой одной рукой поднимет — тот бросит прочь, а какой двумя еле одолеет — к яме волочёт. Вот он под камнями теми огонь развёл, большой огонь, с чёрным дымом.

Кэлы думает: совсем чукча ум потерял. В ярангах думают: никак, самого умку поймал, медвежье мясо коптит. А жене в ту пору думать не положено было: сказано — прячь дитя, она и спрятала.

Меж тем из калёных камней железо в яму натекло. Отковал чукча из того железа дитя не дитя, а так — железного удалца, с ручонками корявыми, с тюленя весом. Еле в ярангу втащил. Пришлось к колыбельке ещё ремней навязать, чтобы под железным ребёнком не упала.

Сидят под вечер в яранге муж с женой, кэлы ожидают. Засвистело над тундрой, зауhalo. Шкуру у входа в ярангу откинуло. Из чёрного холода кэлы явился.

— Ох, — говорит, — по деточкам соскучился. С утра, — говорит, — икается мне от голоду. Показывай, женщина, кого принесла.

А как заглянул в колыбельку, чуть не до слёз растрогался. Железный-то ребяёночек не режёт со страху, а сам к кэлы ручонки свои тянет, будто обнять хочет. Кэлы говорит:

— Я вам за такого дитя керосину дам. Я, — говорит, — корабль купеческий вчера потопил, так керосину этого у меня — бочек сто, не менее!

А сам уж ребяёночка к себе тащит. Тут железные ручонки и хватъ кэлы — у того глаза на лоб, еле дышит.

— Ой, — кричит, — спасите, ой, совсем пропадаю!

И вон из яранги! А железный малыш не отпускает кэлы. Бежит тот, вопит, вся тундра ходуном ходит. А как до Ледовитого океана дотопал, тут свой дух-то злой и испустил.

Утром пошёл охотник к океану взглянуть, точно ли кэлы помер. Смотрит — и верно: того и дух простыл. Так только — куски льда ребристого, вроде торосов. А на них — железный удалец, им откованный, лежит, снежком припорошенный.

Однако охотник тот умный был. «Хоть железное это дитя, — рассудил, — а моё. На охоту с ним ходить буду, пока в яранге другой подрастёт».

Так и сделал. Ребяёнка этого он Капканом назвал. Злые духи с тех пор в капканы редко попадают — почти все перевелись. А вот лис черно-бурый, песец голубой или волк зубастый попадают часто.

Другая жизнь в тундре пошла. В каждой яранге детей много, еды много, шкур много. Оттого и сказок много рассказывают. Всё.

МЕДВЕЖЬЯ ХИТРОСТЬ

Умка, медведь наш, такое прознал, что для медвежьего звания просто срам и злостное оскорбление. Сказывали, будто люди в ярангах про него всякие небыли плетут, простаком его выставляют себе на посмешище.

А в тундре только попадись в сказку — сейчас от зайца к песцу, от песца к тюленю молва пойдёт, насмешки да перетолки: «У нашего умки хвост по уму!» В сказки-то на Чукотке и еврашка верит.

Как раз тогда пастух один оленьи нарты делать собрался — за берёзой пошёл.

Приметил его медведь, загремел кустами, наперерез выскочил. И уж было съесть решил, не поздоровавшись, как лису увидал. Ну, лиса-то — хитрюга известная: от рыбки хвостик попросит, с головы начнёт, так пока до хвоста доберётся, всю рыбку и съест. Чего доброго, и перед человеком на смех выставит. И надумал медведь без дележа обойтись. Завалился в кусты, лапами голову укрыв — для утайки. А пастух от страху как дерево встал.

Лиса пастуха и спрашивает:

— Что это там за куча в кустах?

Пастух оглянулся, а медведь ему шепчет:

— Чего ей надо?

— Говорит: что за куча в кустах?

— Скажи — дров охапка.

— Да вот, лиса, — дров охапка.

Лиса опять:

— А чего ж ветки шевелятся?

Медведь переспрашивает:

— А что теперь говорит?

— Почему охапка шевелится.

— Скажи, мол, сейчас положил.

— Да вот, лиса, только с плеч сбросил.

Лиса опять пастуху:

— Что ж дрова домой не несёшь?

Умка пастуху подсказывает:

— Говори — не поднять, ноша тяжела.

Лиса не уходит:

— Так убавил бы.

Совсем медведь расстроился:

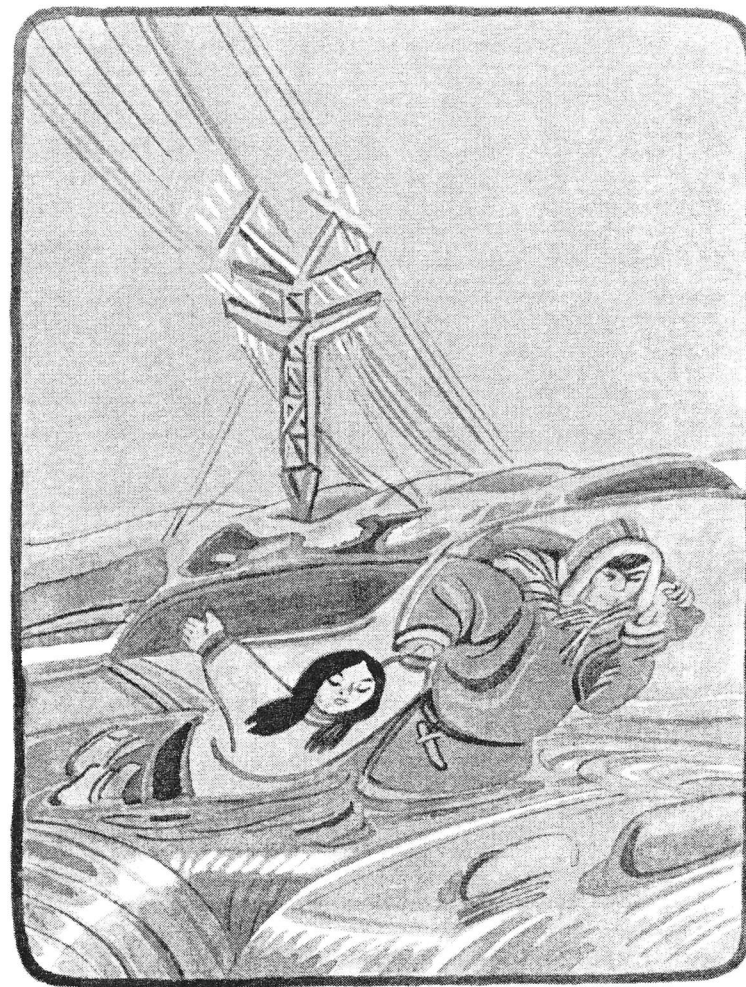
— Узнай, как убавить-то, не то совсем не отстанет.

Спросил пастух, а лиса в ответ:

— А топор на что? Руби пополам!

Замахнулся пастух по лисьей подсказке — тут медведь дёру и дал.

И не то ему жалко было, что добычи лишился, за прошлые обиды счёт не свёл, а что снова в сказку попался в глупейшем виде. Сраму-то, сраму! Ведь сказано же: в сказки на Чукотке и еврашка верит. Всё.

Рассказы

ЗЕЛЁНЫМ-ПРЕЗЕЛЁНЫМ УТРОМ

Утро было зелёным-презелёным. Дул зелёный ветерок — отгоняльщик комаров. Над зелёной сопкой плыло зеленоватое облачко. И я скакала и прыгала, как мячик, до самого неба. Но мама даже не удивилась, словно ничего и не заметила: «Сходи-ка, доченька, к бабушке за рыбьими головами». Ничего нет вкусней ухи из рыбьих голов, что и говорить. Да можно ли заниматься такими пустяками зелёным-презелёным утром! Но я взяла ведёрко, прыгнула с крыльца — и полетела. Волосы мои развевались, словно хвост воздушного змея, полотняная камлейка надулась, как парашют, и я парила до самого бабушкиного дома, держа на весу ведёрко и перебирая в воздухе лёгкими ногами. Жаль, что обратно пришлось идти пешком, потому что глазастые головы хариуса в это утро тоже хотели летать, и мне приходилось хорошенько следить, чтобы они не разлетелись по всему посёлку. Зато потом мама разрешила мне слетать на речку вместе с моим кудлатым Выхелем. «Только недолго!» — крикнула нам вдогонку. Надо же! Видно, боится дома одна оставаться. Но ничего, с годами это пройдёт.

Речка нам с Выхелем всегда рада. Только заглядишь на берег — сразу цапнет, зальёт торбасики, Выхеля, из-за камня подпрыгнув, окатит. А если палку в неё кинешь — подхватит, понесёт, подпрыгивая, мохнатая речка, похожая на озёрного щенка. Выхель палку у неё отберёт, вылетит из воды на берег — и ко мне. Ох, хитёр! Пока я палку поднимаю, он — фырррх! — с головы до ног меня обрызгает. Да и я в долгу не останусь. Весело!

Мы и не заметили, пока гонялись друг за другом да брызгались, как появились неподалёку от нас малыши. «Девочка, девочка! — позвала меня малышка в расшитой цветами камлейке. — Можно мне твою собаку погладить?» И все они по очереди стали гладить Выхеля. А он разлёгся, положив голову на вытянутые лапы, и, чтобы посмешить малышню, вскидывал то одно, то другое ухо, то оба сразу. Но тут прибежала белокурая рассерженная тётя, посмотрела на всех нас сквозь огромные перепуганные очки, ахнула, замахала руками и погнала ребячью стайку к детскому саду за зелёным штaketником. А девочка в расшитой камлейке то и дело оборачивалась и плакала, плакала, не закрывая рта. Бедные дети! Сейчас им будут мыть руки и ставить градусники, уж я-то знаю.

Но Выхель на них и не смотрит. Он притаился за кустом — хвост по ветру, уши торчком, настоящий охотник, отслеживающий добычу! И я сажусь на корточки рядом с ним, приставив ко лбу козырьком ладошку, как в засаде, как в кино про пограничников. Тс-с-с! Вот они, нарушители границы, — смешные зверьки еврашки, похожие на маленьких человечков. Особенно когда они стоят на задних лапках. Наш дедушка, который верит во все сказки, и вправду думает, что еврашки — маленькие человечки, заколдованные злыми духами в стародавние времена. Ему об этом ещё его дедушка рассказывал. И вот они торопятся на водопой, сказочные еврашки-человечки, к прозрачной весёлой реке зелёным-презелёным утром.

Два шажка — скок-скок! — и встанут, прижимая лапки к груди, как детсадовские малыши, когда просят, чтобы их не ругали. Потом засвистят: «Пить-пить!» — и снова два прискока. Одна еврашка уже попила — умывается. Лапкой о лапку быстро трёт, словно боится мыло уронить, а потом и за мордочку принимается, за глазки. Я-то этого терпеть не могу, потому что — мыло. А еврашке хоть бы что! Надо бы разглядеть её получше.

Но только я выползла из-за куста, как какая-то птица выпорхнула прямо у меня из-под носа. А рядом в траве неуклюже запрыгал, замахал дрожащими крыльшками рябой птенец-толстячок. Тут Выхель выскочил как полоумный и придавил его лапой!

«Назад! — кричу. — Нельзя!» Птенца у него отбираю. Да поздно: два больших пера на правом крылышке надломлены. Вережит птенец от боли, все руки мне исклевал. А Выхель то носится кругами, то к земле припадает, клыками прицеливаясь к беспомощной своей добыче. И глаза его, не видящие больше ничего другого, горят торжествующе и азартно, как у настоящего охотника. Такие глаза я видела и у папы, когда он возвращается с охоты со связкой диких уток, притороченных к широкому поясу. И тогда в доме все радуются, особенно мама: огонь разводит, воду кипятит, перья ощипывает. А меня посылает к бабушке и бабушке — на утиное жаркое пригласить.

Так, может быть, и мы с Выхелем настоящие охотники, коли есть у нас добыча? Может быть, теперь папа будет брать нас в тундру и подарит мне настоящее ружьё? Да что там утки! Я песцов настреляю, я тюленя добуду! Отдыхай, папа, за оленями приглядывай, а уж мы с Выхелем всем чем надо семью обеспечим...

— Ты что это наделала, бессердечная?! — вспыхнула мама, увидав птенца. — Птаху замучила, чужое дитя! Ну-ка дай сюда... — и мокрой тряпкой отогнала заскулившего Выхеля.

— А папу — папу ты не ругаешь... — заплакала я, чувствуя, как зелёный мир вокруг теряет краски и очертания.

— Папа охотится на взрослых птиц. А они умные, они любого охотника перехитрить могут. А птенец — беззащитный. Гляди, и крылышко сломано...

И тут я заплакала так громко, что даже Выхель не выдержал и тоже завыл.

— Иди умойся, — сказала мама. — А я ему пока крылышко перевяжу. Чем кормить его, знаешь?

— Знаю, знаю! — обрадовалась я. — Стужённым молоком! Юколкой! У меня и конфеты есть, мне не жалко...

— Ах ты, глупенькая! — засмеялась мама. — Того, что ты любишь, птицы не едят. Придётся мух да комаров ловить, червяков выкапывать, мелкие камушки на речке искать. И гляди, как бы Выхель птенца не цапнул. Ведь ты теперь — его мама.

В плетёную корзинку я положила мягкой травы и бархатного ягеля, а посередине, как в гнёздышке, устроила своего птенца.

— Я на речке умоюсь, — сказала я маме. — Ладно?

А птенцу сказала:

— Я скоро, сыночек, только туда и обратно.

И мы с Вытемом полетели на речку по зелёному-презелёному утру, не задевая кочек и травы.

МУХОМОРЫ

К маме хочу. Только к маме хочу! Вот уж как выберусь отсюда, как найдусь — всё по-другому будет. «Воды бы принести», — только подумает, а я тут как тут: с Осиновой речки возвращаюсь, вода в ведрышках — дзень-дзень! «Что за умница эта нэнэн» — так она скажет.

А утром мама сердитым голосом говорила:

— Не ходила бы, нэнэн, с папой сегодня. Погода хмурится. Да и детское ли дело — собирать мухоморы?

— Очень даже детское! — захныкала я и ухватила за папину кухлянку. — Кто же папе помогать будет?

И он сказал:

— Пусть.

А мама с папой никогда не спорит. Уложила молча в котомку вяленой оленины, ююлку из хариуса, да чай, да сахар. Помогла мне натянуть походные торбасики, которые сама сшила из продывленной оленьей шкуры. И даже косички поправила, словно я не в тундру за мухоморами, а в школу собралась.

— Только не трогай их пальцами, гляди. А палочку найдёшь — и вот так их, вот так. И руки потом как следует вымой в ручье. Ну, ступайте.

Понюхала меня на прощанье, и я её тоже. Это на Чукотке у нас все так целуются. Долго я маме рукавичкой махала. Обернусь, помашу — и снова бегом за папой. Сначала я видела и маму, и белё на шесте, и нашу ярангу, и голубой дымок над ней. А потом — только маленькую ярангу и дымок. А потом — серебристый колпачок с гусиным перышком. А потом и перышко исчезло. Так далеко я ещё никогда не ходила.

Там, где Осиновая речка разлилась и помельче стала, перебрались мы на другую сторону: папа по воде — шлёп-шлёп, а я у него на плече, как мешок-эвечун, — скок-скок! А вода журчит, зелёная, перед глазами — ждёт, не упаду ли. За речкой между сопками — поляна замшелая, валуны бородастые, лишайники. А мухоморов-то, мухоморов — видимо-невидимо! За нами подглядывают, под красными шляпами ухмылки прячут. Надо бы папу спросить, зачем их собирать — поляна без красных пятнышек всю красу потеряет. А как спросишь? Папа у нас в иной день и словечка не проронит. Мама скажет: «Рыба кончается, чем собак кормить?» Не шевельнётся, только трубкой попыхивает, далеко глядит. Потом молча на камень укажет: дескать, рыба под ним, ледком для сохранности обложена, с утра наловил,

пока вы тут спите. Вот как он молчит. Не любит, когда говорят много. А мама — наоборот: о чём подумает, то и скажет. И ведь так иногда скажет, что начальство к нам только по большой необходимости приезжает. И папа её разговоры терпит — привык, наверное. А дети — дело другое.

И всё-таки я спрашиваю:

— Атэ, а атэ! Зачем мухоморы собирают?

Даже с корточек поднялся, мухомор в мешок укладывая.

— Чтобы оленям не достались. От мухомора олень дурным станет, носится как бешеный. Устанет — спит долго. Волк подберётся — не учует. Бешеный гриб, однако.

Вот он сколько сказал! Я обрадовалась:

— А мы-то что с ними будем делать?

— Однако, соберём.

Повздыхал, потоптался, сучок с куста срезал, похожий боком на ножик, а плашмя — на лопаточку.

— На! Руками гриб не тронь. Червяк укусит.

Стра-ашно! Червяков я боюсь. А всё же сажусь над грибом, разглядываю — никого. Лопаточкой своей хлоп по макушке — красная шляпа набекрень, а так — целёхонек гриб. И со вторым та же история. А главное — нигде ни одного червячка. Стала я мухоморы руками срывать: и быстро, и никто не кусается.

— Атэ, вон у меня их сколько! Иди лучше с мешком за мной — я быстро собираю.

Подошёл отец, руками замахал, словно комаров прогоняя, потом присел на корточки, моей лопаткой мухомор под землёй подцепил — с корнем вывернул: дескать, вот как надо, с корнем, неразумная ты голова!

С корнем так с корнем. Копаю-выкапываю, а только как с корня землю отряхнёшь? Без рук не обойтись. Опять бегу к отцу. А его кожаный мешок уже полон доверху. Посмотрел папа на мои руки да шлёпнул меня сзади повыше торбасиков: мол, сказано было — руками не брать, ну-ка марш к ручью! Вымыл руки мне и себе, мохом обтёр, а по дороге назад сухих веток наломал, да и я не отставала. Весёлый костерок получился у нас, тёплый, с аппетитным дымком. В котелке чай булькает, поспекает. Ююлка просто в роту тает. Гуси над нами — курлы-курлы — высоко в сером небе вереницей плывут. И дымок от костра летит за ними. Нет, что и говорить — хорошо собирать мухоморы!

Папа после чая стал трубочку набивать, да так и задремал над кисетом. Сначала я подумала: чего это он там разглядывает? Наверное, сквозь землю глядит. Мама однажды так и сказала: «Отца не обманешь, он и сквозь землю всё видит». Интересно, конечно, что там под нами, с другой стороны? Может быть, джунгли с обезьянами. А может быть, корабль по океану плывёт. Тут папа и захрапел. Но я не засмеялась, а пожалела его: он ведь только утром из стада пришёл после ночного дежурства. А ещё эти мухоморы.

Когда он проснулся, упросила его мешок мне отдать: понесу, не маленькая.

Костёр затоптали, собрали свои пожитки и дальше пошли. Стала я отставать. Как это я раньше не замечала, что столько луж кругом? Хлоп-хлоп... Хлоп-хлоп... А папа уже далеко впереди. И кто это выдумал бешеные грибы на себе по лужам таскать? Нашла ямку побольше да поглубже и все мухоморы из мешка туда и вытряхнула.

— Атэ, — кричу, — атэ!

Увидел папа, что я с пустым мешком иду, рассердился:

— Ка-ако! Плохая помощница!

И бегом-бегом к яме. А там грибы-утопленники кверху лапками плавают, мухоморный белый мусор, как шуга, всю воду заполонил. Папа только крикнул от досады, махнул рукой и к реке Осиновой, к переправе сердитыми шагами зашагал. Только у самой воды обо мне и вспомнил. Однако на этот раз на плечо меня не взял, а потянул за рукав в воду. Он идёт в воде по пояс, я плыву рядом, как лоскут сухой оленьей шкуры. На гальке, не доходя берега, оставил меня и зашагал себе дальше, не оборачиваясь. Это называется у нас тундровое воспитание. Ревы не ревы — всё равно не поможет. Поэтому я не заревела. Пока воду выжимала, выливала, пока попрядала, чтобы согреться, папы и след простыл. Сумерки над тундрой. Пустота и тишь.

Вот тут-то мне и захотелось к маме. Разве она бы бросила из-за каких-то противных грибов несчастного ребёнка? Придёт отец домой, а меня нет, — что он маме скажет? Тундровое воспитание! Кха-кха! Вот я уже и кашляю. У меня даже жар и озноб. И я могу хоть сейчас умереть. И никто никогда меня больше не найдёт. Вот только жалко, что холодно. И маму жалко. А мама, наверное, уже оленину жарит.

Еле домой доплелась. Мама меня обнюхала у яранги, раздела побыстрей, поближе к очагу усадила. Отец, как каменный, на нарте сидит, только огонёк в трубочке вспыхивает, неподвижное лицо его озаряет. Гляжу — из моего кэркэра¹ маленький мухомор выкатился. Подняла его с пола, маме шепчу:

— Отдай его папе, если ему уж так мухоморы нужны.

— Да не ему, а дедушке.

— Дедушке? — не поверила я своим ушам. — Да ведь эти грибы плохие, бешеные.

— Когда как, нэнэн. Дедушка их к празднику сушит: съест половину сушёного мухомора — и запоёт громко, как молодой. Это он из наших сказок добрых духов созывает. А потом будет в бубен бить, шаманить да плясать — злых духов от наших яранг отпугивать.

— И на Октябрьские праздники тоже?

— И на Октябрьские. Парад из Москвы по телевизору посмотрит — и давай в бубен греметь, Советскую власть славить, злых духов страшать. Он же у нас старенький, привык по-старому праздники отмечать.

Тогда я привязала маленький мухомор на нитку, над очагом повесила. Пусть хорошенько посушится. Скоро праздник — вот и будет дедушке подарок.

¹ Кэркэр — женская меховая одежда.

ТОРМОЗОК

Шахтёрский завтрак в забое называют ласково — тормозок. Хорошее словечко, меткое: дескать, тормози работу, да ненадолго. Даст бригадир команду, смолкнет стрекот подземных кузнечиков — отбойных молотков, и вот уже в каптёрке собирается вся бригада, на тормозок.

У каждого тормозок свой, домашний: у кого в сумке, у кого в узелке, а у кого и по карманам распихан. Запахнет в каптёрке чаем и молоком, юколкой и луком, а кто и тёплые шанежки достанет — сибирские ватрушки, товарищей угощает. Всего-то полчаса и отводится на тормозок, а посмотришь на лица — повеселели, морщины разгладились, улыбаются от тепла и уюта, чумазые. Едят шахтёры, из кружек прихлёбывают, своих хозяек нахваливают. И получается, будто у каждого жена ли, мать такая стряпуха да мастерица, каких и за чукотскими пределами ищи не сыщешь.

И у Друга такая была — длинноглазая чукчаночка, заботливая и ласковая, каждый раз на смену собиравшая ему домашнюю снедь в оленью торбочку. Ждали они прибавления в семье, дочку. Дочка и родилась. А вот красавицы чукчаночки не стало. Забрал из родильного дома Друг свою девочку, жену схоронил, с шахты уволился, зажил бобылём.

Через семь лет только, когда девочка в школу пошла, на шахте снова и появился. Определили его в ту же бригаду, где раньше работал, — новичков там не много прибавилось. Да и те его, вслед за старшими, не по имени называть стали, а как все — просто Другом. Очень уж подходило к нему это прозвание.

Тормозок он теперь себе сам припасал. Консервов банка, да бутылка кефира, да хлеба ломоть. Скучный тормозок, что и говорить. Потому его каждый и угостить старался — пирогом ли с грибами, свежей ли строганинкой с зеленью. Попробует Друг, поблагодарит, хозяйку, как водится, похвалит, а ведь и куска толком не съест — так только, чтобы товарищей не обидеть. Видно, нелегко ему жилось, по жене тосковал.

Вот однажды Друг весёлым пришёл, в забое пел, хоть и не слышал никто из-за грохота, чего он там молотку-кузнечнику подпевает. Отбойным клювом — троп-топ-ток! — мокрый пласт потрошит, руду в покатый жёлоб отваливает, смотреть любо-дорого. Подручный его, парнишка русский, Русачок, еле поспевает — так он ещё и парнишке поможет: в две лопаты дело у них куда быстрее идёт. Руда из жёлоба на конвейер — и пошла, пошла из тусклого подземелья белый свет поскорей увидеть, на весеннем солнце жмуриться, в поездах быстрых мчаться к жарким домам заводским. В этих камешках корявых — крепкий металл для обшивки космических кораблей, скользящих в неоглядных пространствах небесных, и, быть может, видит их Друг мысленным взором — высоко душа взлетает за песней вслед.

Эй, шабаш, Друг, стоп: тормозок! Русачок-подручный уже внизу, в каптёрку зовёт. Друг за ним на пятках прямо по руде съезжает. А за столом

уже вся бригада в сборе, из мешков прозрачных да из газет промасленных кто что достаёт, раскладывает. Тут и Друг свой тормозок достал. Торба у него полотняная, с тесёмками, снизу кожей подшита. Из торбы не спеша достаёт: полотенце аккуратное льняное, на него сала розовый кусок, чеснока фиалковые дольки, бутерброды, кружечку, серебристый термос на пол-литра чая, а чай-то с молоком гущённым, пахучий, густой. Женился, однако, Друг, что ли? Говорить не говорил, так ведь в забое с утра поёт, в глазах — свет живой, не иначе как женился.

Глядят друзья на него понимающе, вопросов лишних не задают, от сала не отказываются, хозяйку хвалят. Русачок так и сказал: «Спасибо от нас передай». А бригадир из своего шкафчика шоколадку достал. Один он на торбе полотняной прочитать успел: «ПАПОЧКА, ПРЕЯТНОВА АПИТИТА». И каждая буква вышитая, каждая милая ошибка на рукоделии глаза ему до слёз запорошили.

«Ай да хозяйюшка!» — только и сказал.

ДВА ЛИЦА

У этой девочки из нашего класса два лица. Одно для учительницы. Другое для ребят.

Если учительница уже в классе, она вежливо поздоровается и скажет мне, улыбаясь:

— А вот и я! Подвинься, пожалуйста!

Улыбка у неё задушевная. Голос воркующий. Учительница на неё смотрит и тоже улыбается: вот уж какая воспитанная, симпатичная, добрая девочка! А девочка сядет за парту и толк меня в бок острым локтем. Или смахнёт, будто нечаянно, учебник. Или прошипит исподтишка:

— Клешни подбери, культяпа!..

Губы подожмёт, как старушка беззубая, сердитую морщинку сжимает бровями — хмурится. Увидела бы её сейчас учительница — ни за что бы не узнала. А если я ойкну от боли или во время звонка полезу под парту за учебником, учительница тяжело вздохнёт и скажет:

— Ну что там у тебя опять? Разве нельзя вести себя прилично? Ведь, кажется, у тебя есть с кого брать пример. — И переведёт потеплевший взгляд на девочку.

А у той уже лицо — загляденье, красочная картинка, солнечная весна в тундре! Даже ребята и то надо мной смеются.

И вот я не вытерпела однажды и сказала вслух всё, что я о ней думаю:

— Ты притвора! И никто! никогда! не возьмёт тебя замуж!

— Что ты сказала?! — зашипела она, и лицо её тотчас превратилось в старушечье, пальцы скрючились, как когти баклана, и она бросилась на меня с таким визгом, словно её сзади кусала собака.

— Обе за дверь! — крикнула учительница и при этом так притопнула,

что сломала каблук. — И нечего строить глазки! — совсем рассердилась она, взглянув на девочку. — При-тво-ра!

После уроков, поставив мне двойку за поведение в дневник, учительница усмехнулась и спросила:

— Почему ты думаешь, что её никто не возьмёт замуж?

— Потому что я об этом думала всю ночь.

— Странно... — сказала учительница. — В твоём возрасте...

— Ничего странного, — вздохнула я. — Так мне и папа сказал. А уж наш папа знает, на ком надо жениться, а на ком не надо.

ПОДАРОК ДЛЯ ТЁТИ

Не везёт моей тётё. Близорукие её глаза стали грустные-грустные. А когда наденет очки, то кажется, будто смотрит она сквозь слёзы.

Был у неё кот Шаник, ласковый и добродушный, как сама тётя. Шубка у Шаника была пушистая и голубая, как голубичная поляна в летнем кедровнике. И вот Шаник заболел. Шубка на нём потускнела и сваялась, ободки вокруг глаз почернели, словно их обвели тушью. Рыжий тётин Энер, похожий больше на лиса, чем на охотничью лайку, тоже его жалел: то косточку со двора притащит — дескать, бери, Шаник, это очень хорошая косточка; то прыгает вокруг, на спине валяется — представление разыгрывает. А если забудется, ударит Шаника легонько, тот не отскочит, как прежде, не зашипит, смешной и взъерошенный, а плюхнется на бок, вытянув ослабевшие задние лапки.

Тётя его тёплыми сливками поила и отваром из трав, даже за старым шаманом в далёкий посёлок собиралась поехать. А Шаник однажды уснул — и не проснулся. Вскоре и Энер пропал. Он и раньше пропадал, бывало, но ненадолго — на день, два, ну на неделю. Однако возвращался, жалкий, заискивающий, виноватый, со свежими следами жарких схваток на Собачьем пустыре. Теперь его и на пустыре не было.

Первое время, когда не стало Шаника, он ещё слушался тётю и даже подолгу не выходил из квартиры, лёжа в углу на Шаниковой подстилке. Но потом какой-то злой дух вселился в него. Раньше он и на улице не позволял себе лаять, как какая-нибудь дворняга. А теперь услышит любой шорох или шаги в подъезде — лает, хрипит, хоть уши затыкай. А как выпустит его тётя во двор, обязательно набедакурит. Однажды ни с того ни с сего соседскую курицу придушил. А ведь курицу эту тётинной соседке с материка на вертолёте к празднику доставили.

В наказание за это стала тётя Энера дома запирасть. А что собаке в пустой квартире делать? Был бы Шаник, тогда другой разговор. В те дни пристрастился Энер к чтению. Достанет газету с трюмо или забытую в кресле книгу и начнёт читать всё подряд. Он даже пытался съесть особенно полюбившиеся страницы. А их было много, потому что у тётки была очень

хорошая библиотека. Больше всего ему понравилась «Женщина в белом», которую тётя тоже очень любила. На эту бедную «Женщину» он вылил всю воду из миски, а миску загнал под диван.

Когда же тётя стала прятать от него литературу, он вспомнил истинное своё призвание и принялся за охоту. Особенно досталось зайцу, из которого была сделана некогда пушистая тётина шапка. Шапку пришлось выкинуть, а Энер в тот вечер остался без ужина.

Наутро он сбежал. Тётя надеялась, что он ещё вернётся, что, скорее всего, он в кого-нибудь влюбился, потому что весной это может произойти с каждым. «Да-да! — говорила тётя. — И с породистыми лайками тоже». Однако не вернулся Энер. Должно быть, и вправду завёл семью и позабыл про тётю. Или отправился в тайгу на охоту, да мало ли что...

Только тётя однажды сказала:

— Ну и пусть! Больше никакого зверья заводить не буду. Долго сердце болит, когда теряешь. Уж лучше совсем одной... — и заплакала.

И я поняла, что тётя просто так это сказала, а на самом деле была бы рада, появившись в её опустевшем доме какое-нибудь доброе, симпатичное и преданное существо.

В тот вечер дома, сделав уроки, я забралась в чулан, хотя никто меня и не наказывал. Когда наказывали, я всегда делала вид, будто ужасно боюсь чулана. Но что за славное это было местечко! Справа на гвозде висел карманный фонарик. Я включила его, и в золотом круге света засверкали спицы велосипедного колеса, выступила из мглы перекошенная этажерка с торчащими из неё старыми папиными торбасами, и тихонько вздохнул завалившийся набок среди груды хлама мой старый медвежонок с оторванным ухом.словно луч фонарика был волшебным, словно он освобождал из тьмы и забывает всё, чего ни касался.

Но я-то знала, кого ждала. И он появился, чёрный и блестящий, и усы его светились и покачивались, точно серебристый противовес в руках канатоходца, которого я видела однажды в Магаданском цирке. Вот оно, живое и симпатичное существо, которое скрасит тётino одиночество. Его можно тоже научить бегать по канату. Спать он будет в банке. А для прогулок хватит и подокольника. Я буду его навещать и приносить самые вкусные крошки. Да и ему будет весело, не то что в чулане.

Я его ловлю, запираю в приготовленный спичечный коробок, а на коробке пишу печатными буквами: **ОСТОРОЖНО! ТАРАКАН ДЛЯ ТЁТИ**».

ПОЛНОВОДНАЯ РЕКА ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ

Древние чукотские духи добра с раннего младенчества защищали поэтессу Антонину Кымытваль от всяческих невзгод. Она родилась двойняшкой, ее братик умер через несколько дней после родов, будущая поэтесса выжила. Поэзия захватила душу девочки в раннем возрасте, может потому, что поселок Мухоморное, где Кымытваль родилась и провела годы младенчества, располагался в удивительно красивом лесистом краю. Она еще не умела писать, читать, но уже стала слышать слова, собирающиеся сами по себе в песню. А в десять лет, едва научившись писать, Тоня написала первое стихотворение.

Однажды она возвращалась из тундры, где собирала ягоды, и в кустах нос к носу встретила с медведем. От страха девочка стала читать свое единственное стихотворение. Медведь встал на задние лапы, потом повернулся и исчез в кустах.

— С тех пор я ничего не боялась, с тех пор я поняла, что меня охраняет сама природа, — обычно заканчивала свой рассказ о встрече с медведем поэтесса.

Жизнь, действительно, на протяжении всех лет дарит Антонине Кымытваль большое число радостных встреч с прекрасными людьми.

Родители поэтессы рано ушли из жизни. Интернаты стали ее родным домом. С десяти лет она не переставала писать стихи, и когда поступила в Анадырское педучилище, то произведения ее стали печататься не только в студенческом рукописном журнале, но и в газетах.

Самое памятное и волнительное событие в жизни студентки педучилища Антонины Кымытваль состоялось в 1957 году — поездка в Москву на Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Москва поразила юную чукчанку и окончательно определила ее творческую судьбу. Отныне поэтическое творчество стало смыслом ее жизни. Именно в эти годы своей учебы, становления, она выработала свой взгляд на жизнь, выпестовала свой стойкий характер. Позже в своих стихах она очень просто выразила свое кредо жизни.

Жить бесконечно виноватой
устала,
ох, устала я.
Бескрылой слыть
и быть крылатой
устала,
ох, устала я.
Всем угождая,
спотыкаться
устала,
ох, устала я.
На чих чиновный откликаться
устала,
ох, устала я.

Человеку невозможно достичь в жизни совершенства, но стремиться к этому заставляют его творческая натура, любовь к людям, к малой родине. Для Антонины Кымытваль малой родиной стал Анадырь. Тут она нашла не только свою поэтическую судьбу, но и встретила первую любовь, стала матерью.

Анадырь мой,
любви моей исток
и материнской радости росток.

Окончив Анадырское педучилище, Кымытваль некоторое время работала учителем в селе Усть-Белая. Но тяга к учению вновь позвала ее в Анадырь. В 1960 году она уехала в Хабаровск и поступила в Высшую партийную школу. После окончания школы Кымытваль не стала партийным работником. Поэзия уже управляла ее судьбой, вела по жизни. Поэтесса устроилась работать в Дом народного творчества и много ездила по Чукотке. Встречалась с пожилыми людьми, записывала сказки, легенды, обычаи, историю родов. Позже прекрасные знания фольклора родного народа будут переплавлены в проникновенные стихи, в радостную слитность настоящей жизни с прошлой, такой родной и близкой историей.

Душа сжимается от боли;
чем удержать ее в неволе,
не ведает рассудок мой —
домой...
Где нас будили утром птичьи звоны
и хариусом
пахли халцедоны.
Глаза прикрою —
вот он, отчий дом...
Дымок над ним в честь путника не тает,
и шкура с мягким ворсом ожидает
усталого...
Я сердцем — в доме том.
Пью с гостем чай
и угощаю мясом,
и в шутках пролетают час за часом.
А ночью
за ярангой
хруп да хруп —
шаги,
и вдвое громче, чем при свете;
и страхами
друг друга,
словно дети,
пугаем так,
что зуб стучит о зуб.
Но выгляну —
и нежность горло сводит:
олешек ждет людей
и не уходит.

В двадцать с небольшим Кымытваль издала свою первую книгу на чукотском, а чуть позже и на русском языке. Именно первая книга, названная «Песни сердца», открыла читателям тонкого лирика, с обнаженной душой говорящего о любви.

Я спою,
я спою мою жизнь,
но сперва
пусть взойдут в моем сердце слова,
как в июне цветы и трава —
прорастут,
в песню сложатся и
всем расскажут о нашей любви...

Нельзя не подчеркнуть еще одну особенность в творчестве Кымытваль — тема материнства. Ее любовь к матери, любовь как матери к детям проступают сквозь стихотворные строки радостным, лучезарным сиянием.

Мне нежность перехватывает горло,
я чувствую тревогу, радость, гордость,
когда к груди ребенка подношу.
И в этот миг сама едва дышу...

Учась в Москве на Высших литературных курсах Союза писателей, Кымытваль тосковала по родной Чукотке. Написанные ею в эти годы стихи впоследствии были опубликованы в книге «Слушая музыку». По праву эта книга считается вершиной поэтического творчества Кымытваль.

В 2004 году Антонина Кымытваль стала лауреатом литературного конкурса имени Юрия Рытхэу. В Анадыре была издана книга стихов поэтессы «Избранное».

Антонина Кымытваль награждена орденами и медалями, ее стихи переводились во Франции, Германии, странах Азии и Африки.

В настоящее время поэтесса живет в Магадане, но поддерживает тесную связь с Чукоткой. Поэзия Антонины Кымытваль представлена во многих мировых поэтических антологиях, ее творчество неотъемлемо от могучей реки — русской поэзии и достойно представляет на мировом поэтическом олимпе Чукотку.

Евгений Рожков

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Данилушкин. ЧУКОТСКОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ	3
ПЕСНИ СЕРДЦА	
Мать. Перевод Р. Добровенского	10
Вместо колыбельной. Перевод Р. Добровенского	10
Лучик солнца. Перевод В. Сергеева	11
Колокольчик. Перевод М. Эдидовича	11
Часы. Перевод Р. Добровенского	12
«Нет у моих дочерей бабушки-северянки...» Перевод Р. Добровенского	13
Любаве. Перевод Р. Добровенского	13
«Птицей конверт мой — вот он...» Перевод Р. Добровенского	15
Пеликен. Перевод Р. Добровенского	16
Учительнице. Перевод Р. Добровенского	17
Продлись, мой сон. Перевод М. Эдидовича	19
Чайка. Перевод А. Пчелкина	20
«Жить бесконечно виноватой...» Перевод М. Эдидовича	22
Ветерок. Перевод В. Португалова	22
Советы Тнагиргина. Перевод М. Эдидовича	23
«Как красива земля моя, посмотри...» Перевод Л. Миланич	25
Анадырь. Перевод Л. Завальнюка	25
«Ну, понятно...» Перевод Р. Добровенского	26
«Видимо, так уж устроен народ...» Перевод В. Сергеева	27
Первая учительница. Перевод М. Эдидовича	28
Нет, я не молчу. Перевод А. Пчелкина	29
РАЗГОВОР С ТУНДРОЙ	
Письмо из города. Перевод Р. Добровенского	32
Олень. Перевод Р. Добровенского	33
Обняв грустящего кяюу. Перевод М. Эдидовича	35
Гости в стойбище. Перевод М. Эдидовича	36
Вижу, как птица. Перевод М. Эдидовича	37
Вольному — воля. Перевод Р. Добровенского	37
ТЕБЕ	
Тоскую. Перевод В. Сергеева	42
Улыбка по поводу бывших суеверий. Перевод Р. Добровенского	43
И длится противостоянье. Перевод М. Эдидовича	43
Сон. Перевод Р. Добровенского	44
Не забыться спасительным сном. Перевод М. Эдидовича	45
«Не жена, не жена, не жена...» Перевод М. Эдидовича	46
«О небо, я твоя должника...» Перевод М. Эдидовича	48
Пурга. Перевод М. Эдидовича	48
«Все, чем живу я...» Перевод М. Эдидовича	49
«Мало сказать, что я без тебя не могу...» Перевод Л. Миланич	50
«Уехал ты. В квартире тишина...» Перевод Л. Миланич	50
«Письма твои затерялись в пути...» Перевод Л. Миланич	51
Тебе. Перевод В. Сергеева	51
Грусть. Перевод В. Сергеева	52

Подарок. Перевод В. Сергеева	53
Горы уже побелели. Перевод В. Сергеева	53
В ожидании Нового года. Перевод В. Сергеева	54
«Мне без тебя так одиноко...» Перевод В. Сергеева	54
Тоска. Перевод В. Сергеева	54
Нет, не жалею. Перевод В. Сергеева	55
Зло берет на таких. Перевод В. Сергеева	56
О чем говорит море. Перевод В. Сергеева	56
Той, что на Чукотке. Перевод В. Сергеева	57
Зимой у устья. Перевод В. Сергеева	58
ПРИГЛАШЕНИЕ К ЧАЮ. Переводы А. Червченко	
Друзьям	64
Мой любимый цветок	64
«Человек в пути...»	65
Белая ночь	66
«Анадырь мой! Скорей...»	67
Поющие звезды Рыркайпиа	68
Снежная песня	69
На праздник	70
«Ах, собачки так лохматы...»	71
Приглашение к чаю	73
Пляска аиственниц	75
Цветы	77
«Вглядываясь в тысячи встречных лиц...»	78
Песня, принесенная весной	79
«Были — друзья хорошие...»	80
Над проливом Лонга	81
«Уйти тайком — когда я сплю?...»	82
«Кап, кап, кап...»	83
«С тобой немало мы прошли...»	83
«Музыка на острове особая...»	84
«Приходи, на тебя я взгляну...»	85
«Случается в жизни такое...»	87
«Не рада я ни счастью твоему...»	88
«Выращенные нами вдвоем...»	89
«Пора нам свидеться, хороший...»	89
«Не жди его...»	89
«Повстречали мы куропаца...»	90
Туман	91
«Расставаться тяжело...»	92
Сказка о хвостом лягушонке	92
Будет день. Поэма	95
ПОД КРЫЛОМ МОЕЙ ЯРАНГИ. Переводы М. Эдидовича	
За ярангою, во мхах	118
Печальнее не ведала я дней	118
И кажется, дышанье рядом	119
И незнакомый мне знаком	120
И тундра прикорнула	121
Любви моей исток	122
Песню не приворожила	122

В разноплеменном гуле голосов	123
Земляку	124
В страну своих снов	125
Не выношу говорливых	127
«Что б я ни сделала...»	128
Чудит чукотская дорога	129
На стоянке	129
«Дорогой мой, единственный...»	131
Дни нам коротки	132
Твое воспоминание	133
Отъездилась нарта	134
Лето с привкусом зимы	135
«И куда это годится...»	136
В мелодию сплетая звуки	136
На ледяной обочине планеты	137
«До чего же тоскую о доме...»	138
Давно прогорел костерок	139
Гаснет короткий день	140
Вспоминаю птичий зов	140
В глазах отразиться раскосых	141
«Я спою, я спою мою жизнь...»	142
Отзовись	142
Прорежусь солнечным лучом	143
Коснулась осень холодом виска	143
Потеряв, как птица, высоту	145
А отклика признаниям нет	145
Я тебя не вижу	146
Не спасай их, пускай догорят	147
«Не белый лист, исписанный неровно...»	148
ВСТРЕЧИ	
Слушая музыку. Перевод Р. Добровенского	152
Сказание о Вэкэте. Перевод Р. Добровенского	160
НЕПОСЕДА	
Непоседа. Перевод Р. Добровенского	172
Почему щенок всю ночь не спал. Перевод В. Першина	178
Встреча с Умкой. Перевод В. Першина	181
О ЧЕМ ПОЕТ БУБЕН. Переводы В. Першина	
Бычок	186
Настина уха	187
Сосед	188
Чья нарта лучше?	189
О чем поет бубен?	190
Медвежонок	195
Друзья	196
Слезы и дождик	199
Мой папа	199
Строитель	200
Яранга	201
Не будет врать!	202
Доченьке	203

ЭТОТ ПРАЗДНИК ВЕСТАЛЫЙ — КИЛЬВЕЙ. Переводы Ю. Кушака	
Перед праздником	206
Как построить ярангу	207
На коньках по океану	208
Новость	210
Приручил	211
Едут сапки за дровами	212
Утро	213
СКАЗКИ. Переводы Ю. Кушака	
Полезное имя	216
Селезень-морянка	217
Железный малыш	219
Медвежья хитрость	220
РАССКАЗЫ. Переводы Ю. Кушака	
Зелёным-презелёным утром	224
Мухоморы	226
Тормозок	229
Два лица	230
Подарок для тётки	231
Евгений Рожков. ПОЛНОВОДНАЯ РЕКА ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ	233

Литературно-художественное издание
Антонина Александровна Кымытваль
МОИ СТИХИ

Стихи, сказки, рассказы

Приложение к журналу «Колымские просторы»

Редактор **В. И. Данилушкин**

Портрет А. А. Кымытваль и обложка художника **В. Праскова**

Художники: **В. Истомин, Н. Ковалев, Ю. Коровкин, А. Макаров,
В. Мягков, Ю. Руденко**

В подготовке текста принимала участие Магаданская областная
универсальная научная библиотека имени А. С. Пушкина

Технический редактор *К. И. Болдырева*

Корректор *Т. И. Лапина*

Компьютерная верстка *В. Н. Бобылевой*

Подписано в печать 04.02.2009. Формат 60×84/16. Бумага мелованная.
Гарнитура Академическая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 13,3.
Тираж 700. Заказ 111.

ООО «Новая полиграфия». 685000, г. Магадан, пл. Горького, 9.

КОЛЫМСКИЕ ПРОСТОРЫ

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАГАДАН • 2008

